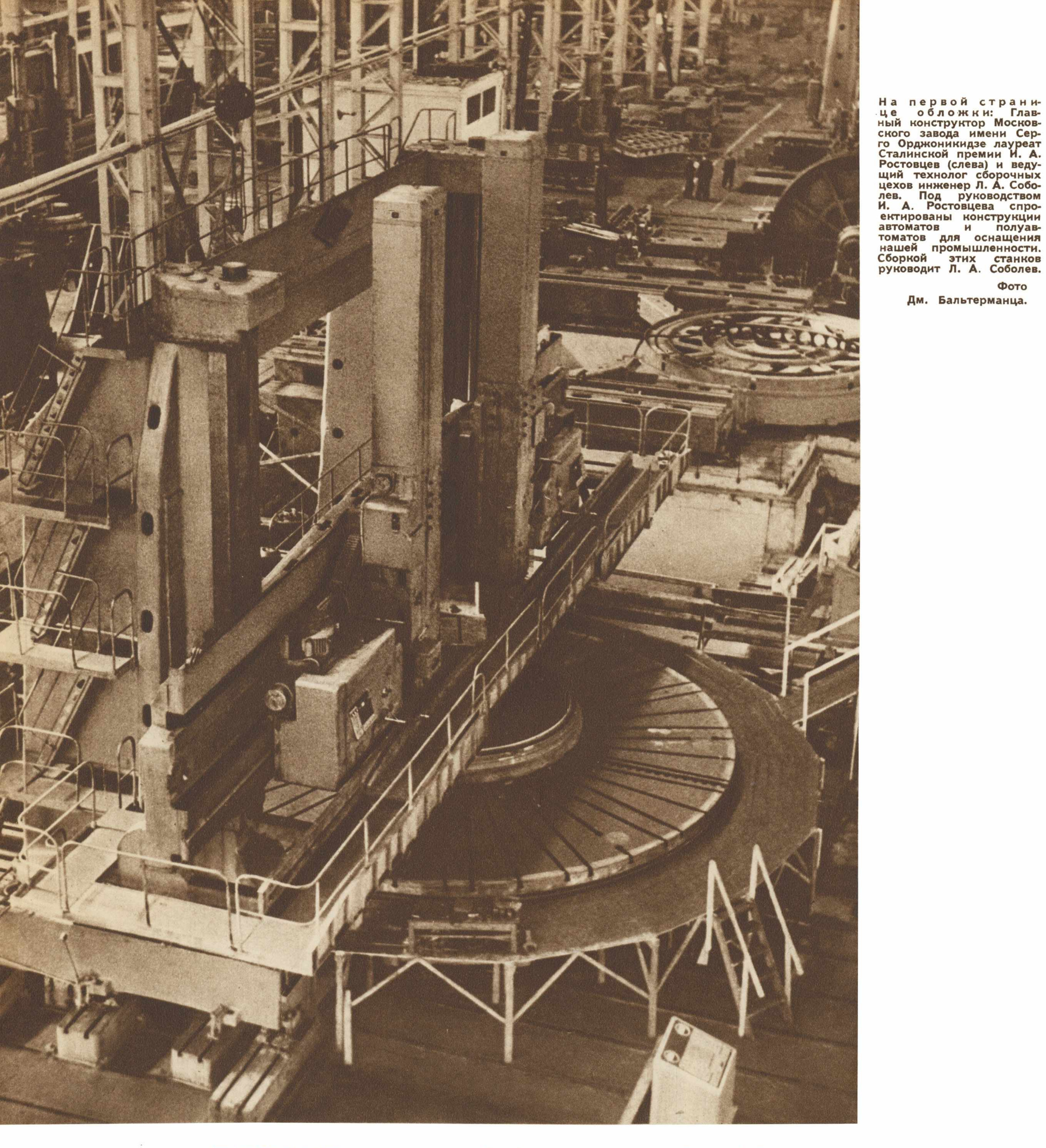

ОГОНЁК
№ 23 ИЮНЬ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На первой странице обложки: Главный конструктор Московского завода имени Серго Орджоникидзе лауреат Сталинской премии И. А. Ростовцев (слева) и ведущий технолог сборочных цехов инженер Л. А. Соболев. Под руководством И. А. Ростовцева спроектированы конструкции автоматов и полуавтоматов для оснащения нашей промышленности. Сборкой этих станков руководит Л. А. Соболев.

Фото Дм. Бальтерманца.

СТАНОК-ГИГАНТ

В просторном, высотой с многоэтажный дом, цехе станок этот выглядит, словно корабль в эллинге. Крохотными кажутся люди, движущиеся по широкому кругу планшайбы, и совсем неприметна фигура рабочего, стоящего у пульта управления. Между тем он, этот рабочий, вдвоем со своим подручным управляет всеми сложными механизмами гигантского токарно-карусельного станка.

Станок включен. Мерно вращается планшайба. Резцы, укрепленные в двух огромных суппортах, снимают новые и новые слои металла с массивной многотонной заготовки.

Нажимая кнопки и вращая маховики на пульте, токарь регулирует число оборотов, изменяет подачу резцов. Слой металла, снимаемого резцами за один оборот, может колебаться от 0,02 до 64 миллиметров.

Кроме главного пульта управления, неподалеку от станка стоит второй, вспомогательный. На специальных площадках рядом с суппортами кнопочные станции. Находясь в любом из этих пунктов, токарь может управлять работой станка.

Новый станок, предназначенный для обработки корпусов турбин и других крупных деталей, построен Коломенским заводом тяжелого станкостроения — молодым предприятием, созданным в послевоенные годы. Это самый крупный станок из созданных в Советском Союзе. Высота станка над уровнем пола — свыше 13 метров, длина — около 18 метров, ширина — около 17 метров.

На станке будут обрабатываться детали весом до 170 тонн, высотой до 5 метров, диаметром до 12 метров.

Станок обслуживается 72 электромоторами общей мощностью около 400 киловатт. Если вытянуть в одну линию все смонтированные на станке электропровода, длина их составит 73 километра.

Токарно-карусельный станок-гигант предназначается для Харьковского турбогенераторного завода. Чтобы отправить его заказчику в разобранном виде, понадобится более 40 железнодорожных вагонов.

С. МЕСЯЦЕВ

На снимке: токарно-карусельный станок-гигант «МК-159» в цехе Коломенского завода тяжелого станкостроения.

Фото О. Кнорринга.

ОГОНЁК № 23 (1356) 7 ИЮНЯ 1953

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

31-й год издания.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

СТУДЕНЧЕСКАЯ НЕДЕЛЯ

В. ВИКТОРОВ, О. КНОРРИНГ

Специальные корреспонденты «Огонька»

Заканчивается учебный год в вузах нашей страны. Большая армия дипломников вскоре начнет самостоятельный творческий путь на предприятиях, в колхозах, в лабораториях. Десятки тысяч студентов разъедутся на практику, в дома отдыха и санатории, на побывку в родные места. В горячие дни последних лекций и первых экзаменов провели мы неделю в Новочеркасском политехническом институте. О делах и событиях одной студенческой недели и рассказывает этот фотоочерк.

Понедельник

В тот час, когда на зеленых улицах Новочеркасска зажглись фонари и заполнились аллеи городского парка, секретарь бюро ВЛКСМ энергетического факультета Борис Боровенко привел нас в общежитие НПИ, как сокращенно называется Новочеркасский политехнический институт. Еще с порога нам бросилась в глаза афиша: завтра, во вторник, состоится вечер вопросов и ответов. А сбоку чья-то приписка: «Товарищи, задавайте вопросы, не срывайте хорошего мероприятия. Ну, что вам стоит?»

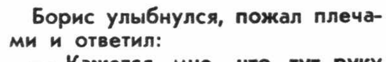
— Кто же это призывает? — спросили мы Боровенко.

1

2

Борис улыбнулся, пожал плечами и ответил:

— Кажется мне, что тут руку приложил Витя Свердлов, член редколлегии стенной газеты «Энергетик». Для него каждый лист на стене — неиспользованная газетная площадь. Кстати, это наш отличник. Пройдемте к нему в сорок первую комнату.

Жителей этой просторной, чисто убранной комнаты мы застали за рабочим столом. Вот он, Виктор Свердлов, с логарифмической линейкой в руках. Закончен большой учебный день, но на носу экзаменационная сессия, и тут уж, как говорят студенты, «отличники часов не наблюдают».

Мы познакомились и разговорились с Виктором и его товарищами Александром Михайловым и Евгением Каргановым, который, решительно отбросив усталость, углубился в книгу (фото 1).

Вторник

На следующее утро мы встретили наших новых знакомых в лаборатории электропривода, где с ними занимался декан энергетического факультета Борис Николаевич Авилов (фото 2. Справа — Б. Н. Авилов).

В этот час все пять тысяч студентов НПИ слушали лекции в шестидесяти пяти институтских аудиториях, занимались в ста отлично оборудованных лабораториях.

А когда прозвенел звонок и профессор вышел из аудитории, в дверь заглянул Виктор Матюха, студент механического факультета.

— Павел Ливертовский здесь? — спросил он первого попавшегося ему энергетика. И, разыскав своего постоянного противника, предложил ему: — Сыграем?

Пятнадцатиминутный перерыв между лекциями вполне достаточен для блиц-турнира. И студенты с волнением следят за борьбой двух лучших игроков института (фото 3. Справа — П. Ливертовский).

В НПИ любят спорт. Недаром студенческий спортивный клуб завоевал в нынешнем году всесоюзное первенство среди вузов. Три тысячи девушек и юношей занимаются 24 видами спорта. На всю страну славятся футбольная команда института — чемпион Центрального совета общества «Наука»,— велосипедисты, боксеры, гимнасты, игроки в настольный теннис. В НПИ много и отличных шахматистов.

Новочеркасск — крупный вузовский центр. В городе пять институтов и девять техникумов. Каждый пятый житель — студент. Вокруг города немало предприятий. Особенной известностью пользуется завод имени С. М. Буденного, где строятся электровозы. Он стал своеобразной учебной аудиторией для студентов энергетического факультета, и в первую очередь для будущих электровозостроителей.

Между заводом и институтом установлен тесный творческий контакт. Главный конструктор этого мощного предприятия Борис Владимирович Суслов читает студентам курс по конструкции электровозов, а студенты, выполняя курсовые проекты, решают задачи, практически важные для производства.

В одном из цехов мы застали Станислава Хлебникова (слева), приехавшего учиться из Донбасса, и Думитру Маринеску, юношу из румынской деревушки (справа). Они разработали проекты тяговых двигателей электровоза большой мощности. Их конструкции будут использованы заводом. Студенты встретились сегодня с начальником центральной заводской лаборатории Алексеем Леонтьевичем Курочкой (фото 4).

В тот же день нам пришлось побывать на заседании факультетского бюро ВЛКСМ. Секретарь бюро Борис Боровенко сразу же после лекции собрал актив, чтобы обсудить вопросы, связанные с началом экзаменационной сессии (фото 5).

Борис Боровенко — участник Великой Отечественной войны. Он прошел путь от Воронежа до Праги, был дважды тяжело ранен, трижды контужен и только в 1948 году поступил в институт.

Трудно сложилась его жизнь в

первый год учебы. Боровенко был значительно старше своих товарищей, боевые раны напоминали о себе, сказывался семилетний перерыв в занятиях. Но разве имел право он, комсомольский вожак, отставать, разве не должен был он служить примером всем своим товарищам! И Боровенко стал отличником.

После собрания мы встретили Бориса Боровенко в студенческом парке с одной из самых способных студенток факультета, сталинской стипендиаткой Александрой Гоценко. За последнее время она несколько отошла от коллектива. «Уж не зазналась ли?» — слышатся нарекания товарищей. Видимо, Боровенко решил поговорить об этом с комсомолкой (фото 6).

В какой напряженный день у студента не найдется час—другой для отдыха? И вот уже в красном уголке зазвучала гитара Януша Фехера, молодого венгра. Януш запел популярную студенческую песню, родившуюся в стенах энергетического факультета:

Я студент НПИ,
Все пятерки мои...

Песню подхватили:

Кончим свой институт,
Нам дипломы дадут.
По успехам в труде
Нас узнают везде...
Мы питомцы твои,
НПИ, НПИ!

(фото 7).

Четверг

Ранним утром на загородном шоссе мы встретились с двумя студентами НПИ — Юрием Хлопенко и Зоей Левицкой. Они возвращались с тренировки (фото 8).

Вечером, после лекций, в одной из аудиторий энергетического факультета собралась дежурная редакция ежедневной стенной газеты «Энергетик».

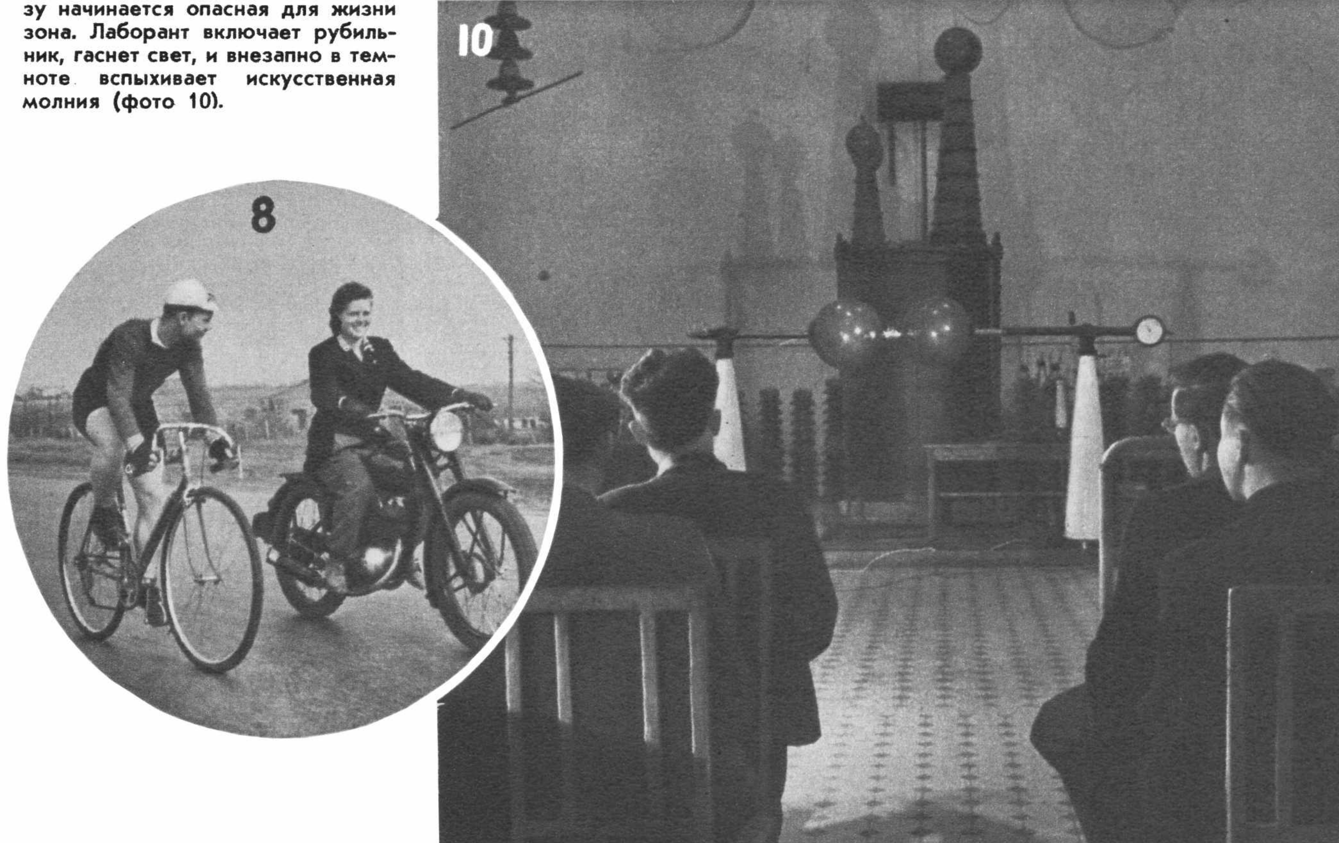
Это, пожалуй, самая большая редколлегия: в нее входят 150 человек. Вот и сегодня очередная группа готовит текущий номер газеты (фото 9). Наш старый знакомый по комнате № 41 Евгений Карганов (слева) показывает главному редактору «Энергетика» Василию Булгакову свою карикатуру. Другой наш знакомый, Виктор Свердлов, дежурный редактор, по совместительству выполняет работу машинистки. Справа стоит его друг Саша Михайлов, срочно дописывающий заметку о первом экзамене по литейному делу, который состоится в субботу.

Не забыто и оперативное сообщение, которое, несомненно, вызовет всеобщий интерес: в пятницу в 3 часа дня состоится футбольное состязание между командами энергетиков и горняков.

Пятница

Этот день наши друзья-энергетики начали в высоковольтной лаборатории. Трансформаторная установка лаборатории дает электрический разряд мощностью в 300 тысяч вольт. За барьером сразу начинается опасная для жизни зона. Лаборант включает рубильник, гаснет свет, и внезапно в темноте вспыхивает искусственная молния (фото 10).

лось. С первых же минут энергетики атакуют ворота горняков. Забит первый гол, встреченный на трибуне восторженными аплодисментами (фото 12).

Суббота

Кому не знакомы последние томительные минуты перед экзаменом!

И вот занято место за экзаменационным столом. Преподаватель института, начальник сталелитейного цеха завода имени Буденного, Владимир Пантелеевич Матвеев задал Эльвине Бережновой первый вопрос о свойствах ковкого чугуна... Четырнадцать лет тому назад Владимир Пантелеевич окончил НПИ, работал после этого на многих предприятиях, а когда получил назначение на Новочеркасский завод имени С. М. Буденного, стал одновременно преподавать в родном институте (фото 13).

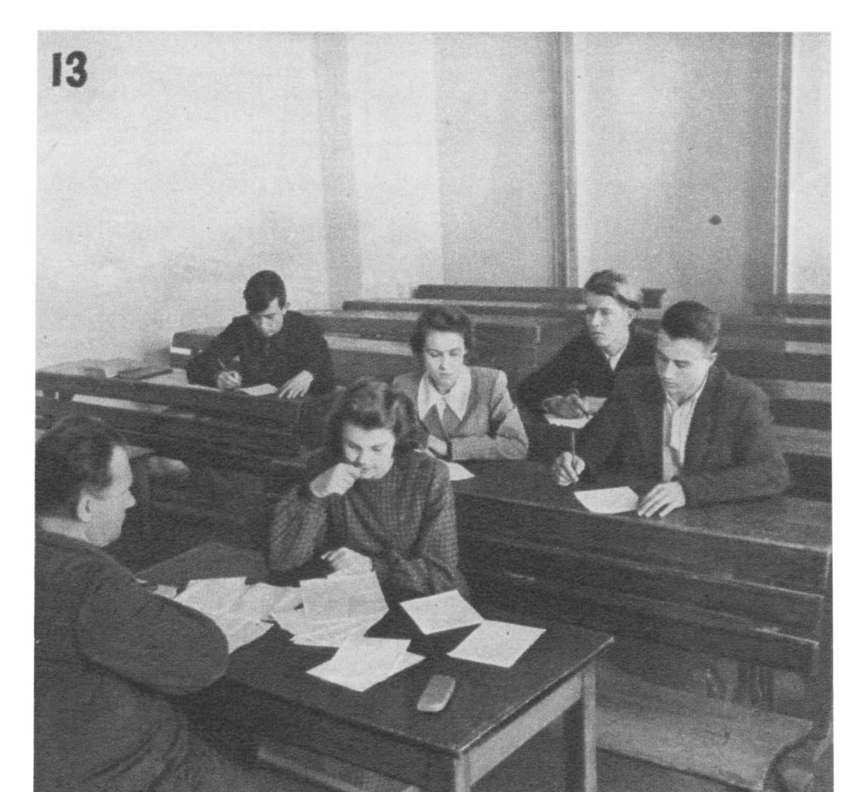
Воскресенье

Закончена насыщенная большими и малыми событиями студенческая неделя. Наступил заслуженный день отдыха. Вечером в огромном нарядном институтском зале встретились представители всех факультетов — будущие энергетики, горняки, химики, механики. Зазвучал вальс, и закружились веселые пары (фото 14).

В ожидании футбола напряжение у студентов, пожалуй, не уступало напряжению электрической установки... Наконец наступил этот час. Игроки вышли на футбольное поле, болельщики до отказа заполнили трибуны. Через несколько минут начнется состязание двух сильнейших институтских команд. А пока не прозвучал судейский свисток, окинем взглядом внушительную панораму.

Стадион расположен между учебными корпусами. Слева высится студенческое общежитие на 1 200 человек. В центре вытянулся фасад химико-технологического и цементного факультетов. По соседству с ним новый дом для профессоров и преподавателей. Справа, за трибуной, вздымает свои колонны здание энергетического факультета (фото 11).

Футбольное состязание нача-

РАННИМ УТРОМ

Я. ФОМЕНКО

Фото И. Тункеля.

Это было в марте позапрошлого года в Москве.

Во двор ранним утром въехал старомодный «пикап». Его мотор насморочно чихнул и умолк.

В кузове стоял четырехногий станок. С помощью шофера приехавшие легко сняли его с машины и опустили на землю. Пока станок находился на «пикапе», он выглядел увесистым механизмом. Теперь же это металлическое сооружение потеряло всякую солидность и напоминало только что появившегося на свет поджарого жеребенка, растопырившего для устойчивости тонкие ноги.

Вскоре из здания вышло несколько человек. Один из них, седоволосый, в сером пальто, поздоровавшись и взглянув на станок, спросил:

— Это и есть ваше детище, Николай Александрович?

После утвердительного ответа он добавил:

— Ну, что же, показывайте...

Одна из женщин поднесла к станку ящик с бурой массой. Другая подняла вверх рычаг. В открывшиеся углубления посыпалась влажная земля. Рычаг опустился и занял прежнее положение. Третья женщина нажала педаль...

Все это заняло несколько секунд. Темная масса превратилась в пять небольших горшочков — толстостенных, грубоватых и все же привлекательных, как бывают привлекательны чашечки и стаканчики, вылепленные детьми из сырой глины.

Число горшочков быстро росло. Через минуту их было уже до полусотни.

Работу приостановили. У станка завязалась беседа. Длилась она около часа и закончилась словами:

— Хорошее дело, Николай Александрович! Двигайте дальше. Будут мешать, не смущайтесь. Поддержим... Желаем успеха...

Станок был водворен на прежнее место. «Пикап» развернулся, при выезде на улицу осторожно выставил за ворота фары, точно высматривал, нет ли какой опасности, и резво побежал по асфальту.

Сидя в кабине, Николай Александрович Филатов, старший агроном совхоза имени Горького, раздумывал над тем, что было сказано ему во время беседы: «Двигайте дальше...» Это целиком совпадало с его желанием.

Того, что вскоре произошло, Николай Александрович Филатов просто не ожидал. И до поездки в Москву совхоз имени Горького нередко посещали гости. Это были агрономы, научные работники, председатели колхозов. Теперь добавились новые посетители. Был день, когда у ворот совхоза остановилось сразу несколько машин. На них приехали из Москвы секретари райкомов партии. Потом появились люди из Ленинграда, с Украины, с Урала.

Совхоз имени Горького стал центром притяжения для тысяч людей.

Что же их привлекало?

* * *

Историю всякого почина обычно начинают с того, как был сделан первый шаг. Установить точно, когда Николай Александрович Филатов сделал этот первый шаг, трудно. Может, это произошло в те далекие дни, когда двенадцатилетний ученик Красноуфимского сельскохозяйственного училища Коля Филатов впервые проводил практику на ферме. Возможно, в годы, когда молодой агроном Николай Филатов закладывал фундамент первого колхоза в Юрлинском районе, Коми-Пермяцкого округа; а возможно, когда встречал первый трактор Путиловского завода, или создавал первый сад на берегу реки Иньвы, или в пору организации первого овощеводческого артельного хозяйства. Может быть, это произошло, когда был сдан первый зачет в сельскохозяйственном институте... Многое в его биографии похоже на начало пути новатора. За спиной Николая Александровича полвека жизни и большой стаж рядового советского специалиста, не привыкшего довольствоваться тем, что сделано до него другими.

Всякая специальность, какой бы она древней ни была, таит в себе возможность раскрытия нового. Всякая, если... если человек, ею владеющий, не хочет жить в скорлупе старого.

Выращивание овощей — древнее занятие человека, пожалуй, одно из древнейших. А сколько в нем происходит каждодневных, часто неприметных улучшений и новшеств! Не потому ли это, что в такой старинной области человеческого труда особенно заманчиво сказать что-то свое, сделать то, чего никогда и никто не делал? А может быть, именно потому, что овощеводство так старо, оно и нуждается в обновлении, в ломке обветшалых традиций и привычек?

Николай Александрович — агроном-овощевод. Он не обучался станкостроению и технологию металла знал только в пределах потребностей своей профессии. Но эти потребности стали настолько широкими, что ему пришлось сделаться конструктором станка, заняться вплотную механикой.

Самой «высокой» бывает поэзия, наиболее близкая «прозе жизни».

Может показаться неожиданным, что станок, показанный два года назад в Москве, появился на свет в связи с таким прозаическим делом, как выращивание... рассады цветной капусты. Правда, не только цветной, но и простой, ранней и поздней, и помидоров, и огурцов, и кабачков, и тыквы, и баклажанов, и перца — вообще овощей. Между тем никакой неожиданности здесь нет. Рождение станка привлекло такое внимание потому, что это был живой, практический отклик на запросы миллионов жителей столицы.

Перенесемся в сферу простых житейских дел и посмотрим, как выглядит стол москвичей в разное время года.

Январь. В продовольственных магазинах и на рынках, а значит, и на столе у москвичей картофель, мясо, рыба. Меньше, чем обычно, молочных кушаний: не сезон. Есть консервированные овощи и мало свежих овощей и зелени. Лук разве и морковь...

В этих теплицах растут огурцы.

В феврале такая же картина. Без особых изменений проходит март. В апреле появляются редис и парниковый огурец. Они еще дороги и покупаются как лакомство.

Май. На прилавках зеленеют салаты, лук, шпинат, щедрее поступает редис. С июня по октябрь зелень, овощи, фрукты и ягоды уже составляют значительную часть меню. Затем снова наступает пора консервов и солений. Свежая зелень — в малых дозах. В общем рационе питания городского населения она занимает скромное место. Приходится значительную часть года обходиться без наиболее витаминозной и богатой минеральными солями пищи.

А нельзя ли нарушить установившийся календарь питания? Нельзя ли удлинить период снабжения свежей зеленью и овощами и давать их к столу горожан побольше? И решить такую задачу не путем завоза с юга, а заставить подмосковные земли родить овощи в другие сроки и в бо́льших количествах.

Для Николая Александровича Филатова эти «прозаические» вопросы составляли поэзию его профессии. Чуть свет он отправлялся обычно на поля, присаживался на корточки у грядок и парников, рассматривал нежные листочки только что взошедших растений и раздумывал над тем, как им помочь расти быстрее, легче переносить стужу и холод. Иногда, придя в поле, он заставал в той же, знакомой ему позе бригадира Ивана Алексеевича Малахова. Агроном привык вставать и начинать работу с рассветом. Бригадир умудрялся обгонять его, поднимался до восхода солнца и, когда еще над землей едва занималась заря, спешил на поле узнать, как переночевала высаженная им рассада.

Сойдясь у кромки поля, агроном и бригадир заводили разговор о том, что их одинаково интересовало. Достаточно ли влаги в почве? Не стоит ли подкормить и чем подкормить? Что в данную минуту всего необходимее растениям? Может, подбавить калия? Азота у них достаточно. Но азот изнеживает, а калий делает растения мужественными, закаляет...

Иван Алексеевич стоит за такую закалку. Особенно нуждаются в ней теплолюбивые культуры. Бригадир провел интересные опыты закалки семян помидоров переменными температурами. То выдерживал их полсуток при восемнадцати градусах тепла, то заставлял жить полсуток в холоде, понижая температуру до пяти градусов мороза. Пробовал держать семена под снегом.

Николай Александрович называет это расшатыванием наследственности. Ивану Алексеевичу тоже знаком этот научный термин, вычитанный из журналов. Но он формулирует свою цель проще: надо приучить растения к пониженным температурам ранней весны. Тогда их раньше можно высаживать. Они раньше поспеют. С закаленными помидорами так и вышло. Созревание ускорилось, красных плодов стало больше, чем бывало до сих пор. Росли помидоры куда веселее. «От радости, что из-под снега попали в более теплую обстановку»,— объясняет Иван Алексеевич.

Николай Александрович подходит к парникам и поднимает раму. Земля под стеклом — что пчелиные соты. Из каждой ячейки тянутся вверх крохотные растеньица.

— Быстро окрепли! — с удовлетворением замечает агроном. Растеньица действительно, несмотря на хмурое небо и прохладный ветер, смотрят бодро, жизнерадостно, чувствуют себя, по всей видимости, превосходно.

В темных сотах парниковой земли нетрудно узнать горшочки. Они расставлены так, что всеми своими шестью гранями «чувствуют» соседей. Получается четкий рисунок пчелиных сотов.

Если заглянуть в дощатое помещение — тут же, возле парников,— можно посмотреть, как делаются теперь горшочки. Там работает механическая установка — потомок того самого станка, что совершал два года назад путешествие по Москве. Это уже не столь хрупкое на вид, как раньше, сооружение. Его рабочие органы приводятся в движение электричеством. Работнице не приходится вручную поднимать и опускать рычаг. Теперь это делает электромотор. Он поворачивает круглый стол-диск с гнездами, прессует бурую массу, и все это так быстро, что едва успевают относить готовую продукцию.

Пора, пожалуй, выяснить «биографию» горшочков. На языке агротехники их именуют торфо-перегнойными. Применяются они давно, и честь их открытия не принадлежит совхозу имени Горького. Их появление вызвало много споров. Нашлись у них и страстные поклонники и не менее страстные враги.

Что говорили поклонники? Надо растению в период самого раннего детства создать наиболее благоприятные условия развития. Проросли семена — поселите их в такую среду, где бы они усиленно питались, быстро росли и вошли в силу. Такие условия создаются путем высадки сеянцев в торфо-перегнойные горшочки. Они служат юному растению и домом, и продовольственным складом, и курортом одновременно. Горшочек из торфа, перегноя, ила и минеральных удобрений — прекрасное обиталище для начинающего свою жизнь растения.

Николай Александрович как-то провел такой опыт. Высаженную в горшочек рассаду цветной капусты он посадил в ящик с промытым песком. Растение располагало только питательными веществами самого горшочка. И что же? Выросла головка цветной капусты диаметром в 9 сантиметров. Довольно приличный размер!

Далее поклонники торфо-перегнойных горшочков говорили: когда растение возмужает, пересадите его вместе с горшочком в поле. Оно не будет болеть, тогда как воспитанная иным путем рассада после пересадки в грунт обязательно 5—6 дней хворает. Во-первых, от того, что нарушается корневая система. Во-вторых, от резкой перемены условий существования. Раз не будут болеть растения — не произойдет задержки в росте, а потом и в созревании. Здоровому растению не так страшны заморозки и засуха, как перенесшему болезнь пересадки.

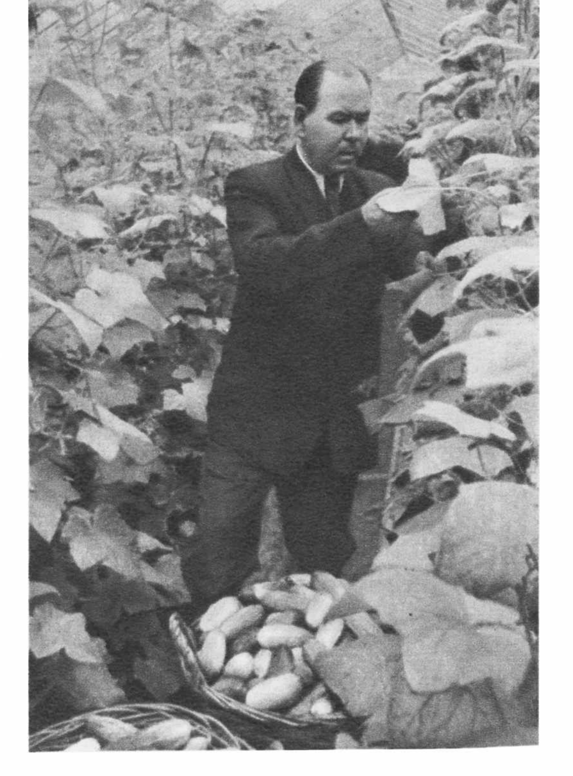
Практика подтверждала все это с неумолимой достоверностью факта. Горшечная рассада приносила высокие урожаи, более быстрое созревание, минимум брака и потерь.

Что же могли возразить противники? Казалось, они наголову разбиты практическими доводами. Опровергнуть неопровержимое нельзя. Но у них был свой козырь. Они говорили: «Помилуйте, откуда вы возьмете столько ваших горшочков? Вы подсчитали количество растений? Их миллионы, миллиарды! И каждое вы хотите посадить в горшочек? Кто будет делать эти горшочки? И как делать? Вручную? Во сколько же обойдется ваш огурец?!»

После такого каскада вопросов и восклицаний противники брались за карандаши. Сколько горшочков надо на одну парниковую раму? Четыреста. А сколько у вас рам?

В совхозе имени Горького 51,5 тысячи парниковых рам и 19 тысяч квадратных метров теплиц. А всего под овощными культурами почти 400 гектаров. Арифметика огорошивала восьмизначными и девятизначными числами.

Нанести окончательный удар скептикам могла только машина. Первые упорные поиски конструкторов долго приносили только полууспех. Производительность лучших машин не поднималась выше 2 500 горшочков в смену.

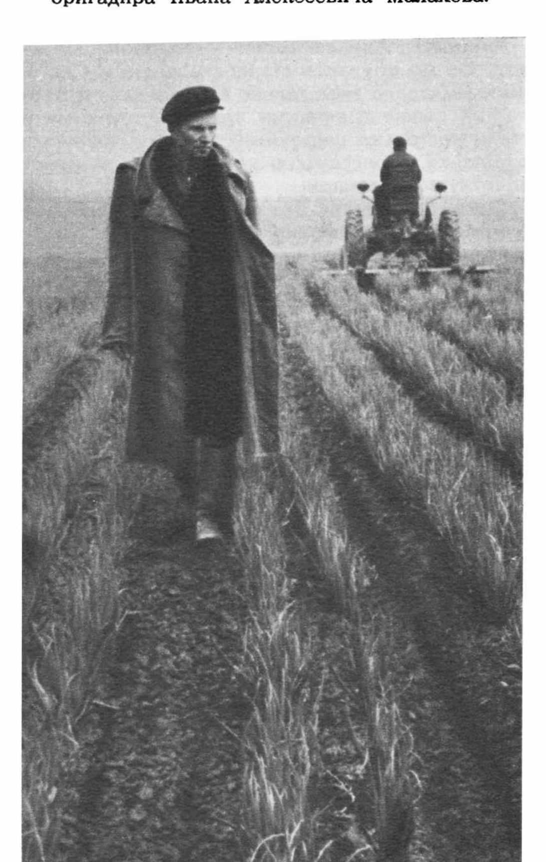
Этой весной урожай особенно хорош, и Николай Александрович Филатов доволен.

Мизерная цифра! Агротехнически целесообразно внедрять горшечную рассаду, но эта целесообразность наталкивалась на такую серьезную преграду, как экономическая невыгодность. Затрата средств и труда на изготовление горшочков тяжелым грузом ложилась на себестоимость овощей.

И вот появился известный теперь многим овощеводам Подмосковья «ФТС-5» — станок без двигателя, дающий до 20 тысяч горшочков в смену. Потом появился электрифицированный и усовершенствованный вариант с производительностью в 50 тысяч. Скептикам был нанесен сокрушительный удар. Экономическая невыгодность, как главный довод против горшечной рассады, отпала. Маленький, высотой всего в 65 миллиметров горшочек прочно вошел в агротехнический комплекс овощеводства. В минувшем году один совхоз имени Горького высадил 3 миллиона 200 тысяч таких горшочков с рассадой. Гости, побывавшие в совхозе за последние 2 года, разнесли его опыт далеко за пределы Московской области.

Цветная капуста и огурцы благодаря вот этим самым горшочкам созревают и сдаются потребителю на 2—3 недели раньше обычных сроков. Спелые помидоры появляются на 20 дней раньше, чем появлялись в недавние годы.

В любое время дня можно застать на поле бригадира Ивана Алексеевича Малахова.

Сокращение вегетационного периода и перенесение сроков сева ранних овощей и зелени дали настолько значительный выигрыш во времени, что открылась возможность получения двойного урожая с одних и тех же участков. Кто из московских старожилов не знает знаменитого Сукина болота? А многие ли из них знают, что на осушенных торфяниках бывшего болота люди совхоза имени Горького собирают урожай два раза в год — сначала лук, потом свеклу? Знают ли они, что с одного гектара собирают там свыше 600 центнеров капусты?

И все это благодаря «чудесному горшочку»? Людям совхоза — и его директору Виктору Васильевичу Буткину, и руководителю партийной организации Ивану Константиновичу Жукову, и бригадирам Ивану Алексеевичу Малахову и Лидии Георгиевне Саутиной, и звеньевым — очень часто приходится отвечать на этот вопрос, словно взятый напрокат со страниц русских сказок. Чаще всего на него отвечает агроном Николай Александрович Филатов. Он не сказочник и в чудеса не верит. Он верит в чудесную силу труда и науки. Когда посещающие совхоз гости задают такой вопрос, свой ответ агроном начинает с популярного разъяснения основ агротехники.

Что нужно для высокого урожая? Прежде всего хорошо обработанная и удобренная земля. Азбука? Да, но азбука очень сложная, как сложна жизнь растения, если проследить ее во всех перипетиях, от прорастания семени до полной зрелости злака или плода. Отнюдь не всегда природа — ласковая мать, готовящая мягкое ложе и сытную пищу своим детям; она бывает и мачехой. Тогда человек активно вмешивается в ее «семейные» дела и всей силой знания и техники воздействует на ее характер.

Горшочек — небольшой комок почвы. Эта почва искусственно создана человеком и обогащена таким гармоническим набором яств для растений, что сама природа могла бы позавидовать мастерству кулинара. Кроме комплекса органических веществ, «чудесный горшочек» содержит целую гамму минеральных удобрений, включая хлористый натрий, суперфосфат и аммиачную селитру, которую академик Д. Н. Прянишников когда-то назвал удобрением будущего.

При всех своих чудодейственных качествах горшочек все же только частица того, что необходимо для получения высокого урожая. И Николай Александрович, словно опытный экскурсовод, от удобрения переходит к рыхлению и междурядной обработке почвы, говорит о квадратном и квадратно-гнездовом способах сева, о пятистрочной схеме высадки овощных культур на участках двойного урожая, о яровизации, ранней вспашке торфяных земель, о механизации. Все это подкрепляется примерами, расчетами, ссылками на практику. Чем характерны квадратный и квадратно-гнездовой способы сева? Они позволяют применить механизмы, облегчают труд. При этих способах для ручной обработки посевов остается всего 10—12 процентов площади, а раньше — более 30. В звене Веры Смирновой в минувшем году совсем избавились от ручной прополки помидоров. В 1940 году на обработку одного гектара тратилось 211 человекодней, а в прошлом — 147. Собрано овощей на одного рабочего в 1940 году 419 центнеров, в минувшем — 526.

* * *

Почти в середине мая радио сообщило неприятную сводку погоды: заморозки... Температура ниже нуля.

Николай Александрович ранним утром, как обычно, вышел в поле. С северо-востока, точно из ледника, тянуло холодом.

Филатов глянул на землю и успокоился. Инея не было, хотя температура снизилась до одного градуса мороза. Дул ветер, а при ветре инея не бывает. Агроном склонился над всходами. Они выглядели веселыми. Ни одного поникшего листика. Николай Александрович приложил ладонь к земле. Земля была теплее воздуха, грела руку.

Филатов поднялся, заслышав шаги. К нему приближался Иван Алексеевич Малахов. На лице бригадира еще издали можно было заметить довольную улыбку...

Обычный день
НА „ЭЛЕКТРОСИЛЕ"

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото М. Савина.

Всей стране известен этот ленинградский завод. Его машины дают энергию и свет нефтяным промыслам Азербайджана и колхозам Алтая, шахтам Донбасса и промышленным гигантам Урала, кораблям, пересекающим океаны, подземным дворцам столичного метро...

От электрического фонарика, умещающегося на ладони, до огромного генератора, для перевозки которого требуются десятки железнодорожных вагонов, — так широка номенклатура заводских изделий. И на каждом из них марка: «Электросила» имени С. М. Кирова».

А какое множество новых ярких огней вспыхнет на просторах Родины, какой мощный поток энергии пойдет по проводам, когда вступят в строй электростанции, воздвигаемые по плану пятой пятилетки! Небывалые в мире машины строит для них «Электросила».

Советская промышленность оснащена совершенной техникой, имеет квалифицированные кадры, не испытывает недостатка в сырье и материалах. Дело теперь, как говорил на XIX съезде партии товарищ Г. М. Маленков, в том, чтобы полностью использовать эти возможности, решительно устранять недостатки в работе, вскрывать неиспользованные резервы в производстве и превращать их в могучий источник подъема народного хозяйства.

Побывав в один из обычных рабочих дней на «Электросиле», мы увидели, с какой настойчивостью заводской коллектив изыскивает внутренние резервы и стремится использовать их на всех участках производства.

Рождение новых машин и аппаратов начинается в конструкторском бюро. Отсюда рабочие чертежи поступают в цехи. Конструкторы в творческом содружестве с технологами, экономистами, стахановцами облегчают вес машин, упрощают конструкции, делают их менее трудоемкими в изготовлении.

Создавая новый мощный турбогенератор, проектировщики укоротили ротор более чем на метр. На изготовлении одной только такой машины сбережено восемнадцать тонн стали и меди, сотни килограммов изоляционных материалов. Многие тонны металла сэкономлены за счет конструктивных новшеств при проектировании горьковских, мингечаурских, нарвских генераторов.

1

На огромном токарно-карусельном станке вращается деталь диаметром в десять метров.

— Протачиваю звезду ротора для генератора Нарвской ГЭС, — говорит токарь Николай Иванович Першин.

Четверть века работает Першин на «Электросиле». Он изготовлял детали днепровского, щербаковского, цимлянского генераторов.

После конструкторов настал и его черед подумать, как и за счет чего можно ускорить производственный процесс. Николай Иванович стал по-новому затачивать резец, ускорил подачу резца и ведет обработку на максимальных скоростях.

Звезда ротора Нарвского гидрогенератора была снята со станка на шестьдесят часов раньше графика.

Токарь Н. И. Першин наблюдает за работой токарно-карусельного станка.

2

Веером рассыпаются огненные искры. Это сваривают огромную крестовину генератора. На ней меловая пометка: «Горьковская».

Первые крестовины горьковских машин бригада электросварщиков Якова Лукича Чистякова сдала досрочно. Эта последняя также будет обработана в сокращенные сроки.

Норма жесткая. Казалось бы, все в ней учтено. Однако пытливая мысль бригадира отыскивает новые резервы. Он тщательно продумывает «маршрут» швов, ведет сварку сразу на всей площади, и крестовина сваривается вдвое быстрее, чем намечалось.

3

На цеховых партийных собраниях, в партгруппах часто обсуждаются меры по рациональному использованию оборудования, механизации ручных работ, автоматизации производственных процессов.

В пример ставят бригадира мон-

Электросварку производит бригадир Я. Л. Чистяков.

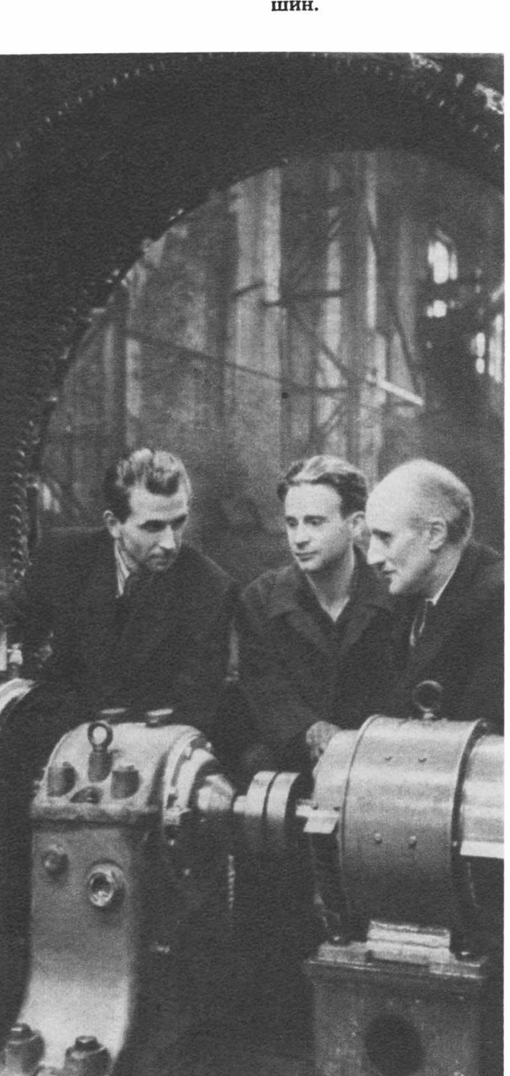

Монтаж магнитных станций. На переднем плане — бригадир В. М. Ступников.

Мастер сборки Н. П. Антонов.

Слева направо: инженер А. П. Марченков, слесарь-сборщик А. Б. Колоколов, профессор Д. А. Завалишин.

тажников Владимира Михайловича Ступникова. Прежде каждый проводник монтировался на каркас магнитной станции отдельно. Ступников изменил эту систему. Он изготовил шаблон, по которому заранее собирает всю схему. Как только на участок поступает каркас, к нему быстро прикрепляется готовая схема. Процесс монтажа магнитных станций сокращается почти на одну треть.

В мае Владимир Ступников смонтировал на 30 процентов больше магнитных станций, чем в январе.

4

Кран проносит над головой свежеокрашенную машину и бережно опускает ее в кузов грузовика, стоящего в конце цеха.

— Все ли сделано как следует? — беспокоится старший мастер сборки коммунист Николай Петрович Антонов. Честь заводской марки волнует электросиловца. Мастер еще раз осматривает машину и дает сигнал:

— Можно отгружать!

Выпуск изделий непрерывно растет за счет внутрицеховых резервов.

Здесь систематически внедряют малую механизацию. Запрессовку подшипников втулок раньше производили вручную, а теперь — с помощью переносного пресса. Облегчен труд, операция ускорена на полчаса. Чтобы повернуть ротор, приходилось прибегать к помощи трех рабочих. Мастер сконструировал поворотное приспособление. Нажав рукоятку, один рабочий легко поворачивает ротор в несколько секунд. На окраску машины уходило примерно полчаса. Построили специальную камеру, применили пульверизатор, и окраска продолжается всего пять минут.

5

В цехах «Электросилы» рядом с рабочим, стоящим у станка, часто можно встретить ученых, профессоров, академиков. Профессор доктор технических наук Д. А. Завалишин, инженер А. П. Марченков и слесарь А. Б. Колоколов в содружестве разрабатывают важную проблему создания надежной системы возбудителя крупных гидрогенераторов.

Свыше трехсот научных работников научно-исследовательских институтов страны держат связь с заводом. Вместе с инженерами, рабочими они прокладывают пути техническому прогрессу советского электромашиностроения, вскрывают новые резервы, повышают экономичность машин, решают сложные задачи, связанные с созданием гигантских машин.

Как мы выявляем резервы

Иван Иванович ПИСАРЕВ,
слесарь

Я уплотнил рабочее время: инструмент, заготовки, приспособления — все под рукой, каждая секунда на учете. И все же можно найти новые возможности. Недавно удалось повысить скорость дисковой пилы. Простой зажим позволил обрабатывать детали не по одной, а целой партией.

Подсчитал я и пришел к выводу, что в нынешней пятилетке смогу выполнить не пять, а восемнадцать годовых норм. Мое предложение — соревноваться за досрочное выполнение плана — поддержано всеми стахановцами.

И. И. Писарев.

Юлиан Адольфович ВРУБЛЕВСКИЙ,
обмотчик

Моя профессия требует исключительной точности. Малейшее отклонение от технологии может свести насмарку работу целого коллектива. Не случайно обмотку считают сердцем электрической машины. За двадцать с лишним лет мне пришлось уложить немало обмотки. До сих пор не подводил. Но с каждым годом завод выпускает все более сложную технику. Надо обеспечить высокое качество. Недавно сделал оригинальную оправку, которая гарантирует безупречность обмотки. За пятилетку выполню не меньше десяти годовых норм.

Ю. А. Врублевский.

Мария Яковлевна АРИСТОВА,
шлифовщица

Я шлифую валы, пластинки, кольца, камеры электромашин. Прочитала доклад товарища Маленкова на XIX съезде партии и подумала: все ли я сделала для повышения производительности труда? Сама себе ответила: нет, не все. И пришла мне мысль: а что, если работать сразу на двух станках? Мое стремление поддержали, предоставили два шлифовальных станка. Вначале я только справлялась с нормой, а теперь каждый день перевыполняю задание в два с половиной — три раза.

М. Я. Аристова.

Свет над долиной

Двухъярусная плотина пропускает воды реки Чу.

Фото М. Галкина.

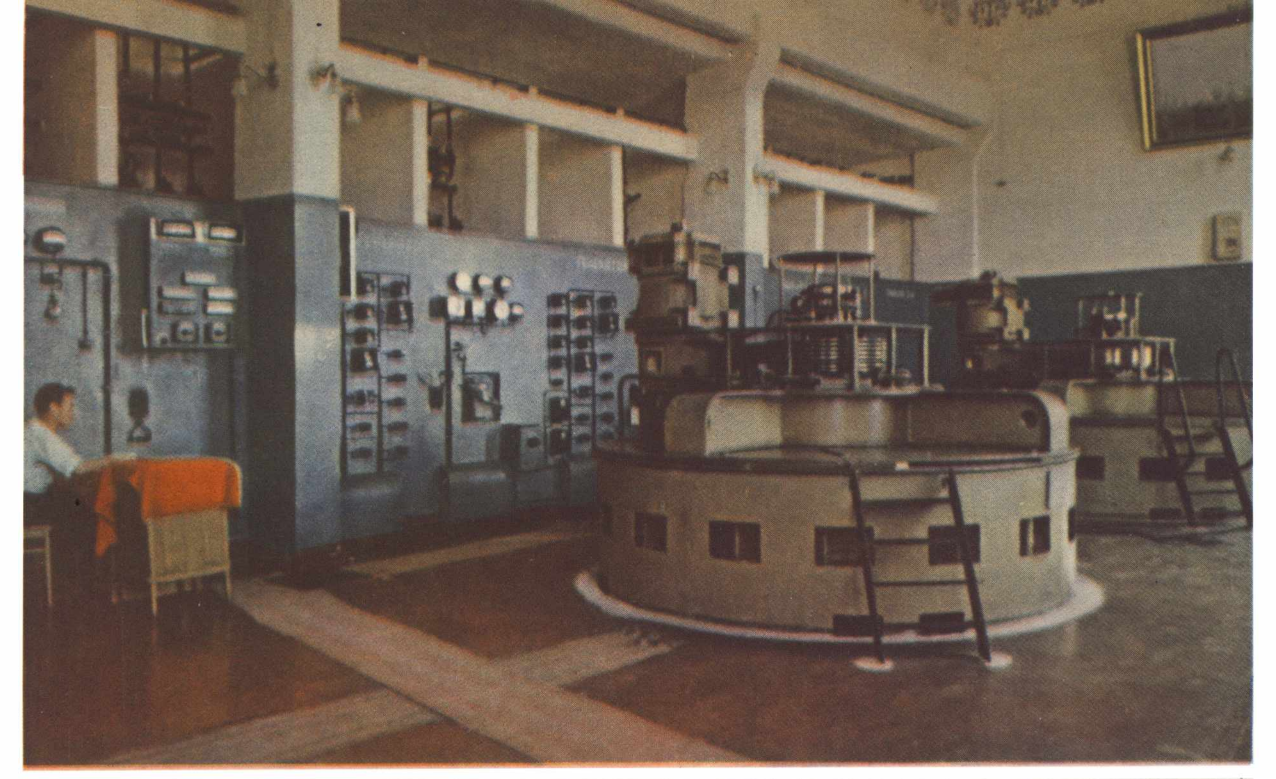
К северо-востоку от столицы советской Киргизии, города Фрунзе, лежит каменная гряда Курдайского перевала. Высокие островерхие гребни Курдая защитили Чуйскую долину от резких степных ветров.

Здесь, в полосе увлажненного теплого климата, вызревают лучшие сорта винограда, персиков, яблок. На колхозных плантациях разводятся кенаф, перец, табаки, растут рис и чумиза, в парках и рощах высажены редчайшие породы декоративных теплолюбивых деревьев. Точно смелая и сильная рука человека перенесла в новые географические широты кусок плодоносящей земли южного Крыма.

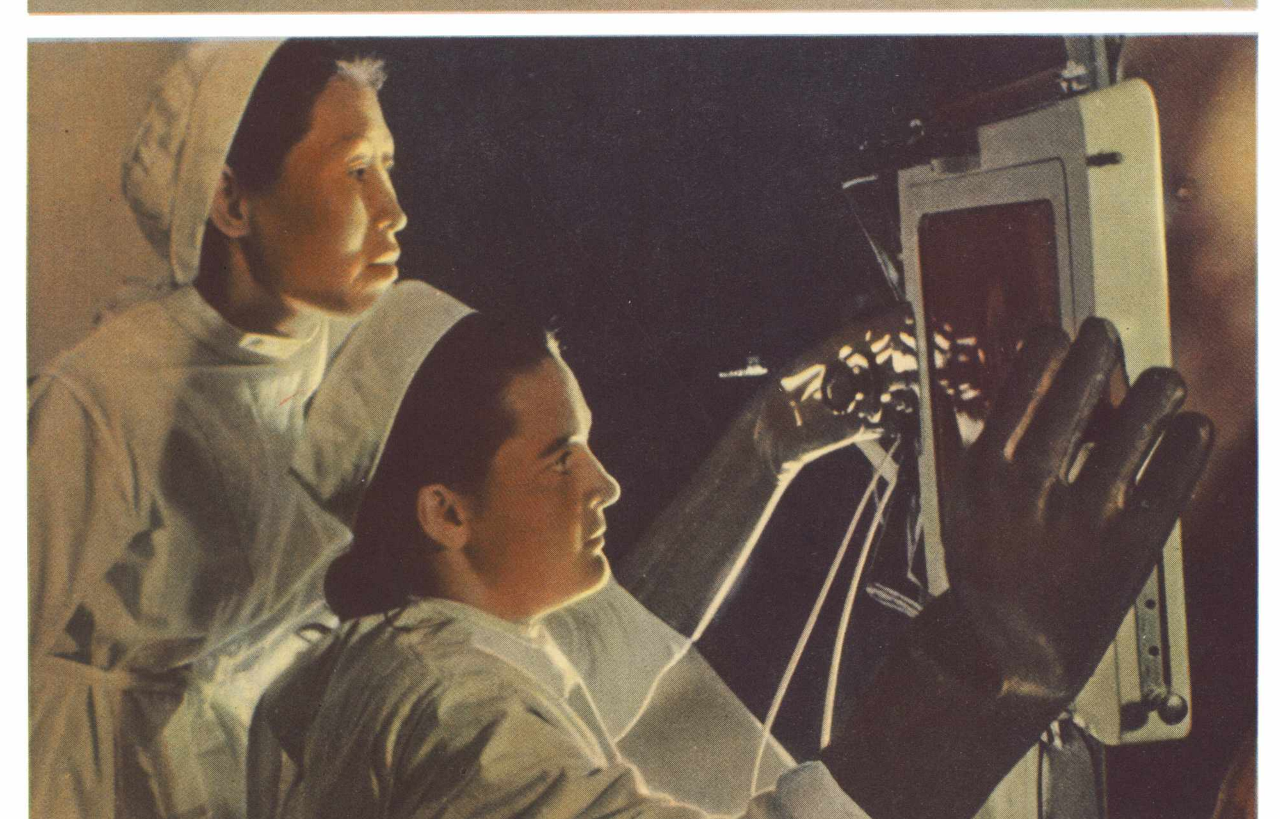
Там, где долина острым клином врезается в отроги Центрального Тянь-Шаня, создана оросительная система. На реке Чу возведена Чумышская плотина. Двухъярусная плотина — красивое современное гидросооружение — пропускает бурные воды реки Чу в два канала — Атбашинский и Георгиевский. Сто кубометров воды в секунду сбрасывает Чумышский узел в низовья. Сорок тысяч гектаров полей и садов, луговых угодий и виноградников круглый год получают воду.

Не только орошению служат воды Чу. Десятки колхозных гидростанций приводятся в движение энергией ее притоков. Эта дешевая энергия применяется на

Георгиевская межколхозная гидростанция.

предприятиях, в мастерских и кузницах, на животноводческих фермах, зерноочистительных токах. Она питает радиоузлы, киноустановки, рентгеновские кабинеты. Электрический свет проник в дома колхозников, школы, избычитальни.

...Пять лет назад к тому месту, где Георгиевский канал имеет перепад, съехались посланцы десяти колхозов Курдайского района. Это были зачинатели новой общественной стройки — Георгиевской гидростанции.

Колхозники рыли котлованы, возводили узел сооружений гидроэлектростанции. Пять миллионов рублей выделили сельскохозяйственные артели на строительство. Уральские заводы отгрузили георгиевским колхозам гидротурбины и электрооборудование. Когда начался монтаж гидротурбины, приехали городские шефы — инженеры. Они помогали местным специалистам монтировать сложные агрегаты, устанавливать точную аппаратуру и оборудование.

На сто километров протянулись высоковольтные линии электропередач от Георгиевской ГЭС.

Прошел только год, как вступила в строй межколхозная гидростанция на берегах Чу, а какие разительные перемены в общественное производство, в быт колхозников принесло с собой электричество!

Электричество применяется на самых разнообразных участках. В первую очередь электрифицированы трудоемкие работы. Очистка зерна ежедневно отвлекала сто — сто двадцать человек. Ныне действуют мощные сортировки с электромоторами, их обслуживают шесть колхозников.

Колхозное стадо насчитывает десятки тысяч голов. Электричество пришло на помощь в стрижке овец, дойке коров, переработке кормов. На фермах установлены электродоильные и электростригальные аппараты.

В селе Георгиевке, как и в соседних поселках, начал действовать радиоузел, оживленно работают клубы.

Культурнее, занимательнее стал досуг сельского труженика.

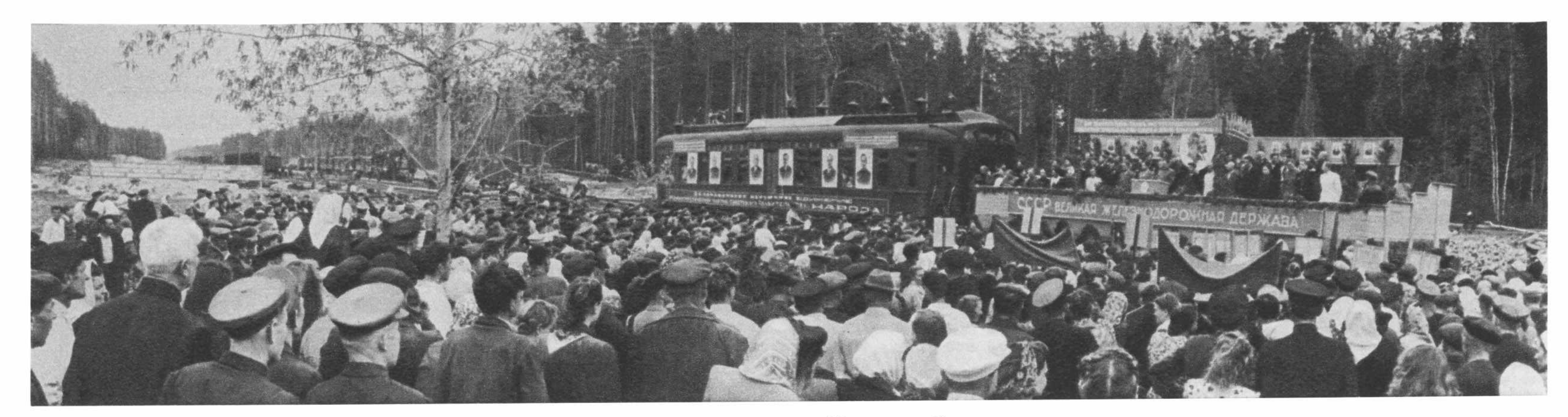
В. БИРЮКОВ

НА СНИМКАХ:

Вверху: на станции оборудован машинный зал, установлены сложные агрегаты, точная аппаратура.

В центре: очистка зерна в колхозе «Путь Ленина».

Внизу: в местной больнице открыт рентгеновский кабинет.

Митинг на открытии линии Кулунда — Барнаул.

Фото В. Николаева (ТАСС).

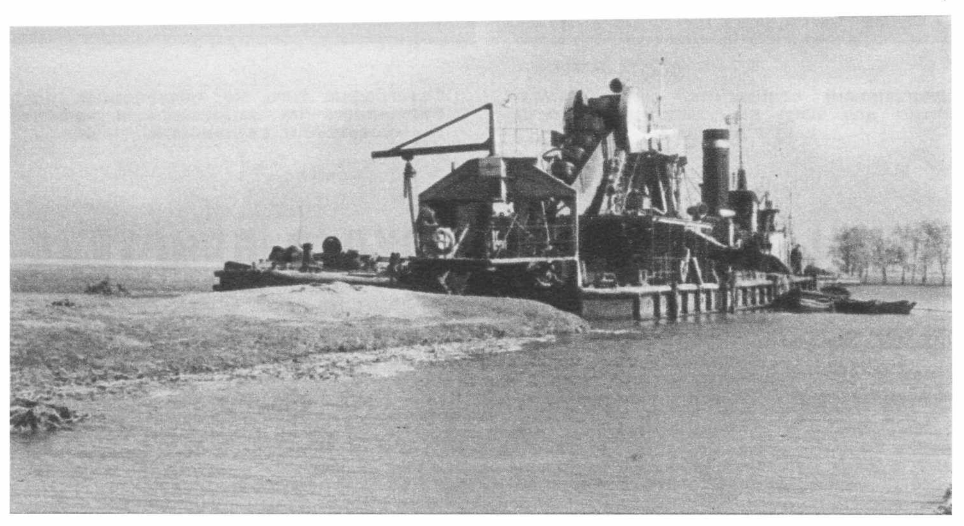
Линия Кулунда—Барнаул построена

Завершена укладка пути на линии Кулунда—Барнаул, и по новой трассе открылось движение поездов.

Железная дорога проложена в степных просторах Алтайского края. Участок длиной в 342 километра является составной частью Южно-Сибирской магистрали, строительство которой должно быть закончено в пятой пятилетке. Возведены железнодорожные станции, рабочие поселки, клубы, школы, детские сады.

Открытие новой линии было отмечено как большой праздник. На станции Ребриха, где сомкнулись рельсы, состоялся многолюдный митинг строителей, а вечером происходило массовое гулянье.

Канал в совхозе

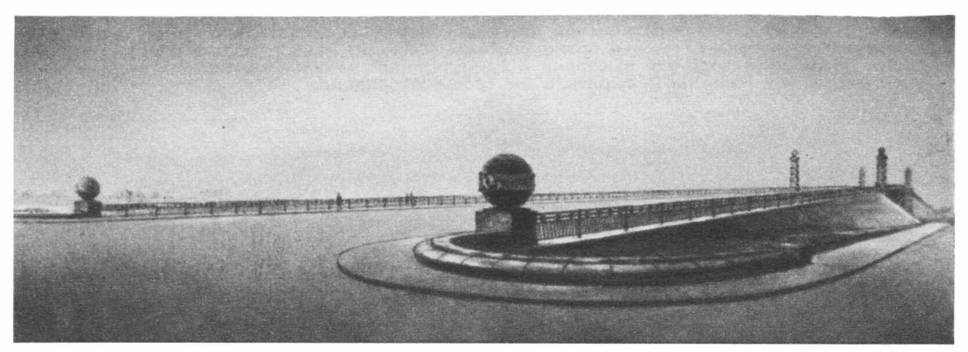

В этом году коллектив совхоза «Огородный гигант», Херсонской области, значительно увеличил орошаемую площадь и подготовил три тысячи гектаров под посадку овощных культур. В совхозе сооружаются электронасосная станция и магистральный канал.

На снимке: землесосный снаряд на сооружении магистрального канала.

Фото Ю. Лихуты (ТАСС).

Путепровод-гигант

Проект одного из въездов на путепровод.

Не окинешь взглядом вереницы автомобилей, застывших у переезда. Долго стоят они без движения возле подмосковной платформы Северянин, пока мимо проносятся дальние и пригородные поезда. Наконец открыт шлагбаум, и машины продолжают свой бег по асфальтовой глади Ярославского шоссе.

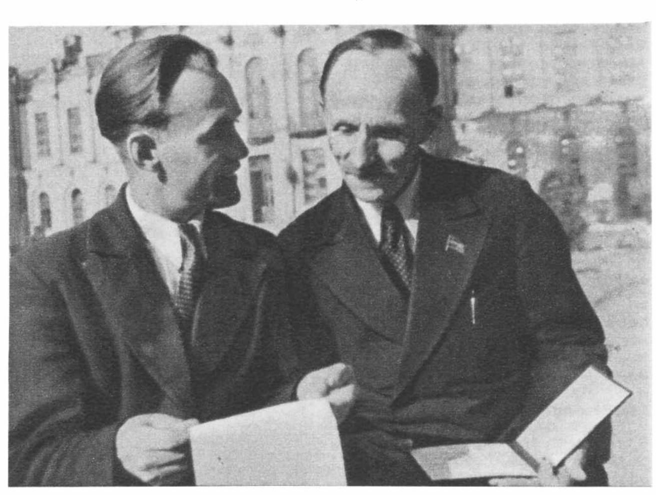
Скоро эта помеха будет устранена. Здесь строится большой путепровод, перекинутый через паутину рельсов Северной железной дороги. Длина его вместе с подходами — полтора километра, а ширина — 31 метр. Мост украсят гранитные шары, высокие торшеры, увенчанные светильниками, стальная решетка с чугунными стойками. Под эстакадами разместятся автобусные гаражи.

На строительстве много всевозможных механизмов. Портальные краны устанавливают сборные эстакады и пролетные строения весом в 25 тонн. Забивка железобетонных свай производится с помощью вибропогружателя; вместо двух с половиной часов на забивку одной сваи затрачивается только 5 минут. Впервые применяемый тракторо-трамбовщик, сконструированный Всесоюзным научно-исследовательским институтом железнодорожного транспорта, заменяет 300 рабочих.

Строители обязались закончить сооружение путепровода к 36-й годовщине Октябрьской революции.

С. БОГОРАД

Семья агрономов

Агрономы Антиповы Петр Тимофеевич (справа) и его сын Василий Петрович встретились в Академии имени К. А. Тимирязева.

Фото Б. Вдовенко.

— Поздравляю, отец, с дипломом, теперь нашего полку прибыло,— обратился Василий Петрович Антипов к своему отцу Петру Тимофеевичу, встретившись с ним в Москве в Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева.

Депутат Верховного Совета СССР, председатель одного из передовых колхозов Карело-Финской республики Петр Тимофеевич Антипов, окончив курсы при академии и успешно выдержав экзамены, получил на днях звание младшего агронома-полевода. Его сын Василий Петрович, выпускник Петрозаводского сельскохозяйственного техникума, главный агроном МТС, приехал на курсы по подготовке директоров МТС.

В семье Антиповых три агронома: отец Петр Тимофеевич, сын Василий и дочь Зоя, работающая на сортоиспытательном участке колхоза имени И. В. Сталина.

А. КУЗНЕЦОВ

Наземная станция метро

В столице началось сооружение первой наземной станции метрополитена. «Первомайская» — так будет называться она по имени прилегающей к ней Первомайской улицы Измайлова.

Целый городок, образовавшийся в этом районе, настоятельно потребовал новой линии подземного транспорта. Просьба жителей была удовлетворена, и несколько дней назад строители Метростроя приступили к работе.

Покровский радиус метро соединяет Киевский вокзал с Измайловом. В Измайлове пассажиры выходят, а поезда поворачивают обратно. Ночью поезда направляются в депо, выйдя из тоннеля на поверхность земли. Депо помещается неподалеку от Первомайской улицы. Это и навело на мысль использовать наземный отрезок пути, пустив поезда с пассажирами, а у депо построить вестибюль.

— Фасад вестибюля, — сказал корреспонденту «Огонька» автор проекта архитектор Н. И. Демчинский, — будет облицован серым гранитом и цветной штукатуркой. По карнизу протянутся лепные фризы. Колонны кассового зала покроют белым естественным мрамором. Лучи света зальют зал сквозь витражи дверных арок, а перрон через стеклянный потолок. Зимой, чтобы холод не проникал на станцию, будут использованы шлюзы воздушных завесов. Это даст возможность даже при 20-градусных морозах поддерживать температуру в 12 градусов тепла.

Впечатления иранского делегата

Иранский генерал Аманолла Джаханбани, бывший министр, совершивший недавно вместе с иранской делегацией поездку по Советскому Союзу, поделился своими впечатлениями с корреспондентом журнала «Огонек».

— Прежде всего,— сказал господин Джаханбани,— я хотел бы сделать маленькое замечание о важности того путешествия, которое совершает сейчас наша делегация по Советской стране. Да, это очень важно, потому что своими глазами видишь ваш большой, светлый и счастливый мир, и туман лжи, который застилал глаза, рассеивается. Вот с этого я хотел начать; теперь я жду ваших вопросов.

— Что именно вы имели в виду, когда говорили о тумане лжи?

— Я имел в виду антисоветские статьи, которые довольно часто появляются в некоторых крупных газетах и которые уверяют нас, например, что Волго-Дон строился ручным способом и что сооружения на его берегах картонные. Очень распространена и такая версия: для того, чтобы создать впечатление обилия советских автомашин, одни и те же автомобили снуют взад и вперед по городу.

— Вы этому верили?

— Как вам сказать? Мне казалось, что я хорошо знаю Россию: ведь я когда-то учился здесь, я читаю советские газеты... но, скажу честно, успехи, которых достигла ваша страна, казались мне много меньшими. На человека, который приезжает к вам, они производят ошеломляющее впечатление. Не можешь представить себе, каким образом советские люди смогли в такие короткие сроки добиться таких великих перемен в труде, быте, культуре. А впереди, впереди у вас замечательные перспективы!..

Наша беседа проходила на пароходе «Лермонтов», который, поднимаясь из шлюза в шлюз, шел по Волго-Донскому каналу. Генерал взмахнул рукой, рассекая воздух, и сказал:

— Просто не верится, что трасса этого канала идет по сухим, безводным степям! Но пароход наш движется, и мы с вами — на палубе. В эти минуты я думаю, конечно, о родном Иране. У нас много сухих земель, нуждающихся в воде. Жизнь там, где вода!

Аманолла Джаханбани встал, подошел к борту парохода и продолжал:

— Теперь, когда я воочию увидел, как может человек властвовать над природой, где-то в глубине души у меня рождается надежда, что придет время, когда бесплодные земли моей страны, ее выжженные солнцем пустыни также превратятся в сад.

— Вы сказали, что знали нашу страну до революции...

— Я жил до революции в России. Я помню то время, когда даже простейшие детали машин царская Россия выписывала из-за границы. Она тогда экономически зависела от других стран. А теперь все у вас есть.

Но больше всего меня поразил советский человек. Советский человек — и это, я думаю, самое главное — бесконечно верит в себя, в свое правительство. А вера — это большая сила. Ваш народ постоянно выдвигает новых талантливых людей. Я помню Россию, в которой перед талантливым человеком были закрыты все двери. А теперь я вижу простых рабочих, крестьян, которые стали руководителями. Я говорил с ними...

— Что же произвело на вас наибольшее впечатление во время этих встреч?

— Бескорыстный — я бы хотел, чтобы вы подчеркнули это слово,— бескорыстный и живой интерес к Ирану. Меня подробно расспрашивали о жизни Ирана, о жизни наших рабочих, крестьян, интеллигенции. Все это меня глубоко волновало. Я много путешествовал, был почти во всех странах мира, где я только не был! Но нигде, никогда я не слышал, чтобы так искренне интересовались нашей жизнью и нашей судьбой. И вот что еще очень важно отметить: я иду по улице, вижу рабочего — говорю с ним, вижу народ — говорю с ним; я делаю все, что хочу, спрашиваю все, что мне хочется спросить. И всюду я убеждаюсь в том, какую грандиозную, ни с чем не сравнимую и поэтому очень волнующую заботу о человеке проявляют в вашей стране. Все подчинено этому.

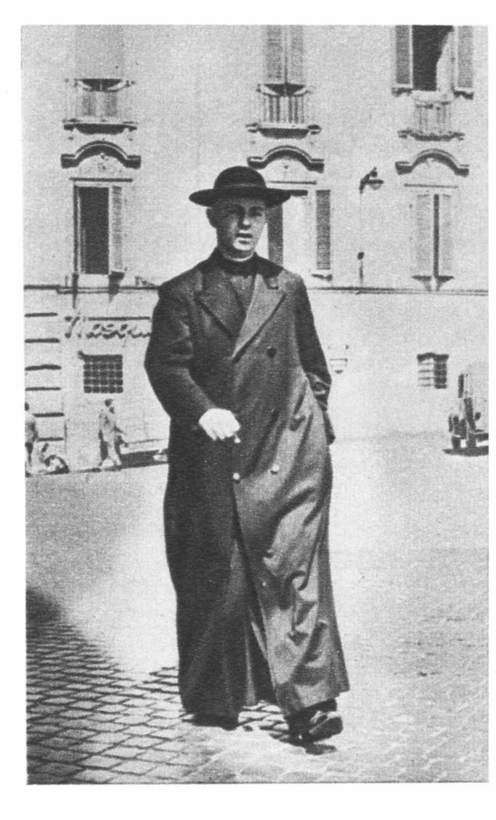
— Что, по-вашему, надо было бы сделать для укрепления ирано-советской дружбы?

— Я член Общества культурной связи с Советским Союзом и хочу сказать, что иранцы проявляют колоссальный интерес к советской жизни. Когда у нас показывают советский фильм или читают доклад о Советском Союзе, зал переполнен. Надо, чтобы больше делегаций приезжало из Ирана в СССР и из вашей страны к нам. Тогда мы покончим с разговорами о картонных домиках и автомобилях, идущих по кругу. Когда я вернусь в Иран, я с восторгом буду говорить о том, что видел. Я прочитаю доклады, выступлю по радио. Я сделаю все, чтобы правда стала известна моей стране.

Генерал Аманолла Джаханбани.

Итальянский священник, снятый незаметно для него на улице де Луккези в центре Рима.

Фотография того же священника, представленного на «выставке» в качестве «советского священника - раба».

ЛЖЕЦЫ ИЗ «КАТОЛИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ»

В своей предвыборной пропаганде партия де Гаспери использует два главных вида оружия: открытый полицейский террор против агитаторов демократических партий и самую циничную, безудержную клевету на Советский Союз и страны народной демократии.

Не проходит дня, чтобы митинги, организованные демократической оппозицией, не подвергались нападению полиции. Предлог всегда найдется: в одном случае «оскорбление правительства», то есть заявление о том, что правительство не выполнило обещаний, взятых на себя в 1948 году; в другом случае так называемое «нарушение общественного порядка», дающее право жандармам Шельбы разогнать любой митинг.

Несколько дней тому назад на главной площади города Риети руководители местной федерации коммунистической партии были зверски избиты полицейскими. В Калабрии было арестовано много агитаторов-коммунистов за то, что они разоблачали перед народом лживые измышления реакционной пропаганды.

Громкий скандал произошел с выставкой «По ту сторону железного занавеса», устроенной организацией «Католическое действие». На стендах этой «выставки» демонстрировались подтасованные цифры и факты, предназначенные для того, чтобы оклеветать Советский Союз и страны народной демократии.

В «подтверждение» клеветнических измышлений на «выставке» экспонировались фотографии... нескольких итальянцев, которые должны были сойти за «советских рабов». На одной из таких фотографий «раба из СССР» изображен итальянец, житель Рима, снятый незаметно для него на центральной улице столицы Италии. На другом снимке в роли «советского священника-раба» выступает помимо воли какой-то итальянский священник.

Но устроителям «выставки» не повезло. Как-то оба этих ничего не подозревавших итальянца отправились на пресловутую выставку и, переходя от стенда к стенду, внезапно узнали себя на сфабрикованных фальшивках. Легко себе представить их негодование! После энергичного протеста фотографии были поспешно убраны. Но этот эпизод, широко комментировавшийся демократической печатью, помог разоблачить грубые фальшивки реакционной пропаганды. Тысячи граждан Рима, узнав из левых газет о гнусной фальсификации, поспешили посетить выставку с единственной целью — посмеяться над незадачливыми мастерами клеветы и выразить им свое возмущение.

Рим. Альберто ЯКОВЬЕЛЛО

Многолюдный предвыборный митинг в Мессине (Сицилия). Собравшиеся слушают выступление Пальмиро Тольятти.

ПЕРВЕНСТВО ЕВРОПЫ ПО БАСКЕТБОЛУ

Капитан советской команды О. Коркия вручает вымпел капитану чехословацкой команды И. Мразеку.

Фото А. Бочинина и Е. Умнова.

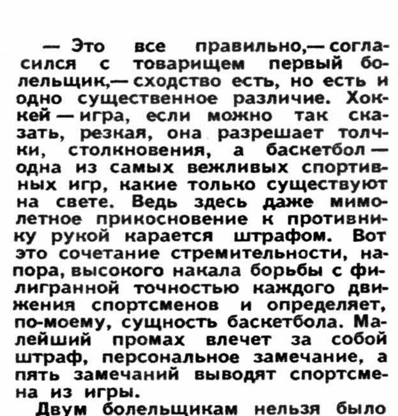
В один из дней розыгрыша европейского первенства по баскетболу, когда судейский свисток и звонок электрических часов одновременно известили о конце игры и страсти, кипевшие на переполненной трибуне московского стадиона «Динамо», улеглись до выхода следующих двух команд, мы услышали разговор болельщиков.

— Замечательная игра — баскетбол! — говорил один из них, обмахивая программкой свое разгоряченное лицо.— Не знаю, с чем даже сравнить его по спортивному азарту, стремительному темпу.

— Если уж сравнивать, то только с хоккеем с шайбой! — сказал второй болельщик.— У них много общего: быстрота, высокие атлетические качества участников, частые замены игроков, стремительная смена ситуаций.

Мяч в корзине.

— Это все правильно,— согласился с товарищем первый болельщик,— сходство есть, но есть и одно существенное различие. Хоккей — игра, если можно так сказать, резкая, она разрешает толчки, столкновения, а баскетбол — одна из самых вежливых спортивных игр, какие только существуют на свете. Ведь здесь даже мимолетное прикосновение к противнику рукой карается штрафом. Вот это сочетание стремительности, напора, высокого накала борьбы с филигранной точностью каждого движения спортсменов и определяет, по-моему, сущность баскетбола. Малейший промах влечет за собой штраф, персональное замечание, а пять замечаний выводят спортсмена из игры.

Двум болельщикам нельзя было отказать в меткости суждений, а сколько таких тонких ценителей замечательной спортивной игры появилось за эти одиннадцать дней! Наблюдая встречи сильнейших европейских команд, многие москвичи стали настоящими знатоками баскетбола, прекрасно разбирающимися в его тонких правилах, в его тактических хитросплетениях. Зрители смогли изучить стиль и характер игры не только своей любимой советской команды, но и других команд, съехавшихся в Москву со всех концов Европы, и не только Европы.

Москвичи полюбили отличных баскетболистов Чехословакии и их знаменитого лидера — широкоплечего, невозмутимого Иво Мразека. Они восхищались успехами венгерских спортсменов, ставших за короткий срок первоклассными баскетболистами. Болельщики познакомились со стремительным и никогда не унывающим «седьмым номером» итальянской команды Альберто Маргеритини и высоким смуглым египетским спортсменом Мансуром Сами Ибрагимом, неизменно приносящим своей команде наибольшее число очков. Зрители от всей души аплодировали французам,— они всегда, даже в самых безнадежных случаях, боролись за победу до последней секунды, до последнего броска.

Познакомились москвичи не только с зарубежными баскетболистами, но и с судьями. Появление на площадке экспансивного французского судьи Биго встречалось аплодисментами, а египтянину Абу Эль Сеуду прощалась чрезмерная любовь к своей команде, превращавшая его в свободные от судейства часы в рядового восторженного болельщика.

Баскетбол — игра стремительного темпа, и не так-то просто неопытному глазу определить, по какой причине тому или другому игроку дается персональное замечание, почему назначается штрафной бросок. Но уже через несколько дней многие болельщики, заполнявшие трибуны московского стадиона, научились быстро и безошибочно замечать малейшую оплошность спортсмена и разбираться во всех тонкостях работы отлично организованного судейского аппарата. Этот аппарат, составленный из судей — представителей различных стран,— действовал с точностью электрических часов, неумолимо отсчитывавших секунды, минуты и число забитых мячей.

Научились болельщики разбираться и в незаметной на первый взгляд, но столь важной работе тренеров, следивших за ходом борьбы с края площадки, направлявших тактический ход состязаний, бросавших в «бой» резервные свои силы.

Четыре дня с утра до вечера продолжалась борьба в подгруппах — на площадке перед западной трибуной, когда небо было ясно, и на закрытых кортах, когда шел дождь. Каждое очко в этих играх имело большое значение, ибо в случае равного количества побед и поражений у нескольких команд победитель определялся по разнице забитых и пропущенных мячей. Поэтому состязания были острыми, напряженными. Но вот они закончились, и сразу начался новый, решающий этап. Право участвовать в борьбе за звание чемпиона завоевали команды Венгрии, Египта, Израиля, Италии, Советского Союза, Франции, Чехословакии и Югославии. Остальные девять команд разыгрывают места с 9-го по 17-е. Болгарская команда из-за худшей, чем у команды Югославии, разницы забитых и пропущенных мячей заняла в своей подгруппе 3-е место — хотя она и выиграла у Югославии — и не попала в число восьми сильнейших.

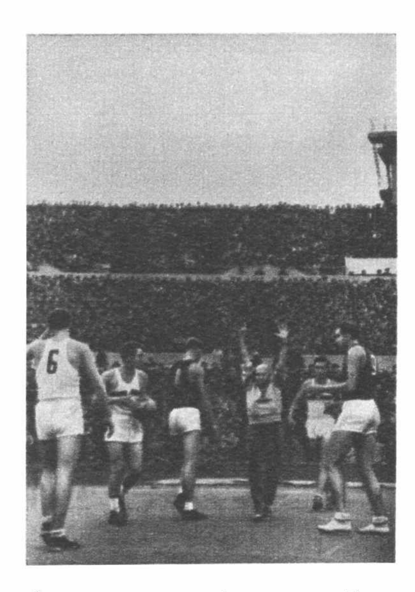
28 мая состязания вступили в свою заключительную стадию. Начались финальные игры. В этот день трибуны перед площадкой были заполнены до отказа.

Первыми играли команды Венгрии и Италии. Венгры методично, очко за очком увеличивали разрыв в счете, и финальный свисток зафиксировал результат — 49 : 38. Команда Израиля, проигравшая в подгруппе югославам, в финале взяла реванш (40 : 29).

Много волнений доставила зрителям встреча Франции и Египта.

Момент игры СССР — Франция.

Состязание судит француз г-н Биго. Его жест обозначает штраф игроку под номером шесть.

Египтяне атакуют. Второй справа — египетский судья г-н Абу Эль Сеуд. Сейчас он только «болельщик».

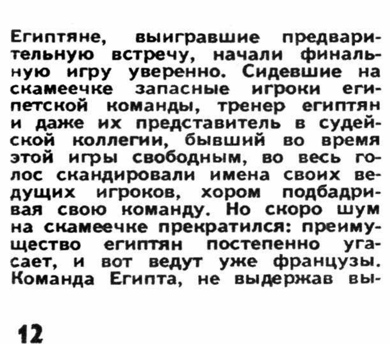

Одного из сильнейших игроков советской команды, Отара Коркия, стерегут сразу два чешских игрока.

Состязание баскетболистов Венгрии и СССР. Венгры взяли минутный перерыв.

Советского баскетболиста А. Конева блокируют два бельгийца.

Египтяне, выигравшие предварительную встречу, начали финальную игру уверенно. Сидевшие на скамеечке запасные игроки египетской команды, тренер египтян и даже их представитель в судейской коллегии, бывший во время этой игры свободным, во весь голос скандировали имена своих ведущих игроков, хором подбадривая свою команду. Но скоро шум на скамеечке прекратился: преимущество египтян постепенно угасает, и вот ведут уже французы. Команда Египта, не выдержав высокого темпа, проиграла со счетом 62 : 73.

Диктор объявляет следующую встречу: СССР — Чехословакия, и по трибунам прокатывается волна тревожного оживления. Три раза приходилось состязаться между собой этим командам, трижды выигрывали советские спортсмены, но каждый раз победа бралась с бою. В финале VII первенства Европы, проводившегося в 1951 году в Париже, команда СССР выиграла у чехословаков с преимуществом всего в одно очко.

Как-то сложится игра на сей раз? Чей флаг будет поднят на мачту после финального удара колокола, чей гимн прозвучит над стадионом? Но вот свисток судьи г-на Биго, и часы на щите начинают отщелкивать секунды.

На седьмой минуте счет 5 : 5. Чехословаки не дают нашим игрокам прорваться к кольцу, внимательно следят за Отаром Коркия, капитаном советской команды. Но советские игроки, постепенно наращивая темп, прорываются все чаще, и все чаще назначается штраф в пользу нашей команды. Медленно, но верно баскетболисты СССР выходят вперед. Результат — 49 : 41.

Второй день финальных соревнований был не менее напряженным. Команда Советского Союза победила французов (80 : 51). Второе поражение потерпели египтяне, проиграв со счетом 50 : 89 команде Венгрии. В упорной борьбе команда государства Израиль выиграла у итальянцев (47 : 42).

Когда в первый день финальных игр команда СССР по воле жребия встретилась с командой Чехословакии, многие считали, что эта игра определит победителя первенства. Однако, проиграв в упорной борьбе команде СССР, чехи оказались побежденными в следующих двух встречах: с баскетболистами государства Израиль и Югославии.

И вот в четвертый раз вышли баскетболисты Чехословакии на площадку. На этот раз они ведут борьбу с французами, играющими с большим подъемом. За плечами французской команды уже две победы—над Египтом и Югославией. Серьезная противница! И в самом деле, вскоре после начала состязания баскетболисты Франции ведут. Первую половину игры они заканчивают в свою пользу с разрывом в восемь очков. В начале второй половины французские баскетболисты продолжают сохранять преимущество. Казалось, что победа им обеспечена. Чехи никак не могут слить воедино усилия своей пятерки. Но вот тренер команды Лубомир Добры выпускает на площадку Идржиха Кински, и положение мгновенно меняется.

Еще минуту назад на площадке действовали пять разрозненных спортсменов. Теперь это единая сила, единая воля. На тридцать первой минуте счет сравнялся — 36 : 36. Еще один бросок, и уже ведут чехи.

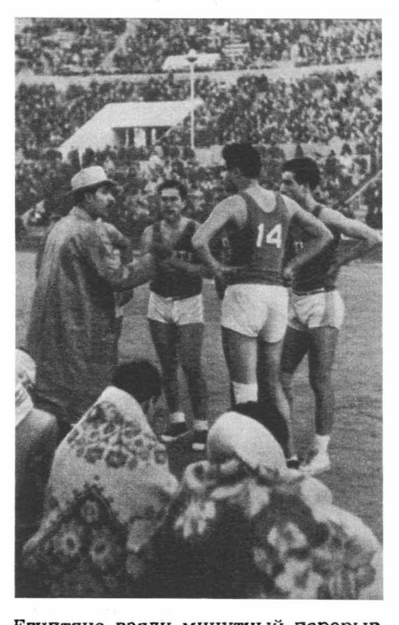
Наконец-то мы увидели, на что способна эта прекрасная команда. Все попытки французов снова вырваться вперед не привели ни к чему, и это интересное состязание закончилось победой баскетболистов Чехословакии со счетом 55 : 47.

Очень показательная встреча! Она раскрывает самую сущность баскетбола, как игры коллективной. Успех венгерской команды, победы команды СССР — это все результат объединенных усилий всех игроков. И неудачи египтян объясняются тем, что они, каждый в отдельности обладая высокой техникой, играют разрозненно.

В. ЯКОВЛЕВ,
О. ШМЕЛЕВ

К своей сумке итальянский судья г-н Ривербери пришил гербы государств и знаки спортивных клубов всех стран, команды которых ему доводилось судить.

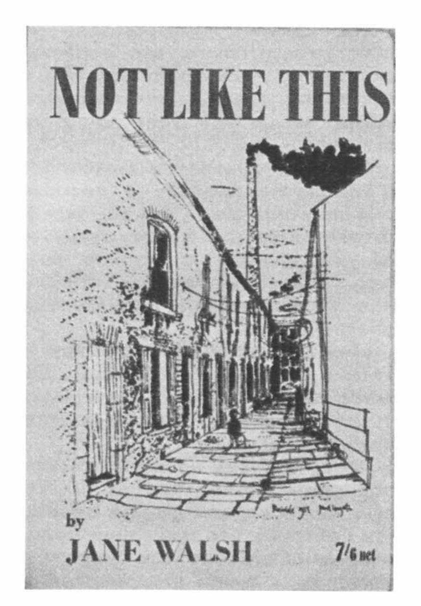
Египтяне взяли минутный перерыв. Тренер беседует с командой.

До конца игры осталось меньше двенадцати минут. Чешские баскетболисты сокращают разрыв в очках, и запасные игроки французской команды с тревогой поглядывают на электрические часы.

ЖИЗНЬ ДЖЕЙН УОЛШ

Ральф ПАРКЕР

Передо мною лежит книга, только что вышедшая в свет в Лондоне. Книга называется «Так не должно быть», и написана она простой английской работницей, вернее, безработной. Это бесхитростная повесть о жизненном пути английской женщины, каких много в моей стране, о жизни без радости и улыбки, полной обид и несправедливостей, о жизни, над которой вечно висит угроза безработицы, голода, болезней, бездомности.

Уже на склоне этого безрадостного существования мелькнул луч света, родилось стремление к счастью, надежды на лучшее будущее. Джейн Уолш обрела эту надежду, присоединившись к большой массе людей, борющихся за мир. В благородной борьбе она увидела путь к утверждению своих прав, своего человеческого достоинства.

Книга Джейн Уолш — плод той большой перемены, которая произошла в жизни английской работницы. Может быть, не лишне будет рассказать об этой книге накануне Всемирного конгресса женщин, на который съезжаются, чтобы заявить о своих правах и надеждах, матери, сестры, дочери простых людей со всех концов мира.

* * *

В том самом году, когда в России люди труда пришли к власти, англичанка по имени Джейн Уолш впервые стала продавать свой труд, чтобы добывать пропитание. Жила она в Ланкашире. Отец ее был ирландец, один из тех, что массами уходят из своей обнищавшей страны искать черной работы на заводах Англии и заселяют трущобы ее промышленных городов. Семья Уолшей — Джейн была шестым ребенком — проживала в самом грязном и разрушенном квартале Олдхэма, одного из грязнейших городов Англии. Если вы даже богаты и можете поселиться на вершине холма, господствующего над фабричными трубами Олдхэма, все равно воздух и там настолько пропитан сажей, что вы непременно испачкаете ею руки, сорвав цветок на лужайке...

В 1917 году могла рассчитывать получить работу даже такая щуплая, невзрачная, с болезненным лицом девочка, как Джейн, которой исполнилось тогда двенадцать лет. Это был еще военный год, год «нехватки рабочих рук», как писали газеты. Джейн пошла работать на прядильную фабрику.

«Я очень хорошо помню, как отпраздновала этот день,— пишет Джейн Уолш в своей книге.— Уже несколько лет я была в семье на побегушках — то в пивную, то в мелочную лавочку; я ненавидела это занятие до глубины моей детской души. Я очень страдала, когда мне приходилось относить наше жалкое тряпье в ломбард, где надо мной насмехались и всегда обсчитывали. А пиво причиняло слишком много зла нашей семье, чтобы мне нравилось приносить его домой».

Когда Джейн принесла и вручила матери первый конверт с первой получкой, она робко попросила только об одном: пусть ее не посылают больше во все эти места, где ей бывает тяжело и стыдно...

Так в год Октябрьской революции Джейн начала свою трудовую жизнь. «Наши соседи,— рассказывает она,— все были самые бедные из бедных. Сколько я их ни вспоминаю, я вижу перед собой желтые лица, сутулые спины, слышу жалобы на недоедание. И с детства я научилась понимать, что не все люди живут одинаково: я замечала разницу, когда проходила по улицам центра города, где разгуливали стройные мужчины и женщины с упитанными, розовыми щеками».

На фабрике было очень холодно, сыростью несло от толстых каменных стен, из коридоров и подвалов. Девочка вначале пугалась всего: и паутины бегающих над головой трансмиссий и длинного ряда жужжащих станков — вот-вот тебе оторвет палец, когда ты ссучиваешь оборванную нить! И всюду в воздухе стояла пыль от очесов хлопка, она лезла в глаза, в уши, в нос, проникала через одежду, от нее невыносимо зудела кожа. Подруги ее по цеху были такие же девочки, как она сама: они играли тут же, на дворе фабрики, в «классы», а дома забавлялись обшарпанными мячиками. Самой старшей из них было четырнадцать!

В пятнадцать лет Джейн впервые почувствовала на себе действие железного закона колебаний капиталистической конъюнктуры. На ланкаширских текстильных фабриках процветание сменилось кризисом. Джейн Уолш отправили за ворота. Правда, через некоторое время она пристроилась на другой работе, но там, как она смутно вспоминает, было совсем плохо: «...мы были все в поту, очень спешили и толкались в тесном помещении, как стадо овец».

Так шло и так ушло детство Джейн. Однажды в месяцы безработицы жизнь столкнула ее с красивым, высоким двадцатидвухлетним юношей Дэйвидом. Это была ее первая любовь, пугливая, беззащитная перед суровыми законами жизни. Но Дэйвид тоже был безработным. Им пришлось расстаться. Он уехал искать заработка и канул в неизвестность где-то в охваченном безработицей Лондоне 1922 года. Через два года Джейн вышла замуж за другого человека.

Вначале им повезло: муж работал, хотя и не полную неделю, работала и Джейн, только платили ей намного меньше, чем ему. Жили они в сырой комнате, выходившей окнами в полутемный, грязный двор, влезали в долги, чтобы обставить свое гнездо хотя бы подержанной мебелью. Но прошел год — другой, и Чарльз остался без дела. Джейн пришлось надрывать силы и содержать обоих. Она уходила из дому в шесть утра и возвращалась поздно вечером, дрожа от холода под легким пальтишком. Но и ее собственный заработок постоянно словно висел на тонкой нити, готовой оборваться...

Перелистывая страницы книги Джейн Уолш, мы останавливаемся на рассказе о самой страшной поре ее жизни. Это было уже в начале тридцатых годов.

«Фирма, в которой временно работал Чарльз, опять закрылась. В эту ночь наш старый враг — страх за будущее — не выпускал нас из своих когтей. Мы лежали молча, и каждый думал об одном и том же.

Опять Чарльз будет вместе с сотнями таких же исхудалых, бледнолицых людей обивать пороги фабрик в надежде, что на нем остановится глаз вербовщика.

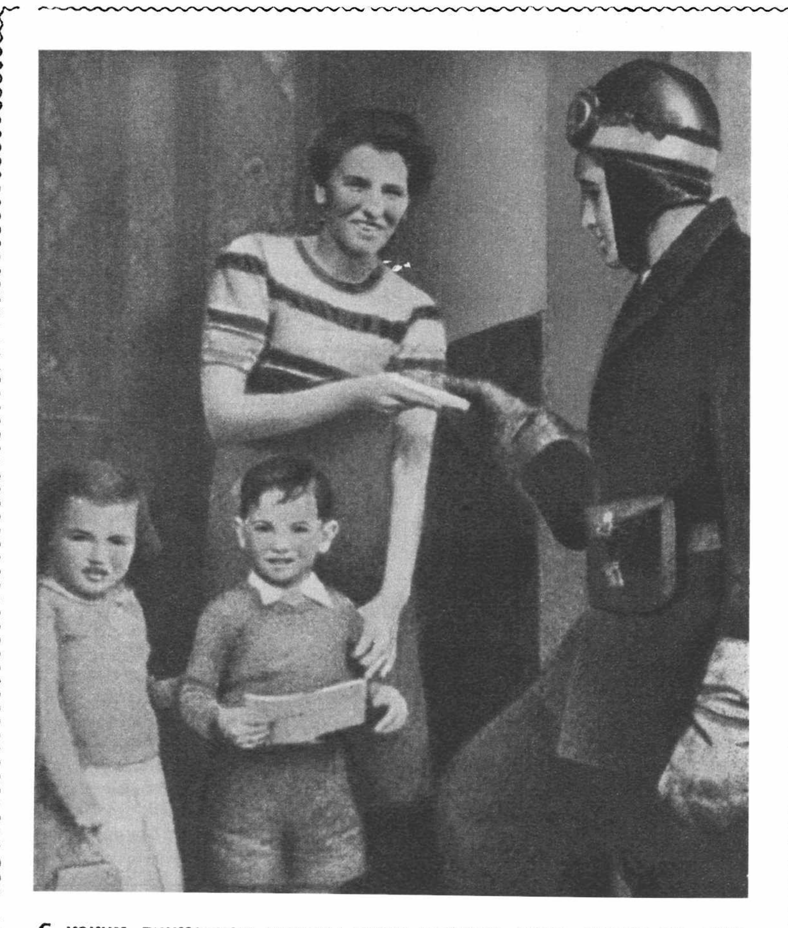
Идет 1935 год, и все еще никакой надежды, никакого просвета!

Я иногда молилась про себя богу: пусть бы все мы, я, Чарльз и ребенок, умерли во сне!

Три месяца подряд мы боролись за пособие по безработице для Чарли. Наконец добились. Половина уходила на квартиру, шестая часть — на уголь. Когда удавалось достать ребенку бутылку молока, я должна была дергать себя за волосы — так хотелось выпить молоко самой!

Я стала брать на дом белье в стирку. Но приходилось стирать ночью: чиновник из бюро пособий мог поймать меня за этим делом и снова сделать вычет, пусть это будет даже несколько пенсов. Однажды мы нанялись с Чарли белить и оклеивать квартиру из шести комнат. Делали мы это ночью, а спали днем...»

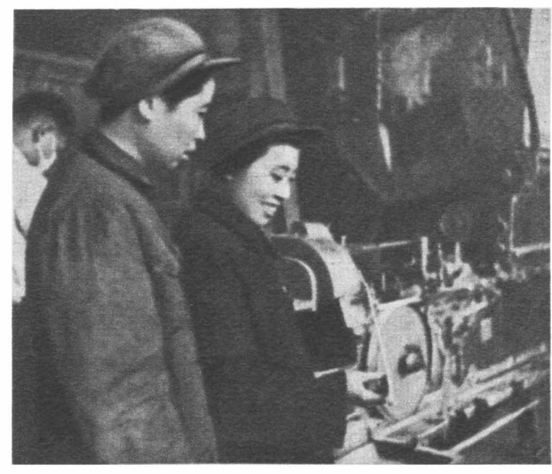
В конце концов пришла катастрофа. Джейн задолжала за квартиру, и ее выселили вместе с мужем и ребенком. Она была в это время беременна. Поселились они в одном из пустых, полуразрушенных домов, назначенных на снос. Через двадцать лет после

С каким вниманием народы всего земного шара следят за переговорами о перемирии в Корее! С каким нетерпением ждут они того момента, когда кончится эта война и к матерям вернутся их сыновья, к сестрам — братья, к детям — отцы! Грейс Поллард — мать двоих детей. Она живет в Лондоне. Фотограф заснял ее в момент получения долгожданного известия о том, что ее муж, раненый, освобожден из лагеря военнопленных и возвращается домой (снимок из английской газеты «Дейли уоркер»).

Молодые работницы Ян Ли-хуа (слева) и Лю Цзин-фан успешно овладели специальностью электросварщиц. Они работают на строительстве в городе Мукдене.

Женщины руководят народными предприятиями. Директор Государственной табачной фабрики в Шанхае Хун Ци (справа) и председатель фабричного комитета Дун Чжи-сян проверяют состояние охраны труда.

ЖЕНЩИНЫ СВОБОДНОГО КИТАЯ

Заместитель председателя Всекитайской демократической федерации женщин Дэн Ин-чао (в центре) среди представительниц национальных меньшинств Юго-Западного Китая.

того, как Джейн начала продавать свою рабочую силу, она вернулась в такую же трущобу, в какой она появилась на свет!

И вдруг случилось невероятное: Чарльз получил... личное приглашение на работу в Ковентри! Он уехал туда, захватив пару белья, завернутого в кусок оберточной бумаги. Приходит письмо — он уже работает на сталелитейном заводе, работает по двенадцати часов в сутки!

Это был 1938 год. Скоро Джейн и ее муж поняли, чему они обязаны этой переменой в своей судьбе. «Когда началась война,— пишет Джейн Уолш,— мы жили в Ковентри. Нам сперва начала казалось, что война — это некоторые лишения, отдельные неудобства. Но чем глубже входили мы в эти страшные годы, тем яснее становилось, что война — это гибель не только для солдат...»

Когда война кончилась, Джейн Уолш была вдовой с тремя детьми на руках. Так вступила она в послевоенный период после двух десятилетий нищеты и безработицы, мужественно перенесшая бомбардировки Ковентри, работавшая на военных предприятиях. Ей было уже 40 лет.

Она весьма смутно представляла себе ту страну, о которой ей приходилось слышать от соседок,— страну, где работница и вдова Джейн Уолш могла твердо рассчитывать на помощь и уважение со стороны государства и сограждан.

Впрочем, ей казалось, что и у себя на родине она встретит такое же сочувствие и поддержку. Но скоро Джейн пришлось убедиться в беспочвенности этих иллюзий.

«Это было в январе,— пишет она,— стояли жестокие холода. Я пошла в комиссию по «проверке нуждаемости». Ветер, как ножом, резал кожу на лице, и я была рада, когда добралась до серого, обшарпанного дома, где принимали просьбы от вдов.

Ждать пришлось в длинном, выложенном кирпичами коридоре, ветер чувствовал себя в этой каменной трубе, как на улице.

Наконец я осторожно приоткрыла дверь и остановилась в нерешительности.

— Входите же, женщина! — произнес кто-то недовольным голосом.— Не устраивайте сквозняка!

Я вошла в большую, уютно обставленную комнату, очень теплую — это я почувствовала сразу. На полу лежал пушистый ковер. Сесть мне не предложили, но я едва стояла на ногах и опустилась на стул без разрешения. У меня не попадал зуб на зуб, колени были как деревянные.

— Ну, давайте, говорите, чего вам надо?

Я посмотрела на уполномоченного. Это был молодой человек в хорошо сшитом модном костюме.

Я рассказала ему все, как есть: сколько у меня детей, сколько времени я живу вдовой. Я не упустила ни малейшей подробности. Он слушал и полировал себе ногти.

— Что вы будете делать, если мы не сможем вам ничем помочь? — отрывисто спросил он вдруг.

Вопрос застал меня врасплох.

— Я думаю, что мне придется... просить кого-нибудь одолжить мне немного денег,— растерянно пробормотала я.

— Да, да, попытайтесь,— поспешно подхватил уполномоченный и поднялся, давая понять, что я могу уходить.

Потом, поглядев на меня, он добавил:

— Если вы не обойдетесь, тогда обратитесь к нам снова. Но едва ли мы и тогда сможем сделать для вас что-либо...»

Так Джейн почувствовала на собственном опыте, что означает система социального обеспечения, о которой очень много говорили тогда, когда она голосовала на выборах.

Однажды Джейн сама заболела и слегла. На просьбу о пособии она получила ответ, что ей таковото не полагается: к тому времени ей уже платили крохотную пенсию. Пришлось обратиться в главное управление по социальному обеспечению.

«Там меня принял человек с весьма самоуверенным видом. Он четко перечислил все инструкции и распоряжения правительства, потом добавил:

— Мы отнюдь не расположены поощрять вас в том, чтобы вы всю жизнь сидели дома в вдовах. Мы полагаем, что такие еще молодые женщины, как вы, могли бы постараться выйти второй раз замуж...»

Тогда Джейн решилась написать письмо члену парламента с просьбой помочь ей хоть немного увеличить пенсию: она не может существовать с тремя детьми на такие маленькие деньги! Джейн думала, что член парламента поймет ее. Но у него были собственные дома в столице и за городом, на зиму его семья выезжала в южную Европу, наконец, у него была конюшня рысистых лошадей и много других подобных забот. Член парламента ответил Джейн письмом. Оно было очень многословно и кончалось выражением сожаления, что «общее экономическое положение не позволяет оказывать непосредственную помощь в том виде, как вы бы этого желали». Женщина читала письмо, и ей вспомнился 1924 год, когда этот же член парламента на митинге перед выборами горячо обещал сделать много хорошего для простых людей...

Прошли десятилетия горьких разочарований, прежде чем Джейн поняла главную причину своих бедствий. Джейн, разумеется, знала, как чутко, с какой человеческой теплотой относятся друг к другу люди трущоб, как они иногда вместе добиваются своих прав. Но за тридцать шесть лет тяжелого труда Джейн никогда не бывала на политических митингах, не состояла даже в профсоюзе. Изменения в ее жизни произошли лишь недавно, уже на пороге ее пятидесятилетия. Она услышала речи Моники Фелтон и тут же вступила в общество английских женщин, борющихся за мир. С тех пор началась для нее новая жизнь.

Джейн Уолш нашла друзей, поддержку, помощь. А главное, участвуя в борьбе за мир, она обрела смысл своего существования.

«Так не должно быть» — этот заголовок книги Джейн Уолш выражает итог всего пережитого ею. Он выражает решимость многих английских женщин бороться за то, чтобы «так не было больше», чтобы на земле восторжествовал мир.

ВОЛЯ ЖЕНЩИН ЧИЛИ

Корреспондент «Огонька» обратился к делегатке Всемирного конгресса женщин от Чили с просьбой рассказать о том, как борются за свои права, за мир женщины ее родины. Вот что рассказала Мариа Марчант де Гонзалес-Вера, учительница из Сант-Яго.

Моему народу посчастливилось не изведать ужасов мировой войны. Никогда по земле Чили не ползали вражеские танки, не горели дома, подожженные снарядами иноземного завоевателя, чилийская мать не держала на руках ребенка, убитого вражеской бомбой. Но это не значит, что народ моей маленькой страны не ценит мир, не борется за него.

Мариа Марчант де Гонзалес-Вера. Фото Б. Вдовенко.

Для чилийца борьба за мир — это прежде всего борьба за национальную независимость, за то, чтобы богатства нашей страны принадлежали нам, а не иностранным монополистам; борьба за отказ от кабального договора с США, за избавление от извечной нищеты, в которую повергнуто большинство чилийских рабочих и крестьян. В этой борьбе большую роль играют чилийские женщины. В ней участвуют крестьянки из плодородной Продольной долины, работницы угольных копей в Консепсьон, учительницы, актрисы, адвокаты, журналистки Сант-Яго — женщины разных профессий, возрастов, политических и религиозных убеждений.

Они выступают против отправки своих мужей, братьев и сыновей на войну в Корею, против неравноправного чилийско-американского договора. Методы борьбы самые разнообразные, начиная от листовок и до так называемых «женских молчаливых пикетов». Я помню, как такие пикеты впервые появились в прошлом году у здания парламента в Сант-Яго, где обсуждался военный договор. В глубоком молчании ходили женщины вокруг здания, неся плакаты с надписью «Мы хотим мира, поэтому мы против пакта войны! Нашим детям нужны школы, а не американские танки!»

Полиция арестовала нескольких женщин, в том числе Элену Кафарена, известную чилийскую юристку. В полицейском участке Элена задала вопрос офицеру: «В чем вы нас обвиняете? Разве мы нарушили конституцию?» Офицер не знал, что ответить, и сказал, что готов отпустить женщин, если они отдадут свои плакаты. Но арестованные, все как одна, отказались выполнить требование полиции.

Когда жительницы Вальпараисо узнали, что в порт должны придти американские военные корабли, они вышли на улицы с плакатами «Американцы, убирайтесь обратно! Вы нам не нужны здесь!» Эти же слова они писали мелом на заборах, на стенах домов, углем — на тротуарах и мостовых. Американские суда не зашли в этот порт.

После Конгресса народов стран Азии и Тихого океана в Пекине чилийских делегатов приглашали во все уголки нашей страны, просили рассказать о великой дружбе и единстве, которые связывают всех сторонников мира.

Одна из делегаток Чили на Венском конгрессе народов в защиту мира говорила после возвращения на родину: «Раньше я считала борьбу за мир полезным делом, но не особенно верила в ее силу. Теперь же я поняла, что народы мира могут не допустить войны».

В Чили сторонники мира почувствовали новый прилив сил и энергии, когда на родину вернулся наш великий поэт Пабло Неруда. Все, кто мог попасть в самый большой театр Сант-Яго «Кауполикана», собрались на митинг, проходивший под лозунгом «Поэт говорит со своим народом». После митинга Пабло Неруда провожали по улицам тысячи людей.

На Всемирный конгресс женщин в Копенгагене чилийки послали делегацию в составе десяти человек. Среди них есть крестьянки, работницы и представительницы интеллигенции, избранные в разных районах Чили. Мы едем в Копенгаген, чтобы рассказать делегаткам конгресса о несгибаемой воле женщин Чили в борьбе за свои права, за счастье своих детей, за мир, о солидарности нашего народа с миролюбивыми народами всего земного шара.

КАК ЖИВУТ ИСПОЛЬЩИЦЫ ИТАЛИИ

Нина БИАДЖИНИ,
секретарь Национального профсоюза испольщиков

Моя родина — Италия. О красоте ее природы, голубом небе и синем море поются песни. Сочные плоды ее садов известны всему миру. Земля моей родины может давать щедрые урожаи хлебов, винограда, фруктов. Но на этой плодородной земле в беспросветной нищете живут люди, чьи руки пашут землю, собирают созревший виноград, убирают пшеницу. Это итальянские крестьяне, в большинстве своем арендаторы, а также испольщики, работающие на земле помещика за часть урожая.

Вот о жизни испольщиков, вернее, испольщиц, я и хочу рассказать. В Италии около 380 тысяч семей испольщиков. Они ютятся в жалких, полуразрушенных хижинах, уже давно переставших быть защитой от дождя и ветра. Я была, например, в доме испольщицы, работающей в имении помещика Дандоло Маттиоти, в провинции Флоренция. Мать и пятеро детей спят вповалку вместе, а у матери туберкулез, и трое ребят уже заразились от нее. Дом с минуты на минуту готов обрушиться, щели в полу такие, что можно сквозь них рассмотреть первый этаж, который служит хлевом. Помещик, конечно, пальцем о палец не ударил, чтобы починить хоть крышу в доме своей испольщицы.

В некоторых сельских районах процент смертности среди новорожденных достигает 83, а три четверти из оставшихся в живых оказываются во власти рахита, малокровия, легочных заболеваний.

Испольщица-мать не может и мечтать о том, чтобы ее дети получили образование. Школ мало, плата за обучение высока. В Аккуапенденте, например, на весь район одна школа и один учитель. Он одновременно занимается со школьниками всех четырех классов. Одна испольщица во Флоренции рассказывала мне: «У меня способный сынишка. Учительница говорит: жаль, если он окончит только начальную школу. А откуда я возьму средства, чтобы учить его дальше? Ему остается одна дорога — идти пасти свиней»... А ведь одна из статей итальянской конституции предусматривает восьмилетнее бесплатное обучение!..

Впрочем, по конституции, мы имеем право и на здоровые жилища, и на охрану материнства и младенчества, и на школы для наших детей. Ничего этого нет в действительности! Чтобы осуществить эти права, итальянские крестьянки вынуждены упорно бороться.

Конечно, борьба испольщиц за права матерей и гражданок — только часть борьбы за изменение условий жизни в итальянской деревне. Плечом к плечу со своими мужьями мы добиваемся, чтобы испольщиков не сгоняли с земли, чтобы им не приходилось работать сельскохозяйственными орудиями столетней давности, чтобы доля испольщика в урожае была увеличена.

В нашей борьбе еще не так много успехов. Но они будут! Они будут, если трудящиеся женщины Италии объединятся в борьбе за хлеб и демократию.

Демонстрация итальянских крестьян, требующих улучшения своего экономического положения. Во главе демонстрации идут женщины-испольщицы.

Драгоценное наследие

В связи с исполнившимся в 1949 году десятилетием со дня смерти Антона Семеновича Макаренко Академия педагогических наук РСФСР приступила к изданию его сочинений. Недавно вышел из печати последний, седьмой том.

В это первое многотомное собрание сочинений Макаренко включены все его художественные и педагогические произведения. В первых трех томах читатель найдет «Педагогическую поэму», повести «Марш 30 года», «ФД-1», «Флаги на башнях» и пьесу «Мажор». В четвертый том вошли произведения, посвященные вопросам воспитания в семье. Пятый том посвящен проблемам теории и практики педагогической работы. Шестой том включает повесть «Честь» и ранее не публиковавшиеся сценарии «Настоящий характер» и «Командировка». Седьмой том содержит рассказы и очерки, публицистические и критико-литературные статьи А. С. Макаренко (среди них некоторые тоже публикуются впервые).

Повести, заметки, статьи, очерки, написанные в разные годы, по разным поводам и сейчас собранные вместе, поражают своим внутренним единством; в них поистине чувствуешь «одной лишь думы власть— одну — но пламенную страсть», которая не может оставить равнодушным ни одного читателя.

В декабре 1938 года в «Литературной газете» писатели говорили о книгах, которых они ждут. Вот что писал А. С. Макаренко: «Чувства, страсти людей меня всегда очень интересовали и в жизни и в литературе. Мне кажется, что писатели слишком мало пишут о переживаниях своих героев, описывая главным образом факты, события, т. е. то, что происходит вокруг людей, а не в людях... Очень хочется прочесть книгу, где были бы настоящие переживания, которыми наполнена жизнь каждого из нас».

Эти слова можно поставить эпиграфом ко всем семи томам сочинений самого А. С. Макаренко. Он рассказывает не только о том, что происходит вокруг, а и о том, что происходит в самих людях, как созревает настоящий характер, как выковывается советский человек.

Сильно, горячо звучит эта тема с первых же строк «Педагогической поэмы». Ни о чем не умолчал писатель: ни о жгучей горечи первых дней, ни о неудачах, ни об ошибках,— обо всем этом он сказал честно, с подкупающей прямотой, не щадя самого себя.

И с первых страниц читатель становится участником всего, что происходит в книге; его душу посещают и сомнение, и горечь, и радость находки, и торжество воплощения. А все потому, что и главный герой книги — учитель — и любой из его воспитанников действительно живут перед нами; раскрыт внутренний мир каждого; мы свидетели роста, становления характера, мы видим, как беспризорные подростки становятся настоящими людьми.

И «Флаги на башнях», и «Марш 30 года», и «ФД-1» — это продолжение «Педагогической поэмы». Автор рассказывает о том, как из одичавших ребят, разобщенных, жадных, привыкших думать только о себе, создавался редкой красоты человеческий коллектив. И рассказ об этом нигде не становится сентиментальным, потому что писатель показывает внутренний мир человека в движении, в росте и развитии.

Антон Семенович любил повторять, что он всегда в писательской работе чувствовал себя педагогом. Двойная зоркость — писателя и педагога — помогла создать умную, правдивую и проникновенную «Книгу для родителей» (IV том). Воспитание в семье — эта тема непрестанно волновала Антона Семеновича. Он рассказывает читателю о семье Веткиных — большом, дружном коллективе, объединенном общим трудом, общей заботой и уважением друг к другу; а потом — о другой семье, где все силы родителей сосредоточены на единственном ребенке (и он вырастает эгоистом, себялюбцем), и о семье покинутой (отец оставил жену и детей)... С большой силой звучит страстный голос писателя.

«В воспитании нет мелочей,— не устает повторять Макаренко.— Страшной ошибкой будет думать, что в вашей жизни или в жизни вашего ребенка вы что-нибудь выделите крупное и уделите этому крупному все ваше внимание, а все остальное отбросите в сторону». И Антон Семенович не пренебрегает мелочами, не считает для себя зазорным давать советы по мелочам, напротив, в этом он тоже видит свой долг, свою обязанность.

Уничтожающей критике подвергает Макаренко такой воспитательский и родительский «авторитет», который строится на резонерстве, на поучении или на подкупе; для того, чтобы успешно и правильно воспитывать, родители сами должны быть настоящими людьми, гражданами и работниками. Только живой пример воспитывает ребенка, а не слова, пусть самые хорошие, но не подкрепленные делом.

Нужно сказать, что комментарии к собранию сочинений составлены толково, они, действительно, помогут тому, кто всерьез работает над изучением этого драгоценного наследства. Но вот в комментариях к четвертому тому сказано: «Со времени написания «Книги для родителей» прошло свыше десяти лет. За эти годы советские люди неизмеримо выросли, наша бытовая культура еще более обогатилась. Поэтому некоторые эпизоды «Книги»... уже воспринимаются как далекое прошлое. Отходят в прошлое «семейные конфликты», «раздражительность», «неупорядоченность семейных отношений» и другие пережитки старого быта, которые с такой страстью критиковал писатель».

Правильно, советские люди очень выросли за эти годы, многое, очень многое в семье, в быту стало лучше, но благополучие еще вовсе не достигнуто; еще не «отошли в прошлое» ни «семейные конфликты», ни «неупорядоченность семейных отношений», ни родительская «раздражительность», ни многое другое. Для того, чтобы они, действительно исчезли, с ними надо бороться, а значит, нужно говорить о том плохом, что еще есть в действительности. Это всегда, неизменно было принципом А. С. Макаренко в его работе, и очень жаль, что в данном случае комментарии вступают в противоречие с этим его принципом.

Огромный интерес представляет том VII. В сущности, читатель впервые по-настоящему знакомится здесь с Макаренко-критиком, так как большинство его статей появилось в различных журналах и газетах в 1936—1939 годах и с тех пор нигде не перепечатывалось.

В критике Макаренко остается верен себе: он все тот же — страстный, подчас до резкости прямой, вдумчивый... Дает ли Макаренко отрицательный отзыв о повести Олесова, хвалит ли «Чукотку» Семушкина или подробно разбирает фурмановского «Чапаева», — всегда он великолепно определяет пафос книги; умно анализирует ее художественную ткань, образы, язык, умеет найти то, что отличает это произведение от других. В статье «Против шаблона» он горячо возмущается попыткой некоторых писателей и критиков упростить представление о советском человеке, наградить его «стандартными добродетелями»: «...счастье нашего человека вовсе не заключается в... безоблачном существовании, наше счастье ни в какой мере не напоминает райского житья, полного святости и бездеятельности.

И прежде всего наш, советский человек вовсе не бесконфликтен. Напротив, характерной особенностью нашей жизни является ее конфликтный характер... Секрет и прелесть нашей жизни не в отсутствии конфликтов, а в нашей готовности и в умении их разрешать».

Именно потому, что Макаренко смотрел на жизнь бесстрашно и честно, он умел видеть глубоко и чувствовал правдиво и сильно. Все написанное им пятнадцать и двадцать лет назад живо и сейчас, потому что все проникнуто политической страстностью, все устремлено вперед, в будущее.

Один из самых примечательных и волнующих разделов седьмого тома — переписка Макаренко с Горьким.

В 1925 году колонисты и Антон Семенович написали Горькому, который жил тогда в Сорренто. Они рассказали великому писателю и человеколюбцу о том, как родилась колония, носящая его имя. И Горький понял и оценил то, чего не желали признавать многие бюрократы и чиновники, находившиеся рядом с колонией. Он тотчас откликнулся, завязалась переписка. И по этим письмам видишь, как Алексей Максимович все больше и глубже интересовался личностью Макаренко, его работой, воспитанниками, каждым днем колонии, ее буднями и праздниками.

Читая эту переписку, еще отчетливее понимаешь, какую роль сыграл Горький в жизни Макаренко. Именно у него учился Антон Семенович подходить к людям с оптимистической гипотезой, с верой в человека. Именно отсюда возникла и замечательная по четкости формула Макаренко, его важнейший педагогический принцип: «Как можно больше уважения к человеку, как можно больше требовательности к нему».

Очень жаль, что в собрании сочинений нет ни большого, подробного предисловия, ни хорошей биографии писателя, которую никак не может заменить раздел «Даты жизни и творчества А. С. Макаренко». Это серьезный недостаток издания.

И все же большое и прекрасное дело сделано тем, что изданы сочинения А. С. Макаренко. Многому научат они читателя, о многом заставят задуматься.

Ф. ВИГДОРОВА

Славный путь

Исполняется 60 лет со дня рождения выдающейся чехословацкой писательницы-коммунистки Марии Пуймановой.

Мария Пуйманова родилась в семье пражского профессора. Первые ее произведения — «Под крыльями» (1917), «Рассказы из городского сада» (1920). Затем в творчестве Марии Пуймановой последовал длительный перерыв, вплоть до 1932 года, когда появилась ее книга «Пациентка доктора Гегеля». В конце двадцатых и в начале тридцатых годов Мария Пуйманова принимает активное участие в борьбе рабочего класса за свои права. Вместе с Юлиусом Фучиком и другими писателями она едет в Мост, где произошла нашумевшая в ту пору катастрофа в шахте «Кохинор». Писательница беседует с рабочими, их женами, выступает в печати, защищая бастующих горняков. Эта поездка произвела на Марию Пуйманову глубокое впечатление и имела большое значение для ее творчества.

В 1933 году Пуйманова впервые побывала в Советском Союзе и сразу же после возвращения домой написала книжку «Взгляд на новую землю».

В 1937 году вышел роман «Люди на перепутье» — одно из выдающихся произведений чехословацкой литературы. Это была первая книга задуманной Пуймановой трилогии. Мюнхенское предательство и гитлеровская оккупация надолго прервали работу писательницы.

Второй роман трилогии — «Игра с огнем» — вышел в свет в 1948 году. Тогда же Мария Пуйманова вновь посетила Советский Союз, чтобы собрать материал для третьей книги — «Жизнь против смерти», вышедшей в конце прошлого года. В трилогии показана история буржуазной республики, ее крах и победа людей труда, которые в народно-демократической Чехословакии строят социализм. Все эти романы отмечены Государственной премией.

Мария Пуйманова не только талантливая романистка, но и поэт и критик. Только в послевоенные годы она выпустила несколько сборников стихов, постоянно помещает в журналах критические статьи и заметки. Мария Пуйманова сочетает в своих стихах простое человеческое чувство, внутренние, интимные переживания с широкой общественной проблематикой. В сборнике «Признание в любви» (1949) выражена благодарность Советскому Союзу. Сборник «Миллионы голубок» (1950) посвящен борьбе за мир, активнейшим участником которой является и сама Мария Пуйманова. За эти книги писательнице присуждена Чехословацкая премия мира.

В. ЧЕШИХИНА

В. Г. Перов (1833—1882). РЫБОЛОВ. 1871 год. Государственная Третьяковская галерея.

Картины В. Г. Перова

В 1871 году произошло событие, сыгравшее огромную роль в развитии русского изобразительного искусства,— открылась первая выставка работ передвижников. Владимир Васильевич Стасов по достоинству оценил замечательное событие. Он приветствовал создание Товарищества передвижных художественных выставок специальной статьей. Особенно подчеркивал Стасов, что на выставке Товарищества собраны блестящие произведения, предсказывающие дальнейшее совершенствование русского искусства. Среди картин, вызвавших наибольшую похвалу критика, был «Рыболов» московского живописца Василия Григорьевича Перова.

«Вообразите себе человека пожилого,— писал Стасов,— отяжелевшего где-то в глуши, багрового и седого; он стоит над водой, под навесом широкой, старой своей соломенной шляпы; он взялся за оба колена, наклонился вперед среди торчащих повсюду около него, по земле, спущенных в воду удочек, и вся душа его глядит, сквозь огромные круглые очки на носу, в струи, где разрешается этот первый в мире вопрос: «Клюет или не клюет?»»...

Стасова радовало в «Рыболове» создание на редкость характерного, типического образа. Он сравнивал «Рыболова» с другой известной картиной Перова, «Птицелов», считая, что они стоят на одной ступени, и находил в литературе только один шедевр, равняющийся этим полотнам,— рассказ «О соловьях» Тургенева.

В творчестве Перова наряду с острым обличением правящих классов и духовенства сказывался гуманизм художника, любовь его к простому народу. Несколько произведений живописец посвящает детям. В картине «Тройка» измученные дети, напрягая последние силы, тащат с ухаба на ухаб обледенелую бочку с водой. Морозный ветер бьет в лицо. Серовато-тусклый колорит картины усиливает тягостное ощущение от страдания маленьких обездоленных тружеников. Возмущение и протест против тех, кто лишил радости детство этих ребят, вызывает картина «Тройка», навеянная жизненными впечатлениями художника.

Картина «Приезд гувернантки в купеческий дом» близка лучшим вещам Островского. Глубоко сочувствуя бесправному положению женщины, Перов старался своими произведениями привлечь внимание общественности к тяжкой женской доле. И самодур-отец, и недоброжелательная мамаша, и глупая дочка, и цинично-самодовольный сын написаны верно, убедительно.

«Чаепитие в Мытищах, близ Москвы» — одно из первых произведений Перова. Оно датировано 1862 годом и близко другим работам этого же времени, жестоко обличающим духовенство: «Сельский крестный ход на пасхе» и «Проповедь в селе». В «Чаепитии в Мытищах, близ Москвы» Перов продолжает ту же тему. В основе картины лежат живые наблюдения автора. Идейный ее смысл — обличение тунеядствующего монашества.

Замечательный сатирик, Василий Григорьевич Перов был беспощаден к тем, кто в глазах передового общества олицетворял тупое, гниющее самодержавие.

В. Г. Перов. ПРИЕЗД ГУВЕРНАНТКИ В КУПЕЧЕСКИЙ ДОМ. 1866 год. Государственная Третьяковская галерея.

В. Г. Перов. ЧАЕПИТИЕ В МЫТИЩАХ, БЛИЗ МОСКВЫ. 1862 год.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Г. Перов. ТРОЙКА. 1866 год.

Государственная Третьяковская галерея.

ХЛОПОТУНЬЯ

Заводские будни

М. ЗОТОВ,
бригадир Люберецкого завода имени Ухтомского

Рисунки В. Высоцкого.

К окну инструментальной кладовки подходит молодой, недавно из учеников, шлифовщик и просит обменить неисправный микрометр.

— Только нельзя ли поживее? — озабоченно добавляет он.

— Что так загорелось? — с подозрением спрашивает кладовщица. — А записка от мастера где?

— Вот она... — начинает шлифовщик и принимается искать по карманам. — Ну, надо же... потерял по дороге... Может, так обменишь?

— Так только лягушки квакают!

— Скажи, какая неуговорная! — удивляется шлифовщик. — Значит, по-твоему, работа должна стоять? Мастер в другой цех ушел, а ты: записка, записка...

Кладовщица молчит. Потом нехотя берет микрометр.

— Э-э-э... да он и не крутится совсем?! Нипочем не возьму!

Взяв микрометр обратно, шлифовщик возится с ним некоторое время, потом возвращает:

— Пробуй теперь. Опять никак? Ну, знаешь, я не виноват, что у тебя руки такие.

— Какие такие? От пальцев должен поворачиваться.

— Ну, вот... без тебя-то не знают. Меняй! Что, в самом деле, стоять?

— Сказала нет, значит, нет!

И в знак бесповоротности своего решения кладовщица складывает руки на груди. Однако она тут же предлагает:

— Хочешь, могу старшо́й показать?

Но перспектива переговоров со старшой, как видно, не устраивает шлифовщика, и он говорит:

— Ладно, сбегаю за запиской.

Но кладовщица, словно не расслышав, уходит с микрометром вглубь кладовой. Там, за небольшим столиком, пощелкивает на счетах старшая кладовщица Прасковья Григорьевна Обмолкова, или, как ее многие называют, тетя Паша. Это невысокая, уже пожилая, но подвижная женщина с живыми серыми глазами. Сдвинув очки на нос, она внимательно осматривает микрометр и покачивает головой:

— Заржавелый какой-то. А ну, позови его самого!

Но едва «сам» появляется в дверях, как с него мигом соскакивает вся его мальчишечья самоуверенность, и он робко говорит:

— Теть Паш, а теть Паш! Вы ведь знаете, я на твердом сплаве работаю, а у него пыль очень едучая. И вот, знаете, заело.

Паренек откашливается. Тетя Паша, подняв очки на лоб, строго смотрит на шлифовщика.

— Что кашляешь? И не стыдно? Эх ты, Витька, Витька!

— Что такое, тетя Паша?

— Да ты не юли, не юли! Чей это у тебя микрометр?

— М... мой!

— Кто это тебе сказал?

— Я говорю.

Махнув рукой, тетя Паша достает из шкафа продолговатый ящичек, где хранятся инструментальные книжки.

— А ну, какой номер на твоем микрометре?

Шлифовщик начинает бормотать что-то невнятное.

— Никак не найду, где он ставится!

— А вот он, вот! На тебя смотрит! Сто девять! А записали за тобой — семьсот пятнадцать.

— Чудно что-то, тетя Паша! У вас вроде получал.

— Уж не врал бы. Говорил бы, на свалке нашел и хотел нам голову задурить, да только не вышло.

— Уж вы скажете тоже! — слабо защищается шлифовщик.— Совсем и не так дело было. Просто меня Борька попросил: «Сходи к тете Паше и обмени. Им, — говорит, — это без убытка, а у нас запасной будет». Ну, я и пошел.

— И наврал с три короба! — добавляет тетя Паша, чуть заметно улыбаясь. — Твердый сплав для чего-то приплел. А про номер-то и забыл?

— Забыл, тетя Паша, забыл.

Уловив в голосе шлифовщика нотки искреннего раскаяния, тетя Паша начинает улыбаться уже совсем откровенно.

— Вот так-то оно и лучше. По крайней мере сразу видать, что жулик из тебя не выйдет. А с Борькой твоим мы еще особо поговорим. — Помолчав немного, она продолжает: — Я ведь, Витька, и отца твоего знала. Покойничек хоть и выпивал крепенько, зато к инструменту большую прилежность имел. Бывало, принесет сдавать — любо-дорого глянуть! А на тебе, чертенке, и шапка-то не по-людски надета!

Шлифовщик невольно хватается за кепку, надетую неизвестно почему задом наперед.

— Подумаешь. У нас все ребята так. А потом... — он неожиданно краснеет, — когда упреки да попреки пошли, так нате вам его совсем. Не нужен он мне! — И, положив злополучный микрометр к тете Паше на стол, он хочет уйти.

— Постой, постой! Какой же ты кипяток, Витька! Ведь вот хотела что-то тебя спросить и... скажи на милость, забыла...

— Что, тетя Паша?

— Подожди... ты ведь где-то учишься?

— В вечерней рабочей школе.

— Ну, и как ты там? Ничего? А моей Валентинке трудно. Она, конечно, не говорит, я сама вижу. Ты знаешь, ей даже эту самую... философию приходится изучать! Что улыбаешься? Не веришь? Так она же в институте. А видел недавно в журнале ее портрет?

И, не дожидаясь ответа, тетя Паша достает из своего стола обернутый в плотную бумагу еженедельник. Полистав немного, она находит страницу, где ее дочь заснята выполняющей гимнастическое упражнение.

— Ну, как?

Виктор неопределенно поводит плечами.

— Что ж тут особенного? Прыгает с какой-то тряпкой!

— С тряпкой? — возмущается тетя Паша. — Да это у нее шелковый шарф! А выполняет она художественную гимнастику. «Всплески» называется. Правда, красиво?

— Не очень.

— Ничегошеньки ты в этих делах не понимаешь! Эх, ты... ступай, когда так. Работай. — Слегка вздохнув, тетя Паша закрывает журнал.

Некоторое время после ухода шлифовщика она сидит, не двигаясь, у стола. Но вскоре ее внимание привлекает громкий разговор у раздаточного окна.

— С кем это ты, Нюра?

— Да вот тут один душу вынимает, дай да дай ему полукруглый напильник. А они еще вчерась вышли.

— Ведь сколько раз вам в день-то твердишь! — ворчливо начинает тетя Паша. — Говорите, чего в кладовой не хватает, а вам и горюшка мало!

— Небось, за день-деньской голову-то закружат! — оправдывается кладовщица. — Одному дай, другому подай... а потом я и говорила. Помнишь, ты мне еще рукой махнула? Помнишь?

— Конечно, помню, — соглашается тетя Паша, вставая из-за стола. — Потому и махнула, что ничего от тебя не добилась.

— Здравствуйте! — насмешливо раскланивается кладовщица. — Выходит, я виновата, что у тебя память короткая?

— Не знаю, что у тебя там выходит,— после некоторого раздумья говорит тетя Паша. — А по-моему, выходит, если человек забыл, — напомнить надо.

— Есть мне когда!

— Ох, Нюрка! Что-то больно ты у меня занятая стала. Хотя что это я с тобой? — спохватывается тетя Паша. — Человек-то у окна ждет? Дай ему круглый. Думается, где полукруглый, там и с круглым можно приноровиться. Вот, видишь, и взял! Нет, как погляжу я на вас, не умеете вы с людьми обходиться!

— А ты думаешь, больно хорошо у тебя вышло, что ты Виктора с микрометром так отпустила? Хуже еще станет! Помяни мое слово.

— Не станет. Я его знаю. Вот Борька, его дружок, выговор по цеху получит! Потому старше и не научай. А ты мне лучше скажи, что мне с тобой делать.

— Ну, пошла, пошла теперь, — морщится кладовщица и ловко меняет разговор: — А я тебе, Григорьевна, и впрямь забыла одно сказать. Тут без тебя парнишка

один с токарного приходил. Знаешь, который всегда у окошка поет?

— Знаю, знаю, — оживляется тетя Паша. — Это он за вращающимся центром. А я сижу, думаю... Вот спасибо тебе! — И она торопливой походкой направляется к выходу.

Но в этот момент на пороге кладовой появляется плотная фигура молодого техника по инструменту Шалева. Не видя ничего у него в руках, тетя Паша спрашивает:

— А вращающийся центр? Не справлялся?

Шалев, будто что-то припоминая, поднимает маленькие хитренькие глазки к потолку.

— Да как вам сказать, Прасковья Григорьевна...

— Да так вот и скажи, что забыл! Эх, ты! Одна слава, что молодой, а память-то как у меня, старухи!

— Но я же не могу, Прасковья Григорьевна, каждые полчаса ходить и спрашивать: «Готово, готово?» Вы же Григория Михайловича знаете?

— Знаю, знаю, я все знаю. И, во-первых, никаких не полчаса, а со вчерашнего вечера!

Раздраженно махнув рукой, она быстро уходит из кладовой.

Шалев и кладовщица, переглянувшись, улыбаются.

— Хлопотунья!

— Да, уж никому покоя не даст! — соглашается кладовщица.

Тетя Паша не сразу находит мастера по шлифовке. В конце концов она застает его в ОТК. Он сидит спиной к двери и азартно спорит с контролером о каких-то разложенных на столе деталях.

Тетя Паша замирает на пороге, выжидая, какой оборот примет дело. Кучка принятых деталей быстро растет. Контролеру приходится все чаще и чаще пожимать плечами, и наконец он решает:

— Э-э, да что тут! Все пойдут! Микрометр, наверное, сбился.

— Ну вот, а спорил ведь! — начинает мастер, привставая с места, но в эту минуту кто-то проворно закрывает ему ладонями глаза.

— Ну, ну! Что это еще? — ворчит мастер, делая попытку освободиться. — А!.. Это ты, бабушка?

— Я, дедушка, я. Ты знаешь, зачем я к тебе?

— Знаю. На меня посмотреть?

— Вот-вот, угадал. Дай, думаю, схожу, на Гришу посмотрю. А посмотрела и не пойму: за что только я его люблю? Рожа толстая и вдобавок красная.

— Да ты что, ругаться пришла?

— Нет, это я просто любя. Меня, Григорий Михайлыч, интересует, почему вращающийся центр у тебя застрял. Как бы его толкнуть?

— Что ж, это можно, — улыбаясь, говорит мастер. — Сейчас он у меня на столе лежит, а толкну — на пол упадет! — но, уловив на лице тети Паши нетерпение, добавляет уже строже: — Знаю, знаю... мальчишка с токарного... Уж он приходил... Повременить придется.

— Нельзя, Гриша, нельзя. Он, чертенок, уже сдельно работает!

— Но ты пойми, — говорит мастер и для убедительности поднимает перед собой палец. — Твой центр-то один! А у меня на станках всё партии идут. Ну куда я его пихну?

— Не знаю, Гриша, не знаю! А только сделать надо.

— Ну вот и поговори с ней! — разводит руками мастер. — Ей слово, а она, понимаешь ты, свое! Вот кабы набралось штук пять, шесть центров, тогда другой разговор! Было бы из-за чего станок перестраивать.

Тете Паше ясно, что мастер просто-напросто забыл о центре и теперь, не желая сознаться в этом, придумывает отговорки.

— Гриша, милый! — говорит она, как можно ласковее. — Что ж ты раньше-то об этом не сказал? Сейчас, Григорий Михайлович, сейчас бегу. Только уж ты постарайся на этот раз не забыть!

— У меня на участке, — запальчиво начинает мастер, — по забывчивости пока задержки не было! За дальнейшее, понимаешь ты, не ручаюсь! А пока нет!

— Ну вот я и говорю: ты уж постарайся.

— Иди, иди уж!

Вернувшись к себе, тетя Паша первым делом берется за подсчет. Потом вешает счеты на гвоздик и принимается писать требования на инструмент. Пишет она, сдвинув брови и шевеля губами. Буквы выходят крупные, некрасивые, но разборчивые. Попросить Шалева написать требование она считает неудобным.

Написав, читает вслух:

— «На-пиль-ни-ки по-лу-круглые дра-че-вые!..» Фу ты, не то написала!.. Надо бы личные. Испортила требование! Начальник — он такой: ни за что исправленное не подпишет да еще и выговорит. А все отчего? Волнуюсь! Нюра! Ты знаешь, сегодня моя Валентина экзамен сдает.

— А ты при чем?

— А я ей мать или нет? Книга-то толстенная-претолстенная! Философия!

— А чего про раньше говорить? А волноваться, я считаю, тебе не к чему и, главное, бесполезно.

— Знаю, — тихо говорит тетя Паша. — А все-таки как-то боязно. Я во время ее экзаменов обязательно худею, только уж ей не говорю.

Когда тетя Паша появляется в кабинете начальника цеха с пачкой требований в руках, она застает там токарного мастера. Он стоит перед столом и, судя по голосу, в чем-то оправдывается. Начальник, слегка откинувшись на спинку кресла, с нетерпеливым видом слушает его и наконец прерывает:

— Все это, Василий Устиныч, хорошо! И как будто даже убедительно! Но, видишь ли, все дело в том, что мне нужна от тебя работа.

Сердито усмехнувшись, начальник вынимает из ящика стола пригоршню смятых служебных записок и, как будто определяя их вес, подбрасывает на ладони.

— Все твои. Правда, за несколько месяцев, но все-таки.

Мастер делает какое-то протестующее движение, но голос его звучит уже не так уверенно:

— Да ведь, Александр Трофимыч, этого другой раз не избежишь!

— Верю, верю! А ты сделай так, чтобы всё на участке только от тебя зависело, понимаешь, всё! Я тебе это разрешаю! Слышишь? И никакой философии!

— Да ведь это смотря как понимать... — как-то неопределенно отзывается мастер и, словно ища поддержки, оглядывается, но, встретясь взглядом с тетей Пашей, быстро отворачивается.

— Да, да, Василий Устиныч! — весело говорит наблюдающий за ним начальник. — Тебе определенно не везет. Даже на отсутствие инструмента не сошлешься! Обмолкова налицо и даже чему-то улыбается.

— Да это я, Александр Трофимыч, так... — немного смущаясь, говорит тетя Паша, — по своему делу.

— А ну-ка, Прасковья Григорьевна, рассказывай, какие там у тебя дела.

— Никаких особых, Александр Трофимыч! — подходя ближе, начинает тетя Паша. — Просто сегодня утром моя Валентинка поехала экзамен по философии сдавать, а вы тут Василию Устинычу говорите: «Ни-ка-кой фи-ло-со-фии!» Ну, я и усмехнулась.

— Э-э, матушка моя! Я не про эту философию...

— Нет, Александр Трофимыч, в самом деле, что это такое? Слышишь другой раз: «Философия, философия...», — а что, собственно, это слово значит?

— Слово-то? — задумывается начальник. — Вообще-то говоря, философия — это наука правильно мыслить, — говорит он неуверенным тоном. — Да и, наверно, Прасковья Григорьевна, ты дочь об этом спрашивала?

— Что вы, что вы, Александр Трофимыч! Она всю ночь к экзамену готовилась!

— Вот видишь, — говорит начальник, и в голосе его легкое раздражение, — ты, оказывается, и сама философ неплохой. Дочери мешать нельзя, а начальнику сколько угодно?

— Да ведь, Александр Трофимыч, к слову пришлось. Вы спросили...

— Ну, ладно, ладно! — торопливо соглашается начальник. — У тебя что ко мне? Требования? Давай их сюда!

Не успевает тетя Паша прикрыть за собой дверь, как за нею показывается и токарный мастер.

— Ай да Григорьевна! «Расскажи, — говорит, — что такое философия?» Он, сердечный, даже за требования схватился!

Тетя Паша быстро оборачивается.

— А вы что же, друзья, тетю Пашу-то ни во что почитаете? Нет, я хоть винтик и маленький и, можно сказать, сработанный, а все еще в деле годящийся.

— Нет, ты мне лучше вот что скажи, — машет на нее рукой мастер. — Что это тебе в голову пришло про философию спросить? А то я прослушал.

— А дочь? — не без гордости отвечает тетя Паша. — Она, поди, в институте!

И она вдруг проходит перед мастером легкой, кокетливой походкой.

— Ты смотри, смотри! — кричит ей вслед мастер. — Как старуха-то наша расходилась!

Тетя Паша доходит почти до кладовой и тут только вспоминает, что ей надо было зайти к расточнику.

Так в хлопотах и мелочных заботах незаметно проходит день.

По окончании смены тетя Паша никогда сразу с работы не уходит. Она выжидает добрых полчаса и, лишь убедясь, что больше никому не нужна, говорит:

— Ну, цех пошел... пойду, пожалуй, и я.

Выйдя из проходной, она замедляет шаги. Глаза ее пристально всматриваются в окна стоящего напротив здания. Если окно открыто, то, значит, дочь пришла, и можно узнать об исходе ее экзаменов. Но окно закрыто. Тете Паше кажется, что вся усталость, накопившаяся за день, разом ложится на ее плечи. Еле переставляя ноги, она подходит почти к самому крыльцу. Вдруг из-за угла здания показывается невысокая девушка. Размахивая портфелем, она подбегает к тете Паше и, обхватив ее за талию, кружится с ней на месте.

— Поздравь... мама... поздравь!

Лицо тети Паши мгновенно проясняется. Она радостно суетится. Ей хочется рассказать, как она волновалась за дочь, но она только говорит:

— Умница ты моя! Дай поцелую. А у меня сердце ровно чувствовало, и я, знаешь, ни капельки не волновалась, ну вот даже ни столечко!

— Ой, мамка! Кто тебе поверит?

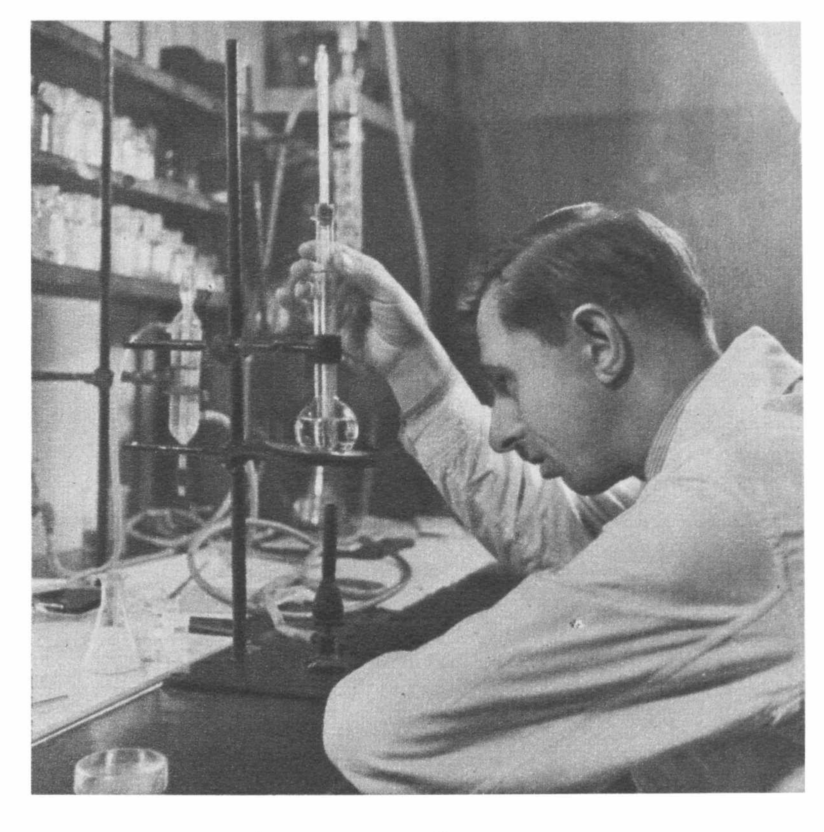
И дочь звонко целует тетю Пашу в щеку.

Равный природному

Георгий БЛОК

Фото Е. Умнова.

Кандидат химических наук Ю. Б. Швецов определяет точку плавления синтетического левомицетина.

Молекулы-близнецы... Одна — точная копия другой, зеркальное отражение соседней; одна похожа на другую, как левая рука на правую. Единственное различие между ними — оно может показаться сущим пустяком — заключалось в том, что одна молекула отклоняла брошенный на нее желтый поляризованный луч света влево, а другая — вправо. Во всем остальном они напоминали друг друга, как две капли воды.

Вот из такой-то смеси молекул «на одно лицо» состоял кристаллический порошок — рацемат, как называли его в лаборатории. И тех и других было поровну. Требовалось левую форму отделить от правой, бесполезной, балластной, очистить так, чтобы среди бесчисленных цепочек «левых» молекул не застряла ни одна «правая».

Над решением этой сложной задачи билась группа советских химиков, билась дни и ночи, неделю за неделей.

Трудности станут очевидными, если вспомнить, что на острие иголки свободно уместится неисчислимое множество молекул. Их удалось увидеть (пока самые крупные) только в сильный электронный микроскоп, который увеличивает не в тысячи, а в сотни тысяч раз.

Предпринятые попытки разъять близнецов были обидно безуспешными. Химики размышляли, спорили, отбрасывали негодные варианты и опять ставили эксперименты. Все напрасно: точно сговорившись не уступать, близнецы ловко увертывались из самых хитроумных ловушек, расставленных учеными...

Но почему, собственно говоря, столь яростно была атакована молекула, вся «вина» которой сводилась к тому, что она отклоняла плоскость колебаний поляризованного света вправо, почему она пришлась не ко двору, зачем понадобилось разделить рацемат?

Разделить рацемат означало создать новый искусственный антибиотик, синтетический препарат, равный природному, обладающий могучей целительной силой, настигающий и разящий невидимое заразное начало.

В словарях, выпущенных лет десять назад, не найти слова «антибиотик», как именуют вещество, выделяемое, в частности, микроскопическими грибками, преимущественно обитателями почвы. Антибиотики родились совсем недавно. Короткая их летопись изобилует эпизодами блистательного торжества над исконными врагами нашего здоровья.

Великий русский ученый И. И. Мечников впервые обнаружил, что между разными видами микробов, бактерий идет жестокая, никогда не угасающая борьба за существование. И ученый предсказывал: этим антагонизмом в царстве невидимых человек непременно воспользуется в своих интересах. Мысль Мечникова оказалась весьма плодотворной. Она открыла первую страницу в истории самого юного отпрыска биологии — учения о лечебных свойствах веществ, производимых колониями мельчайших живых существ.

Миновали годы, прежде чем антибиотики покинули лабораторные пробирки, чашки. Наибольшую известность приобрели пенициллин, грамицидин С, стрептомицин. Эти препараты, поступившие на вооружение медицины и совершившие переворот в лечении некоторых опасных заболеваний, к сожалению, действенны не против любой инфекции.

И ученые продолжали охоту за новыми видами грибков, число которых в природе составляет десятки тысяч. Настигнутые в непроглядных дебрях почвы, они доставлялись в лаборатории, где подвергались всесторонним испытаниям. Пока изучено несколько сотен видов, но пригодными оказались единицы.

В 1947 году исследователям попался еще один лучистый грибок. Извлеченное из него вещество, как говорили опыты, способно подавлять заразное начало как раз таких болезней, с которыми доселе не совладал никакой другой препарат.

Антибиотики вырабатываются примерно одинаковым способом. В тиши просторных помещений размещаются плоские сосуды с бульоном, сваренным по вкусу грибка. В них-то и выращивают мощные его колонии. Образованное им вещество проходит тщательную очистку от разного рода загрязняющих примесей. Выпущенный препарат — ампулы с таблетками или кристаллическим порошком — поступает в клиники и аптеки.

Новый антибиотик, названный левомицетином, обладал серьезным недочетом: производить его обычным способом было крайне невыгодно и сложно. Грибок давал чересчур мало продукции.

Тогда химики, разгадав строение вещества, выделяемого грибками, задумались: нельзя ли в лаборатории искусственно воспроизвести его, так скопировав у природы, чтобы никакой анализ не смог отличить одно от другого?

Надо ли говорить, насколько это упростит технологический процесс производства: один химический завод даст больше продукции, чем целая группа крупных биологических фабрик с громоздким оборудованием. Не только больше, но и значительно быстрее, дешевле.

Заманчивая перспектива! Однако, несмотря на то, что химики во всех подробностях, «назубок» знали формулу строения молекулы пенициллина, стрептомицина, воссоздать их синтетическим путем не удалось. Удастся ли справиться с новым препаратом?

Трудной проблемой синтетического антибиотика занялись научные работники Института биологической и медицинской химии Академии медицинских наук СССР. Расшифровать загадку взялся коллектив лаборатории органической химии.

На первых порах все шло сравнительно гладко. Подобрали подходящее химическое сырье, доступное, дешевое. После ряда превращений молекула становилась все сложнее, к ней «пристраивались» необходимые частицы. Будущий препарат все больше приближался к оригиналу. Микроскоп обнаружил вытянутые, шестиугольные игольчатые кристаллики, совсем как естественные.

Но радость была преждевременной. Тончайшую полую, наглухо запаянную с одной стороны трубочку набили порошком, прикрепили к термометру и, поместив в сосуд с жидкостью, начали подогревать. Ртуть поползла кверху, и, когда сравнялась с цифрой «142», кристаллики растопились. Точка плавления порошка оказалась на 21 градус ниже той, при которой таяли кристаллики природного антибиотика.

Каждому виду кристаллов присуща строго определенная точка плавления. Он остается неизменно твердым до этой критической температуры. Зато едва только она достигнута, кристалл мгновенно превращается в жидкость. А раз этот показатель нарушен, — значит, полученный препарат отличается от естественного.

Было также известно, что антибиотик, когда на него падал поляризованный луч света, всегда отклонял его плоскость влево, отсюда и название — левомицетин. А испытания в особом оптическом приборе — поляриметре — свидетельствовали: растворенный в жидкости порошок никак не отражал света, а поглощал его. Стало быть, это смесь равного количества двух форм, правой и левой, одного и того же сорта молекулы, то есть рацемат.

Правда, и неразделенный, не очищенный до конца препарат был эффективным лекарством. В тех случаях, когда болезнь уступала малым дозам, он годился. Так появился синтомицин, обладающий лечебными качествами в борьбе с некоторыми заболеваниями. Однако требовалось его почти вдвое больше природного. А организму человека отнюдь не безразлична доза, особенно если вместо одного грамма надо принять полтора или два.

Единодушно было решено: не прекращать поисков. Миновал месяц, другой, а вещество попрежнему состояло из смеси двух молекул. Самые невероятные химические ухищрения ни на иоту не продвигали исследования вперед. А сколько раз чудилось, что наконец разведана верная тропка...

Ранний декабрьский вечер (а взялись за дело в июле). Привычно всыпали в чашку очередную порцию порошка. Внешне он ничуть не отличался от вчерашнего. Начался очередной анализ... Ртуть тронулась вверх, вот она коснулась черточки «142»: вещество в трубочке не растаяло, осталось твердым и при 147 градусах.

Через минуту около лабораторного термометра собралась вся бригада. Свершилось: точка плавления сдвинулась. Повторная проверка это подтвердила. Чуть ли не бегом бросились к поляриметру: что скажет луч света? Он отклонился влево. Значит, верный путь все-таки нащупан, левая молекула оторвалась от правой.

Кандидаты химических наук Е. И. Виноградова (слева) и Л. А. Щукина ведут опыт в лаборатории органической химии.

Исследования продолжались. Чем чище становился препарат, тем выше поднималась температура плавления, пока не достигла критической точки—163 градусов.

Найденный метод совершенствовался, улучшался. Вот и этот этап позади. Искусственный левомицетин, наконец рожденный в лаборатории синтетический антибиотик, во всем подобный природному, бережно всыпали в прозрачные флаконы и закупорили притертыми пробками.

Химия не ведает отходов. А тут ровно половина материала шла в отвал. Правильнее сказать: не шла — должна была пойти. Порошок из тех самых правых изгнанных молекул, с которыми на протяжении месяцев велась жестокая борьба, не пропал даром. Его удалось переделать, химики нашли способ превращения правой формы в левую.

Молодой, сплоченный, напористый коллектив — Е. М. Бамдас, Е. И. Виноградова, Д. П. Витковский, М. А. Губерниев, А. С. Хохлов, Ю. Б. Швецов, Л. А. Щукина, руководимые М. М. Шемякиным и В. Н. Ореховичем,— чувствовал себя словно гора свалилась с его плеч.

Первые драгоценные граммы искусственного антибиотика поступили к микробиологам. Началась горячая пора новых исследований. В сосуды с питательным бульоном, мутным от кишевших в нем полчищ ядовитых невидимок, бросали щепотки препарата.

Вскоре невидимки прекращали свой бурный рост, вырождались: теряли способность делиться, размножаться. Бульон прояснялся, светлел, а на другой день в капле, взятой из сосуда, микроскоп не обнаруживал ни одного живого возбудителя: они распались, не оставив следа.

Но опыты в пробирке еще не гарантируют успеха. Будет ли препарат так же активен и в живом организме, разит ли он только микробов или повреждает клетки и ткани животных?

Настала очередь животных: мышей, кроликов, собак, зараженных разного рода инфекционными болезнями. И здесь левомицетин не обманул надежд. Все животные ускользали из цепких объятий инфекции, подавляющее большинство быстро выздоравливало, поправлялось, в то время как среди контрольных почти никто не выжил.

Но что покажут испытания в клинике, на людях? Это, пожалуй, самая яркая глава истории рождения левомицетина. Испытания проводились профессором А. И. Доброхотовой и доктором Н. В. Воротынцевой в дизентерийном отделении инфекционной клиники Института педиатрии Академии медицинских наук СССР и профессором А. Ф. Билибиным и доктором А. М. Ярцевой в инфекционных палатах Второго Московского медицинского института.

Левомицетин применяли при брюшном и сыпном тифе, паратифе, токсических формах дизентерии, бруцеллезе, трахоме, туляремии, против таких возбудителей, которых, по существу, не брало ни одно лекарство. Средств лечения не существовало, сам организм должен был сладить с этими недугами.

Клиницисты вдумчиво искали лучшие методы лечения, подбирали дозы, сразу обрывавшие течение болезни. Искусственный антибиотик проверяли не на единицах, а на десятках, сотнях больных с неизменным успехом.

Успех был внушителен. Но даже старые, все перевидевшие на своем веку опытные врачи из других больниц и клиник отказывались верить тому, что наблюдали собственными глазами. И когда им демонстрировали безупречную научную документацию: истории болезни, анализы, записи температуры,— они недоверчиво качали головой.

Однако факты были неоспоримы, и скептикам пришлось сложить оружие. Больше всего изумляла безотказность действия препарата, какое-то, по словам одного врача, «скучное однообразие» действия. Препарат обрывал течение болезни с завидным постоянством, эффект достигался всегда, без всяких исключений, независимо от того, когда приступили к лечению, сразу или с некоторым опозданием.

Правда, чем раньше начинали, тем левомицетин действовал благотворнее. Тяжелые осложнения, скажем, при брюшном тифе, стали чрезвычайным происшествием, рецидивы — редкостью и быстро снимались, а роковой исход ликвидирован вовсе. За полтора года — ни одного случая, все выздоровели. Давнюю врачебную поговорку «захворать брюшным или сыпным тифом — значит сунуть одну ногу в могилу» сдали в архив.

Вмешательство препарата сказывается без промедлений. Через сутки, реже через 36 часов, исчезает головная боль, затемненное сознание проясняется, чаще всего восстанавливается полностью, угасает сыпь, температура падает, возвращаясь к норме — 36,6° на третий, пятый день. Словом, то, что именуется тифозным состоянием, проходит бесследно, с волшебной быстротой.

Раньше в палатах клиники А. Ф. Билибина тифозные больные лежали по три — четыре недели в беспамятстве, с высокой температурой. Самостоятельно больной не мог сдвинуться с места, его переворачивали.

А теперь? В палатах, где тиф лечат левомицетином, больные спустя три — пять дней покидают свою постель и собираются за столом, чтобы сразиться в шашки или домино. Самое удивительное — сразу появляется аппетит. Выздоровевшие больные совсем не похожи на людей, только что перенесших тяжелую инфекцию. Выписываются не исхудавшие, истощенные, а отдохнувшие, зачастую пополневшие.

— Левомицетин,— говорит профессор А. Ф. Билибин,— первое подлинно специфическое средство лечения тифов. И не только тифов. Среди антибиотиков появился один из самых могущественных целебных препаратов. Нынче легче перечислить те болезни, против которых еще нет лекарств, чем те, которые окончательно побеждены человеком.

Ученый составил любопытную таблицу действенности антибиотиков против инфекционных заболеваний. Левомицетин занимает в ней солидное место. Он отлично воюет против одиннадцати групп болезней. К их числу относится, в частности, бруцеллез, возбудитель которого открыт десятилетия назад, хорошо изучен и записан в число самых упорных, стойких и зловредных. Все известные средства, даже пенициллин и стрептомицин, давали только временное улучшение.

Правда, и полтора года — недостаточный срок, чтобы категорически утверждать: бруцеллез побежден. Но некоторые страдавшие бруцеллезом и ставшие инвалидами, вот уже год — полтора как избавились от него и вернулись к труду. Речь идет о тяжелой, запущенной форме, а когда болезнь захвачена сразу, в первые месяцы, то можно с уверенностью сказать: препарат действует безотказно.

Левомицетин — непревзойденное средство борьбы с токсическими острыми формами детской дизентерии. Профессор А. И. Доброхотова, доктор Н. В. Воротынцева проверяли его активность на так называемых безнадежных. И неизменно с положительными результатами. Применение препарата в буквальном смысле вырывало маленьких больных из лап смерти. Как и при тифах, эффект достигается молниеносно. Утихают боли, возвращается сознание. Через два — четыре дня ребенок приходит в себя, он уже бегает по палате, играет, у него пробуждается аппетит.

Такие же примерно результаты достигнуты и в лечении других заболеваний. Первый синтетический антибиотик, тщательно проверенный в клинике, сейчас осваивается нашей медицинской промышленностью. Скоро он поступит в аптеки.

И нет сомнения, что советские ученые в будущем откроют новые неведомые свойства чудесного препарата и с его помощью победят еще многие тяжелые болезни.

Цветная фольга

Комната напоминает цех ткацкой фабрики. На машинах, причудливо петляя между валами и валиками, тянется, перематывается калька. Она смазывается клейким веществом из воска и смолы, высушивается, затем на нее тончайшим слоем наносятся бронзовый порошок и защитное покрытие. Белая лента становится золотистой. Машины вместо бронзы могут положить на кальку зеленый, синий, красный, коричневый цвет...

Так рождается рулонная фольга — материал для яркой, красивой печати на переплетах книг. Изобретение ее — событие в нашей полиграфии.

Еще совсем недавно тиснение на переплетах производилось поталью — тончайшими металлическими листиками, которые изготовлялись кустарным способом, или красками, дававшими тусклые отпечатки. На ручном прессе работало два человека.

Теперь с завода свернутая в рулоны фольга отправляется в типографию. Здесь с ее приходом многое изменилось.

Пресс механизирован: фольга сама перематывается с одного барабана на другой, проходя под нагретым штампом с выпуклым изображением. Блестящая пленка отделяется от кальки и прилипает к переплету, подобно тому, как переводная картинка, смоченная водой, переходит с одного листа бумаги на другой. На переплете — аккуратный рисунок или надпись золотистого, серебристого или иного цвета.

В Советском Союзе впервые стали выпускать фольгу различных цветов.

Миллионы книг уже украшены отечественной рулонной фольгой, созданной лауреатами Сталинской премии Л. А. Галкиной, В. С. Лапатухиным, В. М. Колчановым, А. И. Лазаревым и И. В. Поповым. Она применяется и для нанесения надписей на карандаши, рисунков на ткани, кожу.

Е. БОРИСОВ

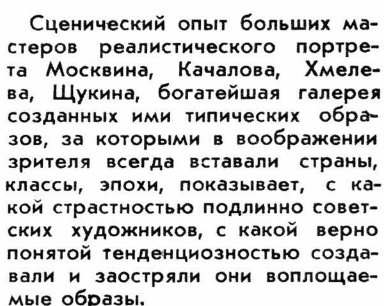
Знакомые НЕЗНАКОМЦЫ

Боков — П. Герага. «Большие хлопоты».

В. ХОХРЯКОВ,
заслуженный артист РСФСР

Рисунки Бор. Ефимова.

Сценический опыт больших мастеров реалистического портрета Москвина, Качалова, Хмелева, Щукина, богатейшая галерея созданных ими типических образов, за которыми в воображении зрителя всегда вставали страны, классы, эпохи, показывает, с какой страстностью подлинно советских художников, с какой верно понятой тенденциозностью создавали и заостряли они воплощаемые образы.

В наши дни в органическом единстве рассматриваются проблемы типичности, партийности и художественности. Это заставляет каждого из нас, работников искусств, проанализировать уже созданное советским театром, проверить свой путь.

Думая о том немногом, что самому удалось сделать в искусстве, убеждаешься, что ближе всего был к цели тогда, когда драматургический материал давал возможность раскрыть образ «знакомого незнакомца», как говорил Белинский. Если обратиться к моим комедийным ролям, именно такое «попадание» было у драматургов Б. Ромашова с его Милягиным, которого мне довелось сыграть в кино (фильм «Великая сила»), у Крапивы с его Пытлеваным (пьеса «Поют жаворонки»).

В чем значение Милягина? В том, что многим людям, даже не похожим в целом на Милягина, еще присущи отдельные его черты: чванство, самоуверенность, низкопоклонство, стремление облегчить себе жизнь, отстранив все, что требует дополнительных затрат мысли, энергии. И если появление этого сценического персонажа помогает узнавать черты «милягинщины» в жизни, бороться с ними, актер может считать свой долг выполненным.

Пытливый глаз советского художника должен уметь обнаружить в действительности то типическое, что ждет своего воспевания или осмеяния. Задача исполнителя — создать такой сценический образ, который с наибольшей полнотой и заостренностью выразит сущность этого социального явления.

«Плохое в жизни надо знать также хорошо и точно, как хорошее»,— утверждал Горький. Между тем сатирическая комедия долгое время была жупелом и для наших писателей и для наших театров; сатиры сторонились как огня, в «мудрой» предосторожности, как бы чего не вышло.

А зритель любит смеяться. И смех — необходимое действующее лицо во многих спектаклях. Если драматургическое произведение правдиво, если оно описывает важное, нужное, передовое, то соответственно правде жизни в нем всегда будет и смех, разоблачающий то, что противостоит этому передовому. Вспомним любые пьесы (не комедии) Островского, Шекспира, Чехова. Как часто во время действия смех возникает в зале! А в советской классике — «Бронепоезд 14-69», «Любовь Яровая», «Шторм»... Разве мало там иронии, мягкого юмора и улыбки или злой насмешки и острого слова? И все это нисколько не умаляет, а, наоборот, подчеркивает основную героическую линию произведений.

После длительных споров, бесед, совещаний, конференций, посвященных созданию комедии, драматурги и театры наконец перешли к делу — на театральных сценах появились комедийные спектакли. В Москве Малый театр показал «Когда ломаются копья» Н. Погодина. Театр имени Моссовета — «Большие хлопоты» Л. Ленча, Театр драмы — «Откровенный разговор» Л. Зорина и ЦТСА — «Стрекозу» М. Бараташвили.

Все эти пьесы относятся к жанру сатирической комедии или во всяком случае содержат сатирические образы. Здесь осмеиваются и развенчиваются фальшивые люди, которые, встречаясь еще в действительности, тормозят наше движение вперед. Но действующие лица этих комедий не повторяют один другого, как порой бывало в нашей драматургии. Каждый образ несет в себе новое «открытие», которое делает его интересным зрителю.

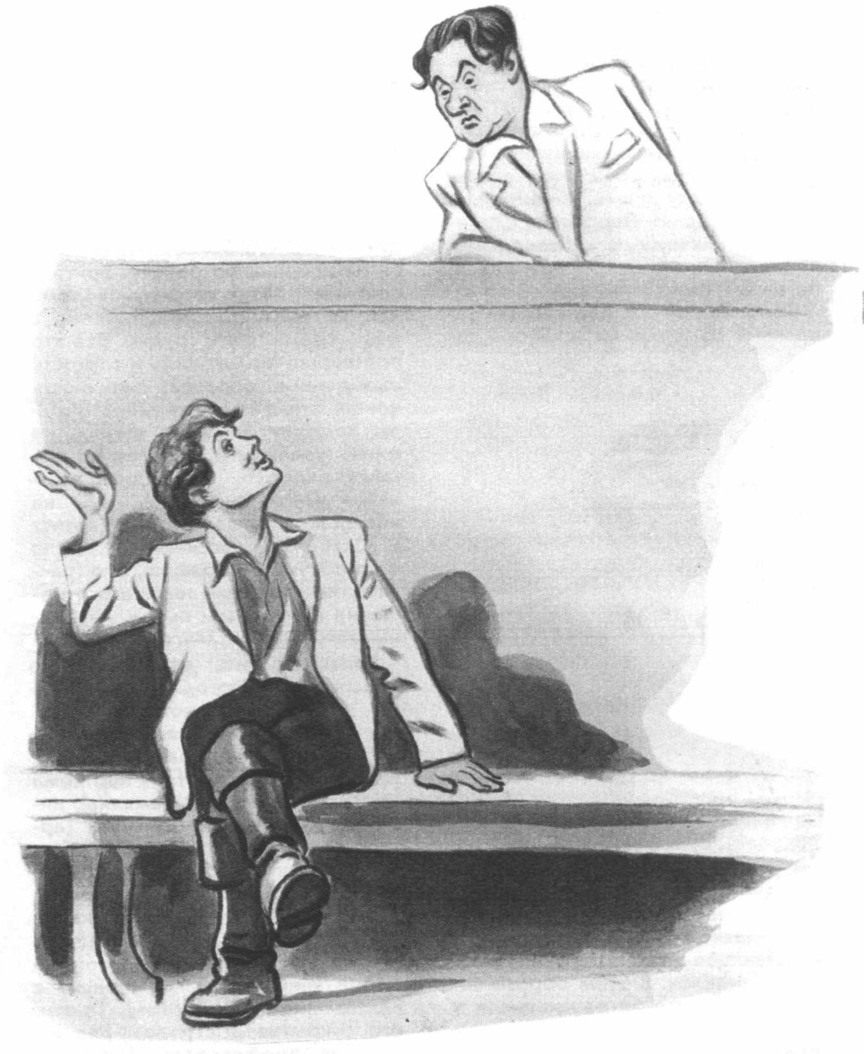
Горький говорил: «Если имеются только твердо очерченные характеры,— их столкновения неизбежны». О типичности таких образов и конфликтов мне и хочется поговорить.

На ком заострил свой пафос сатирика драматург Л. Зорин? В центре его пьесы образ некоего Круглякова. Кругляков (артист Г. Кириллов) — псевдоученый, карьерист и тунеядец. Все это напоминает нам Милягина, но если милягиных не так уж трудно распознать в жизни, то Кругляков значительно хитрее, умнее, искуснее. Этот приспособленец даже может показаться передовым советским человеком, что и требуется от него, как руководителя научного учреждения. Кругляков отлично знает нормы поведения советского человека; на всех совещаниях, собраниях, в беседах он говорит правильно, веско, хорошо, красиво, убедительно. Но... не искренно. Это чужие слова для Круглякова, он их не понимает, не чувствует сердцем. Они только броня, за которой скрывается мелкая, эгоистическая натура, духовная нищета. И когда в последней картине — на партсобрании — Круглякову предлагают: «Говорите своими словами», не заученными, — у него таковых не оказывается. Играющий роль Круглякова артист Кириллов с большой силой разоблачения раскрывает этот образ.

Круглякову противопоставлен научный сотрудник Савин (его играет артист Б. Толмазов). Савин приезжает после войны в институт, где когда-то, перед уходом в армию, начинал свою научную деятельность. Постепенно разобравшись в обстановке, он разоблачает Круглякова. Это хорошо задумано драматургом: в пьесу вводится свежий человек, со стороны, чтобы разгадать Круглякова. Такова сила маскировки приспособленца, что в коллективе к нему привыкли и не могут его раскусить. Замысел автора комедии от этого воспринимается сильнее и острее. Пьеса призывает быть бдительнее, внимательнее присматриваться к тому, что содержится порой за блестящими речами. Драматург наградил Савина юмором, что, кстати, редко бывает у положительных героев сатирической комедии. Речь Савина убедительна, и это выгодно отличает его от положительного героя комедии Л. Ленча «Большие хлопоты». Но Савин мог бы с таким же успехом действовать на заводе или в колхозе; никаких черт, определяющих его как ученого, автор не дал актеру, чем, естественно, обеднил роль.

В пьесе Ленча мы встречаемся с тремя сатирическими персонажами — начальником Справкаиздата Боковым (П. Герага), его заместителем Клещовым (К. Михайлов) и секретарем парторганизации Струнниковым (Н. Парфенов). Все они сделаны в театре ярко, сочно, каждый по-своему. Герага (Боков) издевается над своим героем, глупым, тупым, самовлюбленным. Боков всегда был руководителем «большого масштаба», и он уверился в собственной значимости. Он привык производить впечатление заученной позой; стереотипной фразой — «Вот в таком разрезе» — Боков пытается замаскировать свою внутреннюю пустоту, невежество, никчемность. Бескомпромиссен в заострении образа Клещова артист К. Михайлов. Он срывает маску с подхалима и стяжателя, занимающегося подлогами.

Но хотя очень ярко, в настоящих сатирических тонах, играют актеры эти роли, вам кажется: аналогичное вы где-то, когда-то

Савин — Б. Толмазов. Кругляков — Г. Кириллов. «Откровенный разговор».

Бокова — О. Левыкина и Клещов — К. Михайлов. «Большие хлопоты».

уже видели на сцене и ради этих знакомых нам образов, может быть, не стоило писать пьесу. Но, проанализировав все, мы убеждаемся: комедия направлена против явления иного порядка, подмеченного автором где-то в зародыше и во-время предупреждающего зрителей. Речь идет о роли партийного работника советского учреждения.

Секретаря парторганизации Струнникова необыкновенно тактично, без всякого шаржа, всерьез, и поэтому очень убедительно играет гртист Н. Парфенов. Струнников — никчемный, безвольный человек. Он робок, беспринципен, не имеет своего мнения.

Конечно, такого партийного работника мы вряд ли встретим да-

Струнников — Н. Парфенов. «Большие хлопоты».

же в не стоящем на передовой линии коллективе, но, как говорил Маяковский: «Театр не отображающее зеркало, а увеличивающее стекло». В этом образе собраны воедино встречающиеся у отдельных работников пороки — преклонение перед мнением начальства, боязнь категорического и принципиального суждения, смелого решения вопроса. Сконцентрировав эти черты в одном образе, автор как бы предупреждает каждого, к чему может привести даже малейшее отклонение от тех обязанностей, которые возлагает на своего руководителя высокое доверие коллектива.

События разворачиваются в небольшой конторе, и это тоже придает им правдивость: зритель не может представить что-либо похожее в большом государственном учреждении или на заводе! Правдиво и то, что Бокова перебросили на небольшую работу. Зритель понимает: таких горе-руководителей на крупном предприятии в наше время найти трудно. Все это подтверждает меткость и точность выведенных образов, типичность конфликта. Положительные образы комедии, на мой взгляд, не очень удались, и, хотя автор пытался наделить их индивидуальными характеристиками, они не убеждают. Когда Груздев (артист Г. Слабиняк) рассказывает свою фронтовую биографию, его рассказ, не имеющий никакого отношения к событиям пьесы, воспринимается как вставной номер.

Более удались положительные персонажи Н. Погодину в спектакле «Когда ломаются копья». Здесь хотя и несколько эскизно, но интересно задуманы и воплощены образы секретаря парткома Чирской (артистка В. Темкина), директора института Лобачева (артист Ю. Аверин), научного работника Брешко (артист В. Доронин), Лиды Картавиной (Е. Еланская), Чебакова (Е. Матвеев). У каждого из них своя судьба, свое место в пьесе. Содержание ее таково: молодой ученый Чебаков пришел к важной научной гипотезе. Против его открытия выступают два известных профессора: Шавин-Ковальский — бездарность, всю жизнь эксплуатирующий «по дружбе» знания и авторитет своего талантливого сверстника и однокашника академика Картавина, и сам Картавин.

В спектакле немало верно созданных образов. И все же главное достоинство пьесы и ее постановки — образ академика Картавина, сложный, яркий, правдивый, психологически убедительный. Картавин — настоящий большой ученый, но он несколько консервативен, а в последние годы и вовсе перестал следить за тем новым, что происходит в науке. Открытие Чебакова он даже поначалу не принимает всерьез. Занимаясь всю жизнь смежными проблемами, Картавин не верит в открытие молодого ученого, и его возмущает мальчишеская самонадеянность Чебакова. А потому Картавин откровенен в своей антипатии к нему и, как честный, прямой человек, не скрывает этого. «Настанет день, когда я разоблачу его махинации», — говорит он страстно и убежденно, возмущенный тем, что Чебаков, как ему кажется, стремится к сенсации, оскорбительной для ученого. Принципиальные и честные советские люди помогают Картавину в конце концов понять его ошибку, хотя он не меняет своих убеждений, как часто бывает в пьесах, в пять минут. Серьезный ученый, он проверяет правоту Чебакова в лаборатории и только после многих, лично им проведенных опытов признает свою ошибку.

Никифорэ — А. Ходурский. «Стрекоза».

В такой трактовке Картавина проявилось очень верное понимание И. Ильинским типичности образа. Актер мог пойти по прото-

Маринэ — Г. Островская. «Стрекоза».

Картавин — И. Ильинский. «Когда ломаются копья».

ренному пути, сыграть уже знакомый по ряду пьес образ вельможи в науке, который боится потерять авторитет и славу и потому оголтело борется со всем

Кохта — В. Зельдин. «Стрекоза».

новым. Ильинский выбрал другой прототип для своего героя, прототип, менее распространенный.

Таковы основные достоинства и недостатки поставленных за последнее время в Москве трех сатирических комедий. В них много еще несовершенного: главного и непременного героя любого комедийного произведения — смеха — порой маловато; недостаточно разработаны второстепенные персонажи; значительно слабее, чем сатирические, даны положительные образы. Но главные достоинства этих произведений — политическая направленность, верно понятая тенденциозность, их типичность. Они помогают зрителю разглядеть в жизни нездоровые явления, а разглядев, бороться с ними.

Несколько слов по поводу идущей с большим успехом на сцене Центрального театра Советской Армии веселой и остроумной лирической комедии грузинской писательницы М. Бараташвили «Стрекоза». В легкой, непринужденной форме спектакль показывает: в советском обществе нет места легкомысленным бездельникам, об этом надо помнить с юности и готовить себя к серьезному труду. Правильная идея, с большой теплотой и мягким юмором выведенные образы молодежи, наконец, элементы сатиры — все это делает спектакль приятным и полезным, напоминая о том, что советскому зрителю нужны комедии любого жанра, если они правдивы и занимательны.

Вечерняя музыкальная школа

Фото Н. Козловского.

Слушатель четвертого курса (дирижерско-хоровой класс) В. Витковский.

На потемневшей от времени стене небольшая вывеска: «Киевская государственная вечерняя музыкальная школа для взрослых».

Выпускников этой школы встретишь и среди оперных артистов Киевского государственного академического театра оперы и балета имени Т. Г. Шевченко, и в хоровой капелле «Думка», и среди певцов и музыкантов Киевской, Харьковской, Житомирской и других областных филармоний и радиостудий, среди преподавателей музыки в школах, за дирижерскими пультами, в заводских и сельских домах культуры, в самодеятельных оркестрах и хорах.

...В узких коридорах тихо. Но тишина здесь особая — она полна приглушенных звуков. Откуда-то сверху легким дуновением проносится нежная мелодия «Элегии» Рахманинова. Вот она растворилась в воздухе. С конца коридора нарастает жужжание виолончели — «Полет шмеля» Римского-Корсакова. Словно серебряные колокольчики, рассыпались по каменному полу звуки бандуры.

В классе заслуженного учителя школы Украинской ССР М. Н. Межибовского у рояля со скрипкой, прижатой к подбородку, стоит ученик О. Трипольский. Юноша пришел на урок прямо с работы, руки его после трудового дня еще плохо чувствуют скрипку. Опытный педагог — двадцать лет ведет М. Н. Межибовский в этой школе классы скрипки и камерного ансамбля — не сразу начинает урок. Он рассказывает Трипольскому о вчерашнем концерте в филармонии и, только убедившись, что ученик отдохнул, предлагает ему начать упражнения.

Три года Трипольский занимается в вечерней музыкальной школе, совмещая учение с работой на заводе «Большевик». Он занимается много и настойчиво, в его репертуаре «Размышления» Чайковского, концерт Венявского, концерт для скрипки Кабалевского.

Более двадцати человек занимается по классу скрипки, виолончели и контрабаса. Школьные скрипичные трио и квартеты выступают на предприятиях, в воинских частях и в школах.

В классе фортепиано — семьдесят учащихся. Из молодых учениц преподаватели особо отмечают Александру Фроловскую, Людмилу Полисскую, Светлану Симановскую. Они уже исполняют «Экспромт» Лысенко, «Элегию» Рахманинова, «Рондо каприччиозо» Мендельсона, «Концерт ре минор» Моцарта, «Патетическую сонату» Бетховена.

В соседней комнате склонился над партитурой контролер ОТК завода «Киевполиграфмаш» Виталий Витковский — один из сорока пяти учащихся дирижерско-хорового класса. Витковский оканчивает музыкальную школу, одновременно сдает экстерном экзамены на аттестат зрелости (окончить среднюю школу ему помешала война). А осенью он поступит в Киевскую государственную консерваторию.

В консерватории учится немало выпускников этой школы: Майя Линейчук, Клавдия Данченко, Анатолий Сердюк, Тамара Панченко, Инна Сова и другие. О консерватории мечтает и Георгий Ламах, контрольный мастер арматурно-хромировочного цеха завода имени Ф. Э. Дзержинского, и грузчик треста столовых Анатолий Мирошниченко, способный баянист.

Многие учащиеся музыкальной школы одновременно участвуют в коллективах художественной самодеятельности. Г. Ламах организовал у себя на заводе духовой оркестр и руководит им. Дирижирует оркестром и В. Витковский. И. Портников руководит организованным им ансамблем песни на заводе запасных частей сельскохозяйственных машин.

После четырех лет учения в школе из нее выходят хорошие организаторы и руководители музыкальной и вокальной самодеятельности, способные певцы и музыканты.

А. АЛЕКСЕЕВ

На фото справа (сверху вниз): школьный симфонический оркестр.

А. Мирошниченко (в первом ряду) учится на втором курсе по классу баяна и играет в школьном оркестре народных инструментов.

Ученица музыкальной школы М. Костылева (в первом ряду справа) поет в Академической хоровой капелле «Думка».

На фото слева: слушатель третьего курса О. Трипольский.

Мастерство актрисы

Н. СВЕТЛОВИДОВ,
народный артист РСФСР

Фото М. Сахарова
и А. Горнштейна.

Вера Николаевна Пашенная сыграла Вассу Железнову в одноименной пьесе Максима Горького. Этого события с интересом ждали и зрители и труппа Малого театра. Пашенная — артистка, умеющая наиболее рельефно и отчетливо выделять в сценическом образе волевое начало,— должна была найти в роли Вассы богатую пищу для своего дарования. Еще 20 лет назад, когда впервые я встретился с В. Н. Пашенной на подмостках Малого театра, это свойство ее артистической натуры — склонность к сильным характерам, к воплощению женщин энергичных, незаурядных — производило большое впечатление. До сих пор помню тот день, когда я впервые выступал в Малом театре в роли Шванди, а Вера Николаевна исполняла заглавную роль Любови Яровой в одноименной пьесе К. А. Тренева. Перед нами был словно выхваченный из гущи жизни образ русской женщины, пришедшей своим сложным и трудным путем к революции, готовой отдать все силы, а если нужно, то и жизнь за победу и счастье трудового народа.

После этого зритель видел Веру Николаевну во многих и весьма разнообразных ролях классического и современного репертуара. В произведениях отечественной классики раскрылась еще одна сторона ее творчества — талант гневного художника-сатирика, умеющего под всеми масками раскрывать дурное, чуждое народу. Выступая в ролях наших современниц — в пьесах Б. Ромашова, К. Тренева, Л. Леонова, А. Корнейчука,— Пашенная придает этим сценическим образам удивительную ясность, целеустремленность.

К моменту, когда Вере Николаевне Пашенной довелось приступить к работе над ролью Вассы Железновой, талант актрисы достиг подлинного расцвета, зрелости. Свойственная Горькому точность социальной и психологической характеристики образа давно уже стала стилем исполнения В. Н. Пашенной. Умная и сильная, энергичная и деятельная, Васса Железнова была вполне ясна артистке по своему духовному складу, по своей классовой приверженности к наживе, к собственности, капиталу, к власти. Тщеславную мечту Вассы, «чтобы поп служил молебны не угодникам святым, а вот мне, черной грешнице, злой моей душе», ее жестокость, ее корыстолюбие — все это артистке предстояло слить в цельное создание искусства.

Все предвещало большой успех Веры Николаевны Пашенной в этой роли. И все же оказалось, что актриса превзошла даже самые большие ожидания.

«Калиновая роща» А. Корнейчука. Председатель сельсовета Ковшик — народная артистка СССР В. Н. Пашенная.

Васса Железнова — народная артистка СССР В. Н. Пашенная.

...Раскрывается занавес. Мы видим Вассу — женщину с умным и волевым лицом, живыми, наблюдательными глазами. Она склонна к иронии, сметлива, решительна,— это чувствуешь сразу. Но сразу же артистка обнаруживает и непривлекательные черты Вассы — ее холодный цинизм, ее беспредельную жестокость. Это сказывается со всей отчетливостью уже в разговоре с мужем Сергеем Петровичем Железновым, совершившим постыдное уголовное преступление, за которое ему грозит каторга. Васса настойчиво убеждает мужа покончить самоубийством. «Прими порошок!.. Прими добровольно... Прими порошок, Сергей...» — твердит она, и черная душа этой не знающей колебаний женщины раскрывается перед зрителем.

В. Н. Пашенная удивительно точно схватила главное в Вассе — ее фанатическую преданность собственности, купеческому «делу». «Я людям — недруг»,— говорит Васса, и это правда: она друг только деньгам. «Мое дело — в моих руках»,— говорит Васса, и это тоже правда, но «дело» бесчеловечное, основанное на обмане, на ограблении других людей, постепенно душит все хорошее, что есть в самой Вассе. Недюжинная, сильная, поначалу не лишенная привлекательности натура постепенно превращается в матерую хищницу. Эту эволюцию Вассы Железновой Пашенная передает с виртуозным, блестящим мастерством.

Вообще же весь образ Вассы Железновой сделан удивительно твердой, мужественной рукой художника-реалиста, написан крупными, сильными мазками, красками жизненной правды.

Спектакль «Васса Железнова», удачно поставленный режиссером К. А. Зубовым, прекрасно сыгранный коллективом артистов Малого театра, явился подлинным торжеством таланта В. Н. Пашенной.

«Алдар Косе»

На наших вкладках

Из поколения в поколение пронес туркменский народ сказания о веселом и ловком Алдаре Косе, его хитроумных проделках с богатыми, его любви к угнетенным и обездоленным людям. Сказания об Алдаре Косе легли в основу сюжета первого туркменского балета, постановка которого была осуществлена десять лет тому назад.

Рождение балетного спектакля «Алдар Косе» (музыка К. Корчмарева, либретто К. Бурунова и Н. Холфина) явилось большим событием в культурной жизни республики. Благодаря занимательному содержанию, выразительной и доходчивой музыке, в которой нашли отражение национальные песенные мелодии, балет «Алдар Косе» быстро завоевал признание.

В 1952 году зрители города Ашхабада увидели возобновленный спектакль «Алдар Косе» в новой редакции в постановке главного балетмейстера театра К. Джапарова. Джапаров, участник первой постановки балета, недавно закончил Государственный институт театрального искусства в Москве.

...Перед ковровым занавесом проезжает на белом ослике Алдар Косе — любимец простых людей, готовый всегда разделить их горе и радость. Занавес раздвигается. У подножья гор, склоны которых покрыты цветущими тюльпанами, раскинулось туркменское селение. Здесь с радостью встречают Алдара. На его глазах расцветает любовь пастуха Мереда и юной Эне. И, когда деспотическому и жестокому Сарыхану приглянулась красивая девушка, Алдар Косе, защищая счастье молодых людей, ловко обманывает ханскую стражу и самого хана.

С властью тирана покончено. Народ ликует и веселится, празднуя свое избавление. Алдар же снова отправляется в путь, унося с собой благодарность и любовь друзей.

Артист Х. Исмаилов создал обаятельный образ странствующего героя народных легенд. Партию Эне — полной очарования влюбленной девушки — исполняют артистки Б. Мамедова и Л. Кондюкова. В роли ловкого и отважного Мереда выступает артист М. Ахундов. В дуэтах Эне и Мереда легко и пластично сочетаются элементы национального и классического танца.

Хорошо поставлены сцены во дворце; ярки и выразительны танцы ханских невольниц, особенно двух из них — артисток З. Левецкой и Н. Аноевой.

Народная основа балета, его образная, мелодичная музыка позволили создать жизнерадостный спектакль о мудрости и силе народа.

С. МИРОНОВ

Сцена из балета «Алдар Косе» К. Корчмарева. Постановка Туркменского государственного театра оперы и балета (Ашхабад).

Фото О. Кнорринга.

Алдар Косе — Х. Исмаилов и жена хана — Н. Аноева.

Эне — Л. Кондюкова и Меред — заслуженный артист Туркменской ССР М. Ахундов.

Донбасс. Город Сталино. Улица Артема.

Фото Н. Козловского.

Днепропетровск. Парк имени Чкалова.

ОХОТНИЧЬИ СТРАНИЧКИ

Владимир ФОМЕНКО

Рисунки П. Караченцова.

Хуторские физкультурники

Придешь воскресным летним вечером в любой задонский колхоз и обязательно увидишь на хуторской площади такую картину: толпа разнаряженных девчат, пожилых колхозниц и мужчин, шумя, распаляя игроков выкриками, глядит на футбол. Солнце уже садится, игра приближается к развязке, и потому страсти накалены.

Бьет белесенький, в красной майке и красных трусах парень. Видно, он не только всю силу — всю душу вкладывает в удар. Мяч взлетает, со свистом идет мимо штанги, и сразу раздаются возмущенные крики зрителей:

— Лопух ты, Николай!

— Ворота бы правей подвинуть — попал бы!

— Коля! Стой, не бей... Ворота подвинем...

Играет собственная хуторская команда с командой, приехавшей из соседнего колхоза. В стороне грузовик, который привез футболистов-соседей. Шофера в кабине нет. Он среди шумящих зрителей, а может, сам играет вратаря, или левого края, или центра.

Влезешь в толпу — и сразу же что хочешь узнаешь о футболе колхоза «Путь к победе». К своей команде все, включая членов правления и самого председателя колхоза, имеют отношение. Одни, почесывая затылки, выделяют средства культфонда на бутсы, трусы, майки; другие гордятся успехами и тяжело переживают поражения своих игроков; третьи, самые главные, молодые ребята, играют, поднимая сейчас пыль на площади. Они лихо, с разгона лупят ногами, вызывая гул одобрения или, наоборот, улюлюканье, свист парней и колкие насмешки понимающих в футболе девчат. Позади ворот стоят будущие кадры — босые мальчишки, мечтающие о том, чтоб хоть раз стукнуть ногой по выскочившему из поля мячу.

Уж раз ты в толпе, то узнаешь, что не только футболом увлечены тут, в степи. Составлены команды легкоатлетов, есть гимнасты и даже пловцы. Причем пловцы-то появились здесь, где недавно и воды вовсе не было, кроме солоноватой в колодцах и тщательно хранящейся в бочонках — дождевой.

— Ох, и хорошо у нас плавать! — хвастаются ребята.

Можно сходить посмотреть, как они плавают, искупаться и самому. За хутором, в стороне от накаленного солнцем, усыпанного пшеничной половкой шляха, собираются хлопцы на берегу оросительного канала. Канал только прорыт, не порос еще травой, кругом следы бульдозерных траков: вода пущена недавно. Ребята сбрасывают сапоги, штаны и рубахи и, крякая от удовольствия, похлопывая себя по голым животам, замеряют дистанции, засекают время. Плавают азартно, колотя руками и ногами, взбаламучивая воду. Так готовятся они к поездке на массовые заплывы, что в конце лета проводятся на реке Кубани, в Азовском и Черном морях.

Растут в степных хуторах спортсмены, и среди них замечательные знатоки природы — охотники. О них и пойдет разговор.

Хлопцы в степи

Колхозные молодые охотники не просто увлеченные своей страстью ребята, а, скажем твердо, редкостные физкультурники. Помимо душевного горения и крепких, натренированных мускулов, обладают они завидной особенностью.

Эта особенность — знание степи. С детских лет вырабатывались у них короткие отношения со степью. Они, можно сказать, «чуют» степь. Ветер, который начнется через два — три дня, оттепель, будущий заморозок они предскажут без ошибки. Не в переносном, а в полном смысле этого слова смотрят они на степь ястребиными глазами. Появится ястреб над лесной полосой, и по тому, плавны ли его круги или, наоборот, на месте трепещет он крыльями, увидит колхозный охотник, где в лесной полосе куропатка, шныряет ли она между стволами или сидит, затаившись в кустах.

А уж если надо определить заячью лежку, с таким охотником и вовсе не потягаешься. Чуть кинет он глазом — точно решит: поворачивать отсюда или именно здесь, среди ровных, ничем не отличимых для неопытного человека увалов, будет поднят заяц. С ружьями на руку, широкой подковой рассыпаются хлопцы. И хоть завтра, стемна еще, им на работу, а сегодня прошагали они уже добрых тридцать — тридцать пять километров, но снова легко идут, перепрыгивая буераки, не спотыкаясь на запорошенных, окоченелых на морозе комьях зяби. Губы от сосредоточенности оттопырены, глаза, не мигая, смотрят перед собой.

Вот оно! Вздрогнула впереди бурьянина, посыпалась с нее изморозь. Заяц... Он вскакивает и, заложив за спину уши, вытянувшись в струну, мчится по гладкой, как стол, равнине. Выстрел. Дробь взметывает снежную струю позади зайца. Далеко он поднялся с лежки; городские охотники наверное упустили б его; но ребята, рассыпанные подковой, на два и на три заячьих корпуса выносят вперед прицел, бьют. Меткий удар — и несколько раз летит через голову, взбрасывает собою снег разогнавшийся русак.

— Сытый,— говорит парнишка, поднимая русака.

Он отряхивает его, прикидывает вес. Задние ноги вытянутого матерого зайца на высоте пояса охотника, передние касаются снега. Ребята перезаряжают ружья, по-хозяйски прячут стреляные гильзы — и снова в готовности. Редко упустят они добычу. К дому поворачивают обвешанные трофеями. За спиной и у бедра тяжелые связки — по три—четыре зайца, у иного на плечевом ремне лисица, на поясе пара куропаток.

Хорош вид у молодого, идущего в станицу охотника! Лицо розовое, мальчишечье, а шаг спокойный, умелый. Размеренны движения спины, локтя, плеча; видна в них особенная, чисто охотничья опытность, привычка к земле, к широкой своей степи.

С Костей Борщевым я в первый раз познакомился заочно. Увидел в районной газете его маленький неразборчивый портрет, а под ним заметку о поливальщике комсомольце Борщеве. Поливальщик — самая новая профессия в станицах, получивших воду. На другое же утро я постарался встретиться с Борщевым. Оказался он в отличие от заретушированного темного портрета белесеньким, голубоглазым и ясно улыбающимся круглолицым мальцом. Окончил он семилетку, работал, потом «прошел курсы» поливальщиков и сейчас, как сам говорит, научно распределяет водные пайки между растениями.

После дня, проведенного вместе, шли мы через залитые заходящим солнцем хлопковые поля. Завтра уборка. До самого горизонта белые, как хлопья инея, пятна раскрывающихся на кустах коробочек. Белопятнистая, небывалая степь.

— Вы не читали, — спросил вдруг Костя Борщев,— что на спинах у оленей белые пятна оттого, что в лесах, где они живут, много солнечных зайчиков? Олени этими пятнами маскируются. А у нас тут кругом водятся дудаки... Знаете? Ростом больше индюшки. Серого, коричневатого цвета. Это они маскировались под нашу серую траву.

Костя смотрит ясными голубыми глазами на хлопковые поля и мечтательно говорит:

— Вот интересно было б, если бы теперь начали образовываться дудаки с белыми пятнами. Под новую обстановку...

Костя Борщев оказался охотником. В ночь под ближайшее воскресенье мы отправились с ним

в дальний район, где, по слухам, было много куропаток. Попутной машиной добрались до незнакомого ни мне, ни Косте хуторка и с рассвета вышли стрелять. Куропаток действительно была пропасть. Ушли мы очень далеко, задержались дотемна, и тут я еще раз увидел, что такое колхозный парнишка-охотник, «чующий» степь. По изрезанной балками и ярами, черной, в двух шагах невидимой, незнакомой местности шел он словно через улицу или через собственный двор. Тучами заволочено небо, темень — глаз коли. Ни звездочки, чтоб определить, где же хутор, из которого вышли утром. Ночной дождик... Тебе, не степняку, будь один — хоть садись и сиди тут. А Костя, повесив за спину берданку вниз стволом, чтоб не заливало дождем, шагает себе и шагает, все время забирая зачем-то влево.

— Куда мы идем? — спрашиваю его.

— А влево должен быть ярóк.

Почему он должен быть и почему именно влево, мне совершенно не ясно, но через полчаса нога, действительно, ощущает начавшийся скат. Это ярóк. Долго скользим по краю, потом скользим от края. Мы, как мне кажется, идем уже в противоположную сторону, пробираемся через какие-то кусты, затем опять по ровному. Костя ищет что-то, щупает землю сапогом.

— Правильно,— говорит он. — Началась пахота. Теперь давайте вправо.

Еще час ходьбы по черной, но совершенно понятной для Кости Борщева степи, и он оборачивается, спокойненько показывает на мерцающий впереди огонь:

— Вон он, хутор.

На утином отлете

Есть в дельте Дона, у берега Азовского моря, село Кагальник. Прожил я в нем не один месяц. В Кагальнике чуть не вся колхозная молодежь — «рыбалки» и охотники. На каждой крыше сушатся накидные сетки, в каждом дворе полощут в корытцах клювы и ходят вместе с домашними подсадные крякуши.

Осенями много собирается в море перелетной птицы. Стадами садится на воду утка-чернушка, от которой темнеет море там, где спустились косяки. Садится шилохвость — с гибкой длинной шеей и длинными хвостовыми перьями, действительно напоминающими шило. Опускается и крыжень — тяжелая, крупная утка,— и маленькие уточки — чирки-свистунки и чирки-трескунки. Отдыхают иногда на море, держатся несколько особняком пролетные гуси-казарки.

В безветренную погоду вся эта птица недосягаема. Ни лодки, ни катера она не подпустит: снимется, перелетит хлопающими тучами на новое место. Море спокойно, и на тихой воде покачиваются различимые только в бинокль силуэты дичи, да изредка, когда потянет легким ветром, доносится мучающее слух охотника кряканье, густое и многоголосое, как на колхозной птицеферме.

Зато в ненастье, когда близко к зиме зарядит низовой ветер и раскачает на море метровую зыбь, утка не может усидеть на волне, поднимается в воздух. Готовая к отлету на юг, сытая, носится она над морем и камышовыми плавнями.

Вот в такое время и показывают свое мастерство охотники. По заросшим протокам и ерикам направляются они в кайках на взморье. Едут и в одиночку и группами по пять — шесть, по человеку на каждой кайке. Кайка — это самодельная, вроде остроносого корыта лодочка, шага в четыре длиной, а полшага шириной. Она из тонких досочек и фанерок, местами зашпаклеванная и просмоленная, местами заплатанная жестью из консервных банок.

Хорошие лодки не у этих ребят, а у их отцов. Замечательный баркас у отца Лени Курова, моего соседа по Кагальнику. Хотя Леня — комсомолец, уже последний год ходит в школу и уже два сезона работает летом в рыбколхозе, но своей «справы» отец ему еще не дает. Отец ездит рыбалить на добром смоленом баркасе, семья возит на нем камыш для топки или сено и траву корове. А у Лени, как у всех мальцов-охотников, собственная фанерно-жестяная кайка. Сейчас Леня стоит на ней в рост и, обхватив двумя руками конец шеста, упирается другим его концом в дно ерика, ловко гонит кайку к морю, переговариваясь с товарищами. Товарищи тоже на кайках, тоже с шестами в руках.

Сегодня в школе санитарный день, и половина класса едет на утку. Каждый хлопец стоит на своей кайке, довольный ветром и свободным днем. Разве в воскресенье постреляешь так? В воскресенье по всему ерику, за каждой камышиной городские охотники — из Ростова, Азова, Таганрога. Поездом, пароходом, машинами, даже собственными катерами едут.

Леня Куров оглядывает по-декабрьски бурые, сгибающиеся на ветру пустынные камыши и лихо кричит:

— Тем охотникам только летом ездить, по солнышку! Кормить нашего комарика!

— Правильно!— отзываются товарищи.— Летом они могут, а сейчас — кишка тонка. Не выдюжат по такой погоде.

Погода в самом деле серьезная, и, действительно, вряд ли в такую стреляли бы приезжие любители. Над заиндевевшими берегами свистит ветер. Он даже в закрытом ерике рвет с поверхности брызги. В сером воздухе пахнет снегом.

На ребятах теплые, перетянутые патронташами тужурки, капелюхи, высокие болотные сапоги. Чем ближе к морю, тем отчетливее шум нагоняемых низовым ветром бурунов, тем ниже пригибаются к воде гривы камышей. Не сегодня-завтра начнет леденеть у берегов Дон, разветвленный тут многочисленными рукавами.

И вот ребята на взморье. Здесь граница. Кончаются низинные, топкие берега, начинается темноватый, с белесыми гребешками простор воды. Можно остаться в зарослях, у берега. Но ведь больше «идет утки» на открытой воде. Кое-где маячат полузатопленные кулиги высокого камыша. Издали они кажутся круглыми, шевелящимися шапками. Вот в такую, стелющуюся по ветру, окруженную волнами кулигу и хочется стать пареньку-утятнику.

Ребята делят места: «Ты станешь там, я — здесь» — и отчаливают от берега.

Отпихивается и Леня Куров. Сильно бьет ветер, шест, доставая дно, все глубже уходит под воду. Здесь волны — не то что в ерике... Они поднимаются над кромкой борта, и если б легонькая кайка не повторяла каждое движение буруна, не взлетала, подобно стружке, ее бы сразу, еще у берега, накрыло. Голые, облитые водой руки зябнут, а сам Леня весь в поту от тяжелой работы и напряжения.

Наконец кулига. Леня ищет в ней просвет — куда становиться, чтоб меньше мять нужные для маскировки камыши; резким движением загоняет в просвет кайку; стоймя опускает шест, заколачивает в илистое дно; привязывает к торчащей верхушке кайку и, взяв ружье, трет малиновые от холода, мокрые руки.

Несколько минут можно не высматривать. Утки, находящиеся вблизи, видели движение в кулиге и сюда не налетят. Надо ждать других. У основания камышей бьется белая пузырчатая пена и мелкие ледяшки. С наветренной стороны нанесло сорванные волнами ржавые плети водяной травы — кушныря. Леня примеряется, как он будет стрелять. Стреляя, лучше всего стать в рост. В камыше немного глушатся волны, но все же кайку бросает под ногами, и, чтоб устоять, Лене придется балансировать...

Но вот он пригибается, взводит курки. В небе утка. Трепеща крыльями, напряженно вытянув шею, она возникает над камышом. Навстречу взлетают и без выстрела опускаются стволы ружья; нырок не стоит заряда. Уважающий себя утятник привозит домой отборную дичину. Пахнущего рыбой нырка он не привезет. Леня представляет, как дома он кинет

связку битой птицы на пол у двери. Пока он будет медленно раздеваться, мать наклонится над связкой и, щупая пальцами утиные грудки, скажет отцу: «Смотри, Ленька на неделю привез запаса». Может, подойдет и отец, в одобрительном молчанье тоже пощупает уток...

В небе проносится густой косяк, но высоко, не достанешь. В других кулигах, слышно, уже бухают товарищи... Ленькины руки плотнее сжимают ружье, глаза наготове. Вот она, вот приближается лучшая дичь — крыжень! Это приезжие выдумщики гоняются из-за тонкого мяса за маленькой уткой, чирковой, а выросший на море хлопец любит тяжелую, крыжневую. Она уже над головой, ясно видны серые перья на грудке, красный клюв, красные лапки, поджатые на полете к хвосту.

Один пропущенный миг — и, просвистев в воздухе, уйдет дорогая птица. Леня стреляет. Под углом согнув шею, остановив левое крыло, падает утка, кувыркается в воде, поднятая на гребень буруна. Леня сбрасывает бичеву, выдергивает со дна шест, выталкивает кайку из камыша и гонится за уткой, которую понесло ветром. Нужно держать кайку носом на волну, а то и не охнешь — перекинет. Леня проходит бортом вплотную около утки, подхватив ее, кидает под ноги и опять правит в камыши, закрепляется, быстро отчерпывает корцом набранную через борт воду и, отерев рукавом забрызганные стволы ружья, ждет...

Почти сразу налетает тройка чернух, но, заметив охотника, свечкой забирает вверх; Леня бьет из двух стволов, и одна чернуха, свистя крыльями, падает у самого камыша.

Птицы много. Идет она то в полветра, то, стремительно проносясь, по ветру. И бить успевай мгновенно: навстречу, в угон, в бок — с любого разворота. Каждый раз, когда хлопнется, взбросив брызги, утка, надо выдергивать шест, гнать за ней, рискуя окунуться в темную, намерзающую на борта воду.

К вечеру корма лодчонки забита разноперой стреляной птицей. Утка на подбор. Предотлетная! Тяжелая и жирная, покрытая под оперением теплым, нежным, как дымок, плотным пухом.

Ребята по одному выезжают к берегу, заложив два пальца в рот, призывно пересвистываются и, собравшись вместе, в сумерках уже, плывут по протоке к дому.

Енотик

В прошлом году осенью отправились мы по уткам с Геннадием Спирченко — подручным слесаря из мастерской колхоза. Шли мы на илистый плес за несколько километров от станицы Семикаракорской. Впереди, между деревьями, уже завиднелась вода, и хотя до вечерней зари, то есть до настоящего утиного лёта, было далеко, в воздухе то здесь, то там проносились уже одиночные утки, а когда мы подошли к плесу ближе, то приметили целый табунок крыжней, снижавшихся к воде. Через секунду явственно донесся всплеск и затем кряканье селезня. Особенное, понятное только охотникам нетерпение охватывает от этого громкого хрипловатого кряканья. Значит, удачное выбрали место, сейчас постреляем тут!..

Вдруг возле самой тропы мы увидели зверя — пушистого, буроватого, размером с сибирского кота. Это был молодой енотик, щенок. Он замер, уткнувшись в густой частокол ивняка. Идти ему было некуда, кроме как назад, в нашу сторону. Сидел он так близко, что можно было бы снять с себя куртку и накрыть его. Наверное, енот впервые столкнулся с человеком и не соображал, как надо себя вести. Может быть, ему хотелось подробнее узнать, кто стоит над ним, но инстинкт зверя настораживал его, и он, чуть по-

глядывая назад, нацеливался щенячьим влажным носом под кусты. Косился на нас своим удивительно живым, пугливым и любопытным темным глазом.

Первым заговорил Геннадий.

— Слушайте, это ж енот,— глядя на щенка и вытянув губы, тихим шепотом сказал он.

Я кивнул. Геннадий приблизил ко мне лицо и, волнуясь, снова зашептал:

— Их год как завезли. Видите, уже маленькие развелись... Пошли отсюда, ведь распугаем, когда начнем стрелять.

Своего ружья у Геннадия не было. В прошлую зиму, выслеживая куропаток, он черпнул стволами снег, выстрелил и разорвал стволы. Ружье, с которым он стоял сейчас, мы с трудом добыли на вечер у знакомого тракториста, добыли двадцать патронов, и Геннадию очень хотелось сегодня «походить по утке».

Щенок поднялся, свернул влево, побежал, и уже за кустами послышался удаляющийся шелест сухой листвы.

— Так, значит, не будем стрелять? — спросил я.

Геннадий сглотнул слюну и задумался.

— Не надо,— вздохнул он, — дальше есть еще плесик. Правда, паршивый, но, может, и там что будет... А то ведь распугаем их,— показал он глазами на место, где минуту назад сидел молодой енот.

Родные души

Говорят, рыбак рыбака видит издалека. Так же и охотник.

Скажем, мчится по зимней проселочной дороге грузовик. В кузове — колхозницы, везущие на базар молоко и живых кормленых гусей, двое незнакомых друг другу парней из разных хуторов, гладко побрившийся дед, едущий в райцентр в гости к ответственному сыну или к замужней дочке.

Режет встречный ветер, и все, подняв воротники полушубков, надвинув на глаза капелюхи и шерстяные платки, сгрудились вместе, натянули на себя добытый у шофера брезентик. Брезентик совсем небольшой, и, чтоб не задувало, надо сидеть тесно и не ворочать головами.

— Лисица мышкует,— слышится из-под брезента ни к кому не обращенный голос одного из парней.

Вдали, возле стога, действительно, видна мышкующая лисица. Яркожелтая, чистая, она по-кошачьи вспрыгивает в воздух и, припав носом к снегу, быстро гребет лапами, швыряет блещущую на солнце снежную пыль.

— Чертовка! — тоже ни к кому не обращаясь, говорит второй парень, чернявый и крепкий, сидящий под брезентом с другого края.— Когда надо, никогда ее не найдешь. А сейчас — пожалуйста...

— Ага! — оживляется первый.— Ее сейчас бы из-за стога!

— Нет, — отмахивается чернявый.— Она к стогу не подпустит.

— Почему?

— Потому.

— Да успокойтесь вы! — хором вскрикивают женщины.— Тут едва закрываешься от ветра, а они размахались. Герои!

Раздражается и дед:

— Нема им покою! Сидели б себе и сидели, не крутились бы...

— Папаша, мы ж тихонько, — бросает деду чернявый и быстро поворачивается к собеседнику: — Не подпустит она до стога.

— Подпустит!

— Брось! Надо не из-за стога, а с лесополосы! Во-он, смотри, с той... И от дороги нагнать. Она сюда, а ты тут. Она туда, а ты там. И бей дуплетом!

Угол брезента, натянутый на головы тесно сидящих людей, срывается. Несколько человек вскакивают, чтоб его ухватить; бьют крыльями всполошенные гуси.

— Молоко перевернете! Молоко!..

Кто-то колотит ладонью по крыше кабинки:

— Шофер! Шофер! Да стой!..

Машина останавливается. Из кабинки беспокойно выглядывает полногубый скуластый шофер:

— Что такое?

— Да перевернули молоко! Дурни тут лисицу увидали!

— Где лисица? — выскакивает на подножку шофер и оглядывается по сторонам.

— Проехали, понимаешь! — заглушая голоса, с сожалением объясняет первый парень.— Вон там сидела. И сидела хорошо...

Чернявый подтверждает:

— Хорошо! Был подход с лесополоски. Мы их позавчера три штуки так взяли.

— Где ж брали?

— В балочках. Если б один там у нас не мазал, пять бы штук накрыли. В балочках, за «Красным колосом».

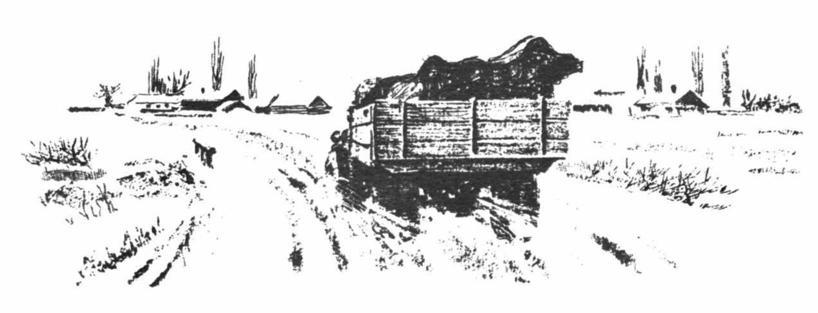
— А ты что, с «Колоса»?

— Нет, с «20 лет Октября».

Первый парень встревает:

— Я с «Колоса».

— Ну? — улыбается шофер. — А я ведь рядом, с Поляковки. И ружье имею... Не кричите, бабочки, сейчас едем. Хлопцы, лезайте в кабину: у меня «зис» — просторно! Может, договоримся сходить в субботу?..

Некоторые говорят, что охотники — это истребители живой природы, которые выходят в поле или выезжают на море с одной целью — уничтожать. Это неверно! Есть, конечно, среди стрелков подлые, действующие исподтишка браконьеры-хапуги, но вся масса—убежденные, честные спортсмены.

Заночуй в степи, там, где не проходит шумная автодорога, где поля пшеницы, проса, кукурузы и подсолнуха, разделенные лесополосками, сбегают к балкам и перекатам, густо поросшим тернами. Это излюбленные места куропаток. Вот там и заночуй, только не просни зорьку. Близко к рассвету, когда смутно вырисовываются кусты тернов и листья подсолнуха, когда совсем замирает ветер и каждая травина, тяжелая от росы, стоит, не шевелясь, ты, задержав дыхание, услышишь рядом с собой перекличку самцов-куропачей, чем-то напоминающую крик молодых петушков...

Замолкнет крик, и снова, где-то совсем рядом, кричит куропач, не спит так же, как и ты, всматривается, наверное, в расплывчатые перед рассветом кусты терновника... После этого у тебя не поднимется рука на куропатку в не положенное для охоты время, когда за матерью бегут между стеблями пшеницы бойкие, величиной с мелкую картофелину цыплята.

Если ты сдружился со степью, постиг годовой календарь, с одинаковым волнением примечаешь, когда щенятся лисы, высиживают дудак и стрепетка, кормятся перепелиные выводки, то все больше начинаешь ты чувствовать, что душевно близка тебе, охотнику, родная природа.

Комсомольцы-охотники, товарищи Лени Курова, никогда не позволят хуторским ребятишкам драть гнезда, не убьют котную зайчиху, не выстрелят «для пробы патрона» по орлу.

Давно покончено с кулацкой старинной охотой, в которой правильным делом считалось мешками, бреднями и сетями вылавливать в камышах молодых, не поднявшихся на крыло уток; лихостью было после осенних дождей и заморозков нагонять дудаков, у которых обледенели крылья, и, сидя верхом на коне, избивать их кнутами.

Ушло это из нашего быта. Иной теперь, совсем иной человек — охотник!

Школа мастеров

П. КАПИЦА

В воскресный день 1936 года на Петровском острове собралось несколько тысяч ленинградских школьников. Все они успешно перешли из класса в класс. В честь каникул на стадионе был поднят праздничный флаг. Известнейшие мастера спорта показывали ребятам свое искусство: прыгали с вышки в воду, состязались в плавании, в беге... Но вот на зеленое поле вышел невысокий плотный юноша с копьем в руках. Он, казалось, ничем не отличался от спортсменов-сверстников, а судья вдруг объявил в рупор:

— Сейчас мастер спорта Виктор Алексеев сделает попытку установить новый всесоюзный рекорд в метании копья.

Молодой мастер спорта дважды брал разбег и запускал копье вдоль футбольного поля, но оно не долетало до красного флажка, и зрители, сочувствуя, дружно вздыхали.

Осталась последняя попытка. Отдохнув, Виктор Алексеев набрал полную грудь воздуха, разбежался резким, энергичным шагом и метнул копье так, что оно вонзилось в землю за красным флажком.

Школьники повскакали с мест и бурно зааплодировали, приветствуя нового рекордсмена СССР. А несколько мальчиков, не усидев на трибуне, побежали за Алексеевым к раздевалке. Там они окружили его, разглядывая копье, допытывались, как он научился так далеко бросать его.

— Хотите, покажу?

— Хотим, хотим!..— начали просить ребята.

— Только не сейчас. Если вы действительно намерены стать метателями, то приходите завтра вот сюда же в двенадцать часов.

И рекордсмен не обманул. На другой день ровно в двенадцать часов он появился на стадионе, записал в небольшую книжечку имена и фамилии пришедших ребят и предложил:

— А сейчас давайте разогреемся немного. Становись!.. Бегом за мной!

Вытянувшись в цепочку, они пробежали вокруг всего острова, потом остановились у пруда и начали бросать камни — кто дальше. После метания прыгали в длину и в высоту, играли в мяч...

Мальчики разрумянились. Им было интересно заниматься с рекордсменом. И когда он сказал, что уже пора по домам, школьники в один голос стали просить:

— Еще немного... мы ведь копья не бросали!

— Копье в другой раз...

Следующее занятие Виктор Ильич назначил на стадионе Выборгской стороны. Мальчики явились туда и привели с собой товарищей.

— Чемпионами не скоро будете,— предупредил их Алексеев.— Сначала сделайтесь крепкими, ловкими и неутомимыми.

На тренировках он требовал от них многого: заставлял бегать, прыгать, бросать тяжелые мячи, бороться, боксировать, брать барьеры, заниматься на снарядах. Но не перегружал одни и те же мышцы, не утомлял однообразием, он умело чередовал упражнения с играми. Ученикам всегда было интересно с ним.

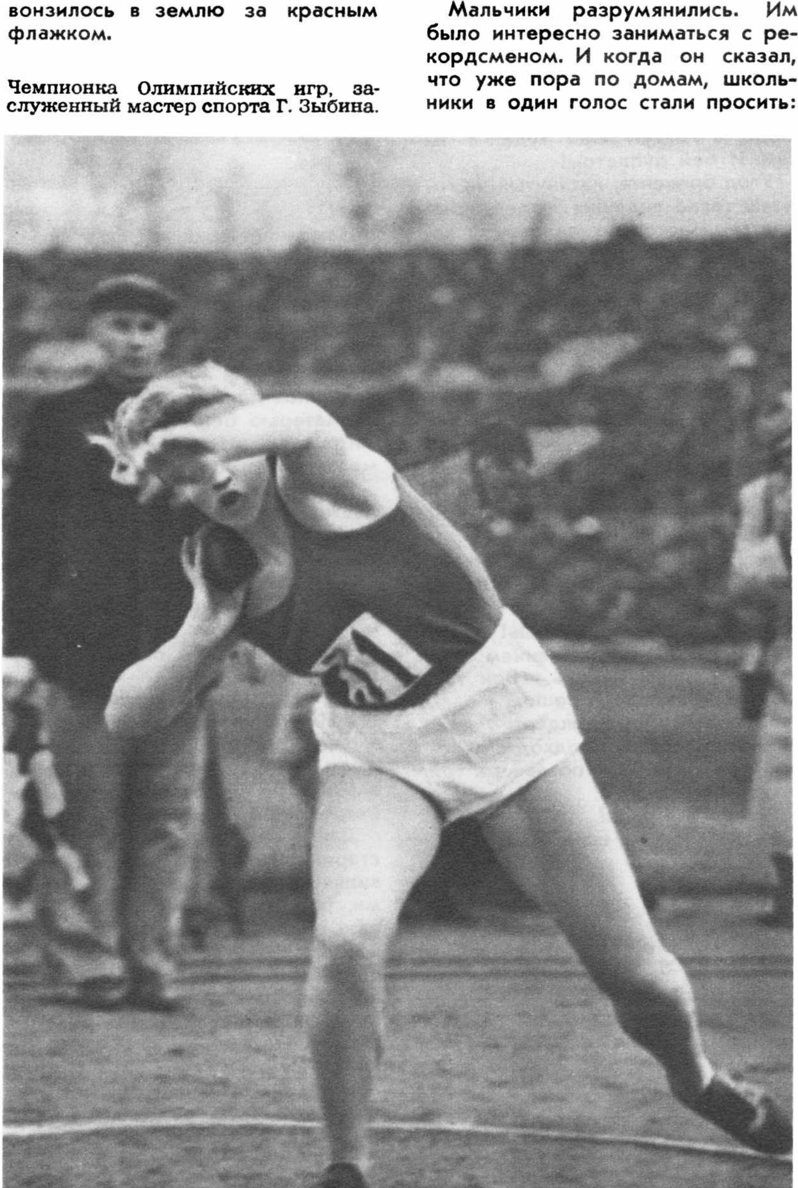
Алексеев знал, что на всестороннее развитие подростков уйдут годы, что результаты его труда выявятся еще не скоро, но он шел на это. Ведь вместе с ребятами тренировался и он сам. Очень много внимания Виктор Ильич уделял развитию ловкости.

Составитель русского «Толкового словаря» Даль очень точно определил это слово. «Ловкий,— писал он,— складный в движениях». Да, в спорте это именно так! Умение складывать, согласовывать мельчайшие движения рук, ног, туловища, умение управлять своим телом и приводит к наивысшему результату — к рекорду.

Своего постоянного стадиона алексеевская группа не имела. Приходилось кочевать: то заниматься на заводском стадионе, то в Полюстрове, то на взморье, в Ольгине. Но ребята не роптали. Они знали, что Виктор Ильич занимается с ними не по обязанности, а от чистого сердца. И группа не уменьшалась, а росла, к ней присоединились заводские пареньки и студенты техникумов.

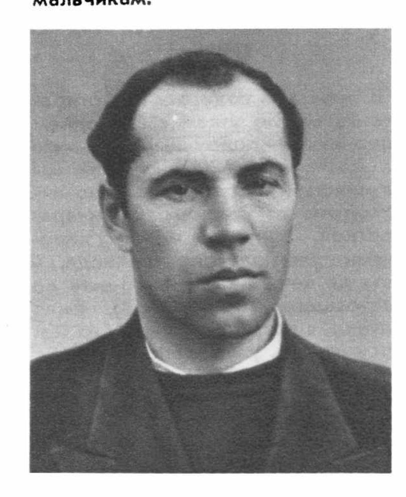
Девочек в школе было мало. Алексееву приходилось самому подыскивать их на детских площадках, в пионерских лагерях и в «диких» дворовых командах волейболистов. Он брал к себе наиболее гибких, быстрых и смелых, которые не давали себя в обиду мальчикам.

Чемпионка Олимпийских игр, заслуженный мастер спорта Г. Зыбина.

Заслуженный мастер спорта Н. Смирницкая.
Фото А. Бурдукова.

Заслуженный мастер спорта В. Алексеев.

Зимой понадобился спортивный зал. Но кто пустит в зал столько «посторонних» спортсменов?

Алексееву пришлось хитрить. Молодой мастер соглашался руководить кружком, но ставил непременное условие, чтобы один раз в неделю спортивный зал был предоставлен в его распоряжение.

И ребята ездили то на Выборгскую сторону, то на Международный проспект, то в другой конец города — за Невскую заставу. Возникавшие препятствия, казалось, еще больше сплачивали их. И дисциплина не ослабевала, а укреплялась. Виктор Ильич был очень требователен. Если кто из спортсменов не успевал в школе, отставал на производстве, он отстранялся от занятий. Алексеев говорил:

— У тебя нет силы воли, а безвольный человек не может стать хорошим спортсменом. Подтянись, иначе мы распрощаемся с тобой.

И кочующая спортивная школа продолжала существовать. На соревнованиях никому не известные мальчики и девочки вдруг начали занимать первые места в метании копья, гранаты, мяча с петлей, в прыжках с места и с разбега...

В дни войны многие ученики Алексеева ушли на фронт. Спортивная закалка сделала их выносливыми и отважными воинами.

Как только была прорвана блокада Ленинграда, Алексеев начал собирать свой коллектив и пополнять его новыми ребятами.

К нему пришли заниматься соседи по дому: неутомимый гаситель фашистских «зажигалок» рабочий парнишка Юра Щербаков и школьница Нонна Марсова. Виктор Ильич видел, как эта худенькая девочка, опаздывая на занятия, не раз мчалась через две ступеньки по лестнице и вихрем влетала в зал. Скорость у девочки была удивительной. И Алексеев решил сделать из нее отличную бегунью. Из Пятигорска приехала уже тренировавшаяся у Алексеева Наташа Дятлова. Начали заниматься старшеклассники — Борис Матвеев и Саша Горшков. В школу попросилась и маленькая пионерка Галя Зыбина.

Мать этой девочки, боясь, что ее дочь, едва оправившаяся после блокады, опять похудеет, запретила Гале ходить на стадион. Но девочка была упорной, ей хотелось стать хорошей спортсменкой, и она попросила Виктора Ильича поговорить с матерью. В свободный вечер он пошел с Зыбиной на квартиру и убедил ее маму снять запрет.

Второе рождение школы было трудным. Мало осталось оборудованных стадионов и спортивных залов: одни помещения пострадали от снарядов и бомб, другие были заняты под госпитали. На помощь пришли заводские шефы. Они установили сетку, необходимую для толкания ядра и метания диска в помещении, дали несколько длинных металлических трубок, заменявших на тренировках копья, и добились, чтобы все заботы о юных атлетах взяло на себя добровольное спортивное общество «Зенит».

Алексеевым был уже накоплен опыт. Он теперь не шел ощупью, а знал, как ему следует добиваться желаемого. Главным, как и прежде, оставалось всестороннее физическое развитие и лишь затем — специализация по отдельным видам легкой атлетики.

Весной 1945 года Нонна Марсова пробежала 500 метров быстрее других девочек и установила всесоюзный рекорд, а Юрий Щербаков стал чемпионом в метании пятикилограммового молота.

Пришел день десятой годовщины спортивной школы. Нонна Марсова и Юра Щербаков улучшили свои собственные рекорды. Рекордсменами среди мальчиков в метании копья стал Олег Федоров, а среди юношей — Саша Горшков. Два ленинградских рекорда в толкании ядра и метании диска установил Борис Матвеев. А настоящей героиней соревнований была Наташа Дятлова. Она первенствовала среди девушек в метании копья и установила всесоюзные рекорды в метании мяча и гранаты.

Даже из группы младших пионерка Галя Зыбина, носившая в светлых тонких косичках красные ленточки, и та постаралась улучшить ленинградские достижения в метании копья и мяча с петлей.

Удивленные тренеры начали допытываться у Алексеева:

— Где вы отыскали таких ребят?

— А их много вокруг, — отвечал он. — Надо только поработать с ними как следует.

* * *

Многим думалось, что Алексеев принимал в школу только выдающихся ребят. Но это было не так. К нему чаще всего приходили самые обычные подростки, которые ничем не отличались от других, и только после большой и упорной работы становились рекордсменами.

Наташа Дятлова (Смирницкая) первый раз метнула копье всего лишь на двадцать один метр, а через несколько лет оно у нее пролетело пятьдесят три метра сорок один сантиметр. Так далеко не метала копья еще ни одна женщина в мире.

Борис Матвеев, метавший диск на двадцать восемь метров, в 1952 году стал чемпионом страны с результатом пятьдесят два метра девяносто один сантиметр. А худенькая пионерка Галина Зыбина, которая в 1945 году могла толкать ядро только на семь метров, в 1952 году, став рослой и сильной девушкой, на XV Олимпийских играх в Хельсинки, толкнув ядро на пятнадцать метров двадцать восемь сантиметров, победила всех своих соперниц и установила мировой рекорд.

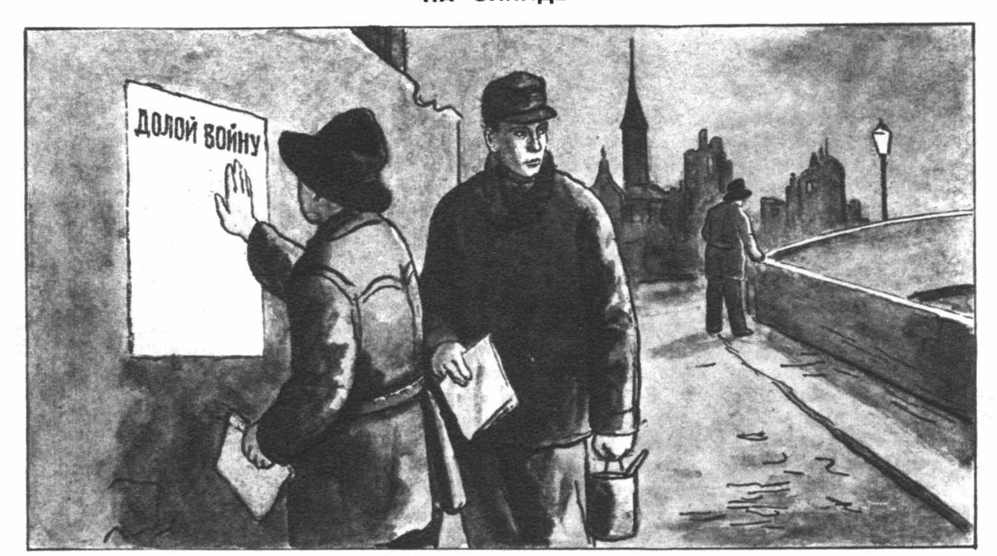
За семнадцать лет существования этой спортивной школы ее воспитанники шесть раз улучшали мировые и двести раз превышали всесоюзные рекорды по разным видам легкой атлетики.

Виктор Ильич работает с молодежью не один: ему помогают выросшие в школе мастера, окончившие высшие учебные заведения, — Юрий Лукьянов, Евгений Лутковский, Борис Матвеев.

Ни одному чемпиону здесь не позволено зазнаваться. Им приходится работать с особой интенсивностью и нагрузкой, так как их нагоняют выросшие товарищи: Зыбину в толкании ядра — Тамара Тышкевич; Смирницкую в метании копья — Зыбина; чемпионку по прыжкам Марию Писареву — Нина Коссова.

В 1952 году воспитанники школы общества «Зенит», созданной заслуженным мастером спорта Алексеевым, в соревновании на первенство СССР завоевали 5 золотых медалей. Каков будет 1953 год, покажет начавшийся спортивный сезон. Алексеев тренировал своих учеников круглый год — и в помещении Зимнего стадиона и на свежем воздухе в Ольгине. За это время у него подросли новые мастера, которые постараются еще больше повысить спортивные достижения советских легкоатлетов.

НА ЗАПАДЕ

Эти рискуют жизнью...

...для того, чтобы у этих была спокойная жизнь.

Рисунки Л. Генча.

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ,
М. СЛОБОДСКОЙ

Рисунки
Ю. Узбякова.

1

За окнами кабинета директора Энской швейной фабрики свистела и хлюпала поздняя осень. Шуршали непромокаемые плащи и опадающие желтые листья. Пахло сыростью и антоновкой. В застекленных витринах развешивали журнал «Крокодил» с рисунками, изображающими Урожай в виде толстого веселого снопа с пшеничными усами. Газеты критиковали Управление рыбной промышленности, отмечая недостатки осенней путины...

Одним словом, за окнами стояла осень, а на душе хозяина кабинета Семена Даниловича Петухова и его гостя — только что прибывшего издалека под дядюшкину опеку петуховского племянника — было по-весеннему тепло и солнечно.

Филипп Васильевич Вареников, больше известный дяде под детским именем Фика, привез Петухову рекомендательное письмо от родителей. Фикина мама характеризовала Филиппа как необычайно способного мальчика и просила дать ему возможность работать под чутким дядиным руководством.

Петуховы всегда держались кучно. Это было традицией семьи. На любой работе они избегали одиночества и чужих людей.

Для порядка дядя спросил, нет ли у племянника какой-нибудь характеристики или рекомендации с последнего места работы.

Рекомендации у скромного Фики не оказалось.

— Я думал, что вы, дядя, сами могли бы меня рекомендовать...— обиженно пожал плечами Вареников и поднял на дядю свои томные глаза, по форме похожие на сливы, но жирным блеском напоминающие скорей маслины.

— Не зная человека как работника, я ему рекомендаций не даю! — строго буркнул Петухов и отправил племянника в свой отдел кадров оформляться на должность заведующего снабжением и сбытом.

2

Прошло полгода...

Теперь за окнами петуховского кабинета бушевала весна. Звенели ручьи и первые велосипедисты. Пахло оттаивающей землей и свежей предпервомайской краской заборов.

В «Крокодиле» пестрели карикатуры на опоздание с ремонтом тракторов. Газеты ругали предприятия рыбной промышленности за отставание весенней путины.

За окнами все свидетельствовало о приходе весны, и лишь в самом директорском кабинете Энской швейной фабрики царило мрачное осеннее настроение.

— Сукин сын, племянник!.. Сукин сын, племянник!..

Эту несколько туманно определяющую степень родства фразу со злостью повторял хозяин кабинета Семен Данилович Петухов. Он бегал из угла в угол и размахивал перед носом смущенного Вареникова свежим номером энской газеты, третью страницу которой украшал фельетон, посвященный деятельности Филиппа Васильевича.

Состояние директора швейной фабрики было понятно и даже простительно. Только что вернувшийся в Энск после вызова в центр Петухов уже по дороге с автобусной станции стал свидетелем таинственной, почти детективной истории.

Выйдя со станции и неторопливо направившись домой, Семен Данилович сразу же обратил внимание на странное поведение маленького ребенка в невыносимо-оранжевом пальто с капюшоном, напоминавшим колпак сказочного гномика. Ребенок этот все время бежал впереди Петухова, то и дело забегая в какие-нибудь ворота и выбегая из следующих.

Петухова немного удивило, что маленький человек убегает один так далеко от дома. Но тут оранжевый гномик выкинул совсем сказочный трюк: забежав в ворота с правой стороны улицы, он всего через минуту выбежал из подъезда дома, находившегося по левой стороне. Петухов не успел подивиться прыткости ребенка, обежавшего, видимо, где-то сзади него, как его поразила новая шалость быстроногого гномика. Оранжевый ребенок забежал во двор и через минуту вышел, хоть и из тех же ворот, но зато явно раздвоившись! По улице шагали рядом два совершенно одинаковых оранжевых гномика.

Вспомнив о выпитой с попутчиками бутылке грузинского вина № 20, Петухов стыдливо потупился, покраснел и отвернулся от раздвоившегося малыша.

Но не прошел он и ста шагов, как увидел в скверике двух женщин, окруженных уже четырьмя оранжевыми гномиками, похожими друг на друга, как четыре капли воды.

Такого сильного действия одна бутылка двадцатого номера оказать, конечно, не могла, поэтому Петухов остановился около этой загадочной группы и попытался выяснить причины таинственного размножения оранжевых гномиков.

То, что он услышал, повергло его в гнев и недоумение.

— Это все наша швейная фабрика,— объяснила ему одна из матерей.— Представьте себе: выпускает детские пальто только оранжевого цвета! Даже мы, матери, путаемся. Я уже два раза по ошибке приводила с бульвара домой чужих детей!

— Вон в городской газете уже и фельетон про это,— добавила мать второй пары оранжевых близнецов.

Взволнованный Петухов заспешил на свою фабрику. Он отлично помнил, что, уезжая, оставил пошивочному цеху для детских пальто сукно шести разных цветов.

На фабрике Петухова ждало ошеломляющее известие.

Назначенный им на пост заведующего снабжением предприимчивый Фика ухитрился оставить фабрике только оранжевое сукно, спустив все сукно остальных цветов Энской биллиардной мастерской в обмен на два роскошных биллиардных стола, которые он установил в красном уголке швейной фабрики, где и пропадал все последнее время.

— Дядя, я больше не буду...— уже второй час тупо твердил Фика, и из страдальчески поднятых глаз его струилась одновременно и сладость слив и маслинная горечь.

— Нет, ты не мой кадр! Проявил я кумизм, и хватит! — возмущенно кричал Петухов.— Ты думаешь, если у тебя «рука» есть, так ты удержишься, что бы ни натворил? Нет, брат, современных законов равновесия не знаешь! Ты сам эту «руку» скорей в болото стащишь! Довольно, племянничек! Пошел-ка ты вон по собственному желанию!..

— По вашему собственному желанию или по моему? — осторожно осведомился племянник.

— По твоему...— смилостивился дядя.

— Но я получал на этой работе материально-эстетическое удовлетворение...— в отчаянии захныкал Фика.— Где я теперь найду такое место? Меня ж не возьмут, дядя!..

— Возьмут. Я тебе характеристику дам! — прикрикнул Петухов.— Я тебе такую характеристику напишу, что тебя с руками оторвут, чтоб мне тебя не видеть больше! Это просто не по-родственному! — все больше краснел от возмущения Семен Данилович.— Если уж тебе непременно нужно кого-нибудь подводить, то подводи чужого человека, а не родного дядю!

И Петухов сел писать, продолжая выговор:

— Сам во всем виноват!.. Блат!.. Разбазариванье!.. Ты ж, как муравей,— больше себя тащишь! Под суд тебя за это мало отдать!..

А рука его строчила: «Тов. Варенников проявил себя, как честный, добросовестный работник и...»

Фика покорно вздыхал и, глядя через дядино плечо своими сливово-маслиновыми глазами, с удовлетворением перечитывал строки, выводимые четким петуховским почерком:

«...дисциплинированный, морально подтянутый. Рекомендую на самостоятельную работу...»

Петухов дописал, расписался и, протянув бумажку племяннику, сказал:

— Иди, подлец! Проявляй свои способности, но смотри не попадайся!

— Дядя, вы мне делаете больно! — подмигнул Петухову повеселевший племянник и, бодро повернувшись, ушел по собственному желанию...

3

За окнами кабинета управляющего райпромкомбинатом сияло лето. Звенели комары и телефоны. Пахло свежим сеном и жареным асфальтом. В витринах висел «Крокодил» с карикатурами на нехватку газированной воды. Газеты критиковали рыбную промышленность за невыполнение плана летнего лова.

Слозом, за окнами стояло лето, в то время как в самом кабинете бушевал свирепый, чисто зимний шторм.

Переброшенный после скандала с сукном на должность управляющего райпромкомбинатом, Петухов не успел вернуться из своего первого отпуска и подписать сводку о выполнении месячного плана по комбинату, как уже получил выговор за приписку пятидесяти одного процента к плану по обозным мастерским.

Петухов отлично помнил, что он только округлил представленную сводку с 95 процентами выполнения плана до 100 процентов. В его представлении это было скромным и естественным актом, привычным еще со времени работы на швейной фабрике.

Но откуда же образовался разрыв еще в сорок шесть процентов?

Он приказал вызвать начальника обозных мастерских Кузина, но ему доложили, что Кузин болеет и его уже месяц заменяет новый, принятый в отсутствие Петухова работник.

— Кто этот работник?

— Филипп Васильевич Варенников.

Семен Данилович рухнул в мягкое кресло, издавшее печальный гитарный звон.

— Я не виноват, дядя...— меланхолически поднял на Петухова свои плодоягодные глаза введенный в кабинет Фика.— Я приписал только с 82 процентов до 95. Остальное — ребята.

— Какие ребята? — насторожился Петухов.

— Корешки! Я штат обновил, дядя...— скромно потупившись, признался племянник.— Дивные ребята! Но уж очень дружно навалились. Я ж не знал, что Федька-зам кружок доделал — с 62 на 82. А он тоже не думал, что Косой Севка с 49 на 62 процента махнет!..

— Сейчас же подавай заявление об уходе! — закричал дядя, схватив племянника за грудь оранжевого пиджака, сшитого из остатков детского сукна на швейной фабрике № 2.— Подавай заявление! Я тебе такую характеристику напишу — пальчики оближешь! На выгоднейшее место попадешь! Только уходи отсюда, не губи дядю!

Так как Варенников ради выгоды способен был на самые благородные поступки, то он согласился и покорно покинул стены негостеприимной конторы.

4

За окошком закутка заведующего столовой № 2 покрякивала веселая зима. Скрипели полозья саней и подошвы прохожих. Аппетитно пахло дымком. С обложки висевшего в стеклянном стенде «Крокодила» румяный дед Мороз с сердитыми ватными усами напоминал о подготовке к заносам, а газеты указывали рыбникам на затяжку с ремонтом тралового флота.

На улице, судя по приметам, была зима, а в закутке заведующего столовой № 2 гремела яростная, чисто летняя гроза с градом упреков и громом ругательств.

Эти громы и молнии метал старый наш знакомый Семен Данилович Петухов, снятый за приписку к отчетам райпромкомбината и брошенный для исправления на городской трест столовых и кафе.

— Ты что ж это, сукин сын? — кричал он.— Ты что ж это, подлец?.. Опять?..

В этом «опять» было все: и ненависть к томным, меланхолическим глазам профессионального жулика, и бессильная ярость, вызванная тем, что в подведомственной теперь Петухову столовой № 2 вместо делового и честного Ястребова, выдвинутого в горторготдел, каким-то чудом оказался директором Фика Варенников, и, наконец, ужас перед грудой жалоб посетителей в адрес фикиной столовой, жалоб, еще не просмотренных Петуховым, но одним видом своим повергавших его в трепет.

— Опять? — неопределенно, но грозно повторил Петухов, еще не зная точно, в чем следует сегодня обвинять племянника, но уверенный, что материал для обвинений уже есть.

— Дядя, вы меня поймали с наличными...— сразу признался племянник.— Но давешний розмарин мы пустили по цене высшего сорта из чисто эстетических соображений. Уж очень хорош был фрукт!

— Пересортица?! — ахнул дядя и закрыл лицо руками.

— А вы разве не про яблоки? — удивился Фика.— Ну, тогда, дядя, я не узнаю вас. Эта история с капустой провансаль не должна вас волновать. Мы с Косым вылили в нее всего три ведра воды. Капуста так смешно всасывает воду...

— Значит, и с капустой тоже?! — схватился за голову Петухов.

— А вы про капусту разве не знали?.. Ах, стало быть, вы про эту списанную бочку пива? — начал было Варенников.— Так ведь надо же учитывать федькины расходы: у него же одних детей два человека!..

Но Петухов грозно перебил его.

— На этот раз с меня довольно! — в исступлении закричал он.— Выбирай: либо я отдаю тебя под суд, либо ты сейчас же скажешь, каким дьявольским способом ты в мое отсутствие устроился ко мне на работу...

— Это же очень просто, дядя! — радостно воскликнул Фика, и в глазах его загорелись веселые жирные огоньки.— Я же предъявил вашу характеристику, которую вы мне дали. Как меня могут не принять, когда вы сами пишете, что я честный, добросовестный и морально чистый?!.

Петухов съежился, как от удара, потом несколько распрямился и, разорвав предъявленные племянником характеристики, сел к столу и быстро застрочил. Через десять минут он показал Фике две бумажки. На одной значилось: «Предъявитель сего Ф. В. Варенников проявил себя как способный, инициативный вор. Имеет опыт развала любой работы. Рекомендуется изгонять его из каждого учреждения».

На другой бумажке были обычные слова о хороших варенниковских качествах.

— Вот,— сказал Петухов,— либо ты получаешь здесь на руки первую характеристику, либо ты сейчас же уезжаешь в другой город и тогда получаешь там эту, вторую рекомендацию. Но только по почте! Выбирай.

— Лучше по почте...— криво усмехнулся Фика. — Так приятно получить в чужом городе весточку от близкого родственника!..

Племянник вышел, не прощаясь.

Петухов успокоенно улыбался.

На сей раз оборотистый племянник — этот упорно возвращающийся бумеранг — был заброшен так далеко, что можно было надеяться: больше он не вернется.

И все же с тех пор, куда бы судьба и вышестоящие инстанции ни забрасывали Петухова, каждый

раз, принимая дела или возвращаясь из отпусков и командировок, Семен Данилович в всякий случай с тревогой заглядывал в список сотрудников своего учреждения, проверяя, не появилась ли там за это время роковая фамилия его неистребимого племянника...

Наконец-то солнце пригрело по-летнему...

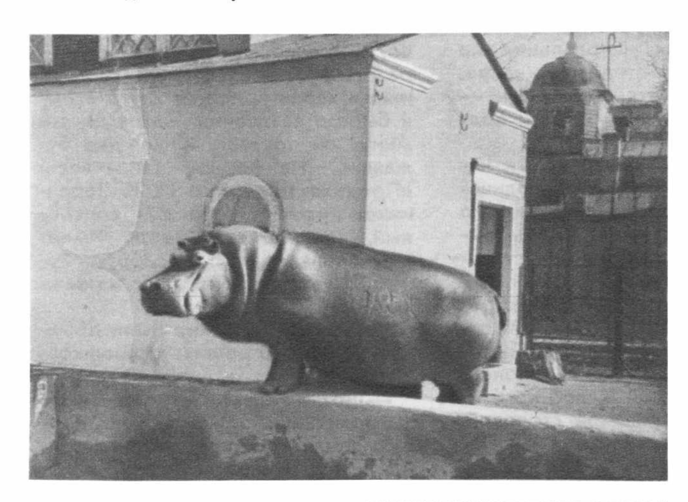
Можно перебираться из душной квартиры на лоно природы.

Бегемот Петер в Московском зоопарке покинул зимнее, отапливаемое помещение...

Рысцой, семеня короткими ногами, спешит он в летнюю открытую вольеру. Дорога знакома ему по прошлым годам: не первый раз проходит он эти триста метров.

Отливает медью толстая бурая кожа двухтонной махины. Лишь издали наблюдают служители за переходом своего любимца.

...Последний поворот!

Вот и на даче! Надо осмотреться. Как будто бы летняя квартира в полном порядке... Все приготовлено к приему постоянного жильца.

Прежде всего искупаться. Поплавать, понырять в теплой, чистой воде.

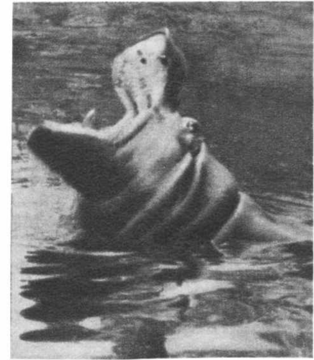
Уф!.. Хорошо!

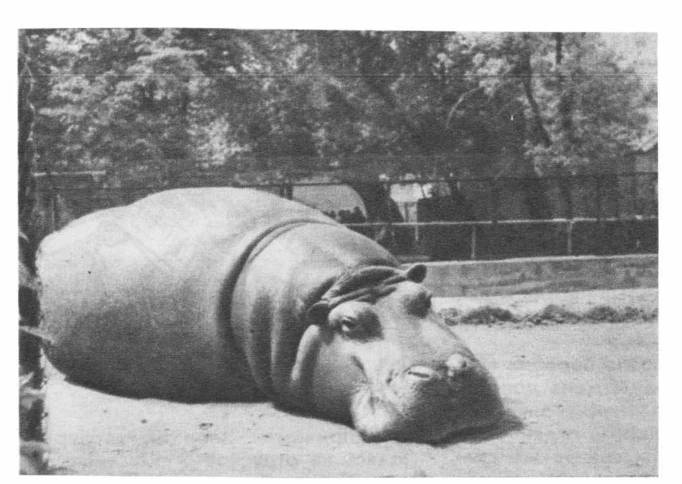
Ну, а теперь можно спокойно полежать, понежиться под ласковыми лучами московского солнышка.

Ну совсем как в родной Африке!

Н. НИКОЛАЕВ

Фото А. Анжанова.

В ШПИЛЕ АДМИРАЛТЕЙСТВА

Высоко в ленинградском небе сверкает игла Адмиралтейства, справедливо названного современниками «историческим свидетельством успехов русского зодчества».

Вначале Адмиралтейство сооружалось и как корабельная верфь и как крепость. В 1732—1738 годах талантливый архитектор Иван Коробов перестроил старое здание. Он сохранил планировку в виде буквы П, раскрытой в сторону Невы, но вместо мазанковых корпусов построил каменные.

В 1805 году А. Д. Захарову была поручена постройка нового Адмиралтейства. Он создал триумфальное сооружение, символизирующее военно-морскую славу России. Фасад здания, протянувшийся на 409 метров, декорирован скульптурой и лепкой. Мы видим Нептуна, вручающего Петру свой трезубец — символ власти над морем; награждение Фемидой — богиней справедливости — подвигов русского оружия на суше и на море; над аркой окрыленные фигуры Славы скрестили свои знамена. На 72-метровой вышине шпиль Адмиралтейства увенчан золотым корабликом.

Во время реставрационных работ в 1935 году в золоченом яблоке шпиля бригадой рабочих был обнаружен ларец с газетой «Санкт-Петербургские ведомости» за 1809 год. Приняв эту своеобразную эстафету, бригада реставраторов вложила в ларец на память потомству номер «Ленинградской правды».

К. КОНСТАНТИНОВ

КОЛЛЕКЦИЯ ПТИЦ

Сорок дней студент Пушно-мехового института Леопольд Семашко выслеживал в Уссурийской тайге редкую добычу. Пробираясь между столетними деревьями, притаившись в тростниках на берегу реки, он поджидал редчайшую водоплавающую птицу — чешуйчатого крохаля. На сорок первый день в верховьях таежной реки он увидал крохаля и приложился к ружью. Раздался выстрел. Окаймленное сизой «чешуей» белое брюшко птицы замелькало в быстром течении. Леопольд Семашко бросился в воду, не раздеваясь. Через несколько минут он выбирался на берег, по-охотничьи держа — за шею — драгоценную птицу.

Это был крохаль, каких за сто лет добыто всего несколько штук.

Шкурку редкой птицы студент прислал в подарок Московскому государственному университету для одной из его учебных коллекций.

Многие студенты, молодые зоологи, работники краеведческих музеев, охотники из разных концов страны прислали для этой коллекции уникальных птиц. Пять тысяч пернатых, собранных усилиями ученых и студентов, позволяют уже сейчас говорить о том, что коллекция будет одной из лучших в мире. Среди экспонатов — красные, с изогнутыми, как знак вопроса, шеями фламинго, отстреляные в Кызылагачском заливе; белоснежные тундряные лебеди; таймырские вилохвостые чайки; конюги с Курильских островов; белые с лимонным отливом и серыми косичками цапли; мощные орлы, а также пеночки и корольки, умещающиеся в спичечной коробке.

И. ШПАРРО

Из почты «Огонька»

НЕОЖИДАННЫЙ УЛОВ

Недалеко от впадения реки Вуоксы в Ладожское озеро, у порогов, мастер спорта, спиннингист тов. Сабунаев ловил рыбу. В это туманное утро водоем закрыло пеленой и видимость была плохая.

Во время одной из поклевок удилище согнулось в дугу и лодку сильно потянуло. Так обычно берет очень крупный лосось. Рыболов подтаскивал к себе рыбу, а она тащила лодку...

Но вот рассеялся туман, реку осветило солнце. На поверхности воды показалось что-то черное, но быстро скрылось. Употребив все свое умение, вываживал рыбак добычу. Борьба продолжалась свыше двух часов. Четыре километра прошла лодка от места поклевки. Наконец на поверхность реки всплыл... тюлень! Он был зацеплен крючком за ласт, поэтому зверь сопротивлялся особенно сильно и очень трудно было подвести его к борту лодки.

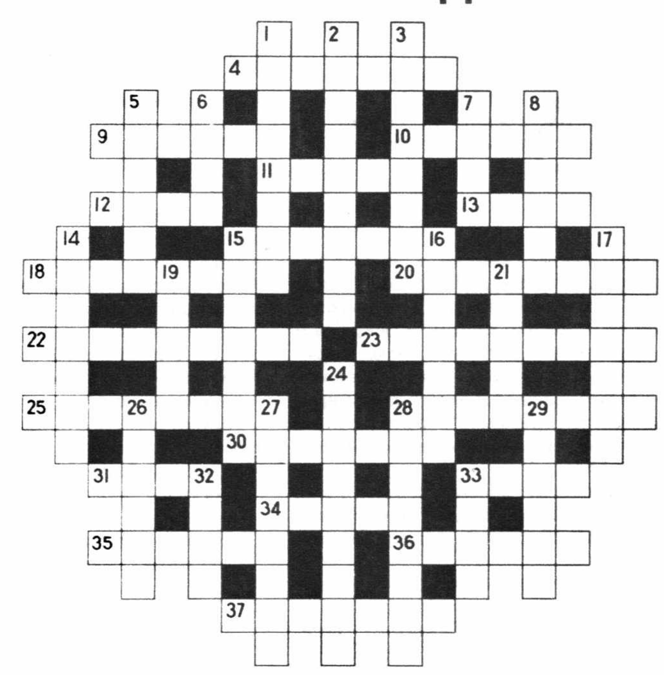
Рыболов обрезал лесу, отпустив тюленя на волю...

В связи с этим хочется сказать: какая чудесная снасть — спиннинг! При умении обращаться с ней спортсмен может поймать, пожалуй, любую по весу рыбу, которая водится в наших водоемах.

Н. КЛИМОВ

Ленинград

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Приток Сев. Донца. 9. Оборот речи, непереводимый дословно на другой язык. 10. Химический элемент. 11. Род оптического стекла. 12. Произведение И. Эренбурга. 13. Участок реки, канала между двумя плотинами или шлюзами. 15. Город в Чехословакии. 18. Договор, соглашение. 20. Отклонение от общей закономерности. 22. Внезапная тревога. 23. Персонаж из «Трех сестер» А. П. Чехова. 25. Спортсмен. 28. Письменное обращение. 30. Направление, перпендикулярное к курсу судна. 31. Река в Европе. 33. Часть слова. 34. Выборный орган в Монгольской Народной Республике. 35. Птица. 36. Планета. 37. Персонаж из «Сорочинской ярмарки» Н. В. Гоголя.

По вертикали:

1. Художник. 2. Комедия Ж. Мольера. 3. Действующее лицо из пьесы М. Горького «Мещане». 5. Представитель народа, населяющего РСФСР. 6. Выдающийся испанский художник. 7. Произведение А. Н. Толстого. 8. Вещество, применяемое в технике и медицине. 14. Заготовка впрок продуктов питания. 15. Специальность врача. 16. Временная приостановка жизнедеятельности организма. 17. Советский писатель. 19. Геодезический знак. 21. Вещество, применяемое в фотографии как проявитель. 24. Торговая специальность. 26. Искусный работник, мастер. 27. Алгебраическое сочетание. 28. Вступительная часть музыкального произведения. 29. Высшая степень расцвета. 32. Кондитерское изделие. 33. Сооружение для подъема судов на берег.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали:

3. Тангенс. 5. Впечатление. 9. Медведица. 11. Босфор. 12. Алехин. 14. Пшено. 16. Тибр. 17. Айва. 18. Тюлень. 19. Монгол. 20. Саки. 22. Торф. 23. Орлик. 24. Ацетон. 26. Бобров. 27. Резонатор. 28. Метеорограф. 31. Нордвик.

По вертикали:

1. Анка. 2. Перл. 3. Тренер. 4. Синица. 6. Трепел. 7. Ассортимент. 8. Бухгалтерия. 9. Модулятор. 10. Аллигатор. 11. Бригада. 13. Неверов. 14. Панно. 15. Опоек. 21. Планер. 25. Нептун. 26. Бобрик. 29. Охра. 30. Ошва.

В этом номере на вкладках помещены репродукции картин В. Г. Перова: «Рыболов», «Приезд гувернантки в купеческий дом», «Чаепитие в Мытищах, близ Москвы», «Тройка» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 02820 Подп. к печ. 2/VI 1953 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 414. Заказ 922. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Летние платья

1. Платье из набивной шелковой или вискозной ткани. Перед отрезного по талии лифа настрочен на кокетку отлетной складкой.

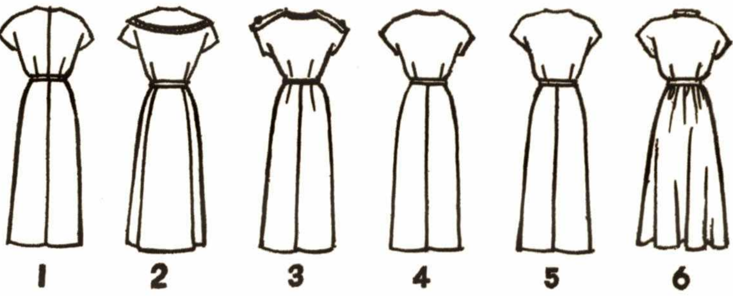
По линии плечевого шва и внизу кокетка присборена. Юбка прямая, с отрезными, собранными под клапанами боками.

2. Платье из набивного шелка. Лиф отрезной по талии, с короткими цельнокроенными рукавами. К лифу пристрочен широкий воротник в виде пелеринки, отделанный косой бейкой гладкой ткани. Спереди воротник перехвачен бантами.

Автор моделей — В. Ю. Корж.
Ателье № 25 «Мосиндодежды».

3. Платье из белого шелка, отделанное пристегивающимися патами, через которые продергивается по вырезу ворота косая полоса яркосиней ткани. На юбке паты образуют карманы. Перед юбки состоит из пяти слегка расклешенных клиньев.

4. Платье из ткани с рисунком в горошек. Отвороты коротких цельнокроенных рукавов и воротник отделаны нашитой в несколько рядов тесьмой — вьюнком. По талии застрочены мелкие складочки. По середине лифа и прямой юбки спереди заложена глубокая встречная складка.

5. Платье из плотной шелковой ткани, отделанное бархатным шнуром. Короткие рукава, сзади выкроенные вместе со спинкой, спереди втачные. Юбка прямая, с отрезными вшитыми боками; швы отстрочены с двух сторон.

6. Платье из набивного креп-жоржета или шифона. Лиф с короткими цельнокроенными рукавами и воротником-пелеринкой спереди. На воротнике застрочены поперечные складки, по линии плечевого шва воротник присборен. Юбка четырехшовная, собранная по талии. Расклешенный перед юбки застрочен складками по поперечной нитке.

Автор моделей — А. П. Поничева.
Ателье №№ 33 и 38 «Мосиндодежды».

Цена номера 3 руб.

